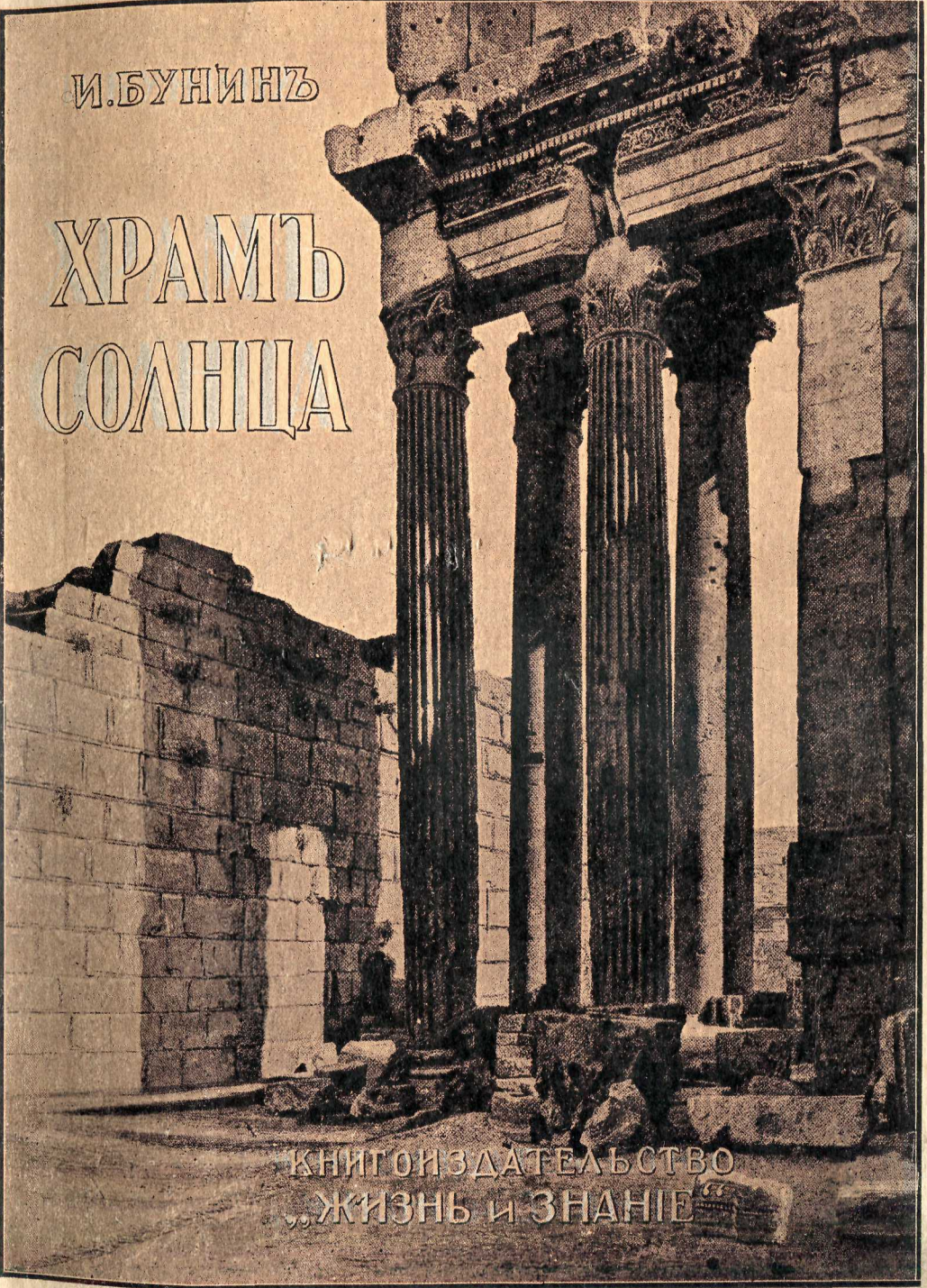

20434 / 40

И. БУНИНЪ

ХРАМЪ СОЛНЦА

КНИГОИЗДАТЕЛСТВО
„ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ“

Книгоиздательство „Жизнь и Эхание“.

ПЕТРОГРАДЪ,

Поварской пер. д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА. Кн. 17-ая.

691

20457
40

И. А. Бунинъ.

ХРАМЪ СОЛНЦА.

СЪ 18 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕБСТЪ.

ЦѢНА—2 руб., въ папкѣ—2 р. 65 к.,
въ переплетѣ—3 р.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 20457 г.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

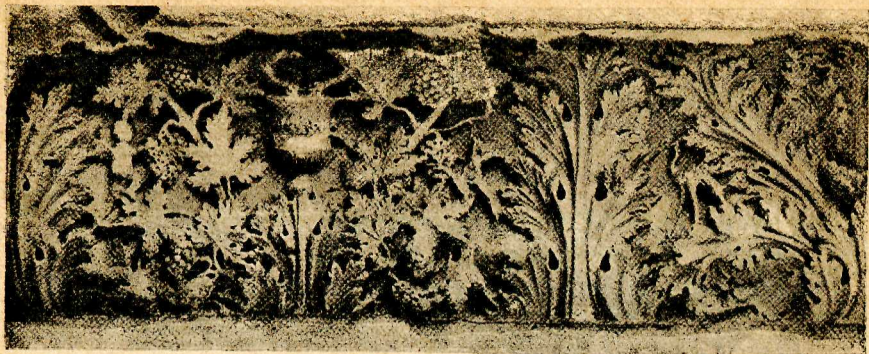
Дозволено военной цензурой. 17 декабря 1916 г. Петроградь.

Типографія Л. Я. Ганзбурга, Мытнинская ул., д. 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Храмъ солнца	9
Каинъ	11
Стамбуль	13
Скутари	14
Ая-Софія	15
Въ Архипелагѣ	16
Египеть	19
Александръ въ Египтѣ	20
Могила въ скалѣ	22
Іерусалимъ	23
Долина Іосафата	26
Караванъ	27
Іерихонъ	28
Бедуинъ	29
Подъ Хеврономъ	30
Гробница Рахили	31
Источникъ звѣзды (Сирійскій апокрифъ)	32
Гермонъ	34
Мать	35
Тѣнь птицы	39
Море боговъ	72
Зодіакальный свѣтъ	92
Іудея	115
Пустыня дьявола	142
Мертвое море	153
Храмъ солнца	158
Геннисареть	168

ХРАМЪ СОЛНЦА.

+ ХРАМЪ СОЛНЦА.

Шесть золотистыхъ мраморныхъ колоннъ,
Безбрежная зеленая долина,
Ливанъ въ снѣгу—и неба синій склонъ.

Я видѣлъ Ниль и Сфинкса-исполина,
Я видѣлъ пирамиды: ты сильнѣй,
Прекраснѣй, допотопная руина!

Тамъ глыбы желто-пепельныхъ камней,
Забытая могила въ океанѣ
Нагихъ песковъ. Здѣсь—храмы первыхъ дней.

Патріархально-царственныя ткани—
Снѣговъ и скалъ продольные ряды —
Лежатъ, какъ пестрый талесъ, на Ливанѣ.

Подъ нимъ луга, зеленые сады
И сладостный, какъ горная прохлада,
Шумъ быстрой малахитовой воды.

Подъ нимъ оазись древняго Номада
И древнія священныя мѣста
Вѣнчаетъ золотая колоннада.

Руина Храма Солнца, ты пуста!
Но ты—истокъ познаній человѣка,
Порогъ его исканія, врата.

Ты—колыбель младенческаго вѣка,
Нашъ первый слѣдъ и первый іероглифъ---
И въ бездну я взглянулъ изъ Баальбека:

Тамъ—даль и мгла. Туманно-синій Миѳъ.

Баальбекъ. Весна 1907 г.

КАИНЪ.

Баальбекъ воздвигъ въ
безуміи Каинъ.

Сирійск. преданія.

Родъ приходитъ, уходитъ,
А земля пребываетъ вовѣкъ...
Нѣтъ, онъ строить, возводитъ
Храмъ безсмертныхъ племенъ—Баальбекъ.

Онъ—убійца, проклятый,
Но изъ Рая онъ дерзко шагнулъ.
Страхомъ Смерти объятый,
Все же первый въ лицо ей взглянулъ.

Жадно ищущій Бога,
Первый бросилъ проклятье Ему.
И, достигнувъ порога,
Паль, сраженный, увидѣвши—тѣму.

Но и въ тѣмѣ онъ вославить
Только Знаніе, Разумъ и Свѣтъ—
Башню Солнца поставитъ,
Вдавить въ землю незыблемый слѣдъ.

И глаза великана
Красной кровью свирѣпо горять,
И долины Ливана
Подъ великою ношей гудятъ.

Синекудрый, весь бурый,
Изъ пустыни и зноя литой,
Опоясанъ онъ шкурой,
Шкурой льва, золотой и густой.

Онъ спѣшитъ, онъ швыряетъ,
Онъ скалу на скалу громоздитъ.
Онъ дрожить, умираетъ...
Но Творцу отомстить, отомстить!

+ ✓

СТАМБУЛЬ.

Облѣзлые худые кобели
Съ печальными молящими глазами—
Потомки тѣхъ, что изъ степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Былъ побѣдитель славенъ и богатъ
И затопилъ онъ шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царь-Градъ,
И предался, какъ сытый левъ, покою:

Но дни летять, летять быстрѣе птицъ!
И вотъ уже въ Скутари на погостѣ
Чернѣетъ лѣсъ, и тысячи гробницъ
Бѣлѣютъ въ кипарисахъ, точно кости.

И прахъ вѣковъ упалъ на прахъ святынь,
На славный городъ, нынѣ полудикій,
И вой собакъ звучить тоской пустынь
Подъ византійской ветхой базиликой.

И пусть Сераль, и смолкъ его фонтанъ,
И высохли столѣтнія деревья...
Стамбуль, Стамбуль! Послѣдній мертвый станъ
Послѣдняго великаго кочевья!

+

СКУТАРИ.

Шипить и не встаетъ верблюдоъ,
Ревуть, урчатъ бока скотины.
— Ударь ногой! Уже поютъ
Въ разсвѣтъ аломъ муэззины.

Стамбуль жемчужно-сѣръ вдали,
Отъ дыма сизо на Босфорѣ,
Въ дыму выходятъ корабли
Въ сѣдое Мраморное море.

Дымъ смѣшанъ съ холодомъ воды,
Онъ пахнетъ медомъ и ванилью
И вами, бѣлые сады,
И кизякомъ, и росной пылью.

Выносить красный самоваръ
Грекъ изъ кофейни подъ каштаномъ,
Барановъ гонять на базаръ,
Проснулись нищѣ за ханомъ...

Пора идти, глядѣть весь день
На зной и блескъ, и все къ востоку,
Гдѣ только птицъ косая тѣнь
Бѣжить по выжженному дроку.

АЯ-СОФІЯ.

Бер в бж
и в о г о н е

Свѣтильники горѣли, непонятный
Звучалъ языкъ,—Великій Шейхъ читалъ
Святой Коранъ,—и куполь необъятный
Въ угрюмомъ мракѣ пропадалъ.

Кривую саблю вскинувъ надъ толпою,
Шейхъ поднималъ ликъ, закрылъ глаза—и страхъ
Царилъ въ толпѣ, и мертвою, слѣпою
Она лежала на коврахъ...

А утромъ храмъ былъ свѣтелъ. Все молчало
Въ смиренной и священной тишинѣ,
И солнце ярко куполь озаряло
Въ непостижимой вышинѣ.

И голуби въ немъ, рѣя, ворковали,
И съ вышины, изъ каждаго окна,
Просторъ небесъ и воздухъ сладко звали
Къ тебѣ, Любовь, къ тебѣ, Весна!

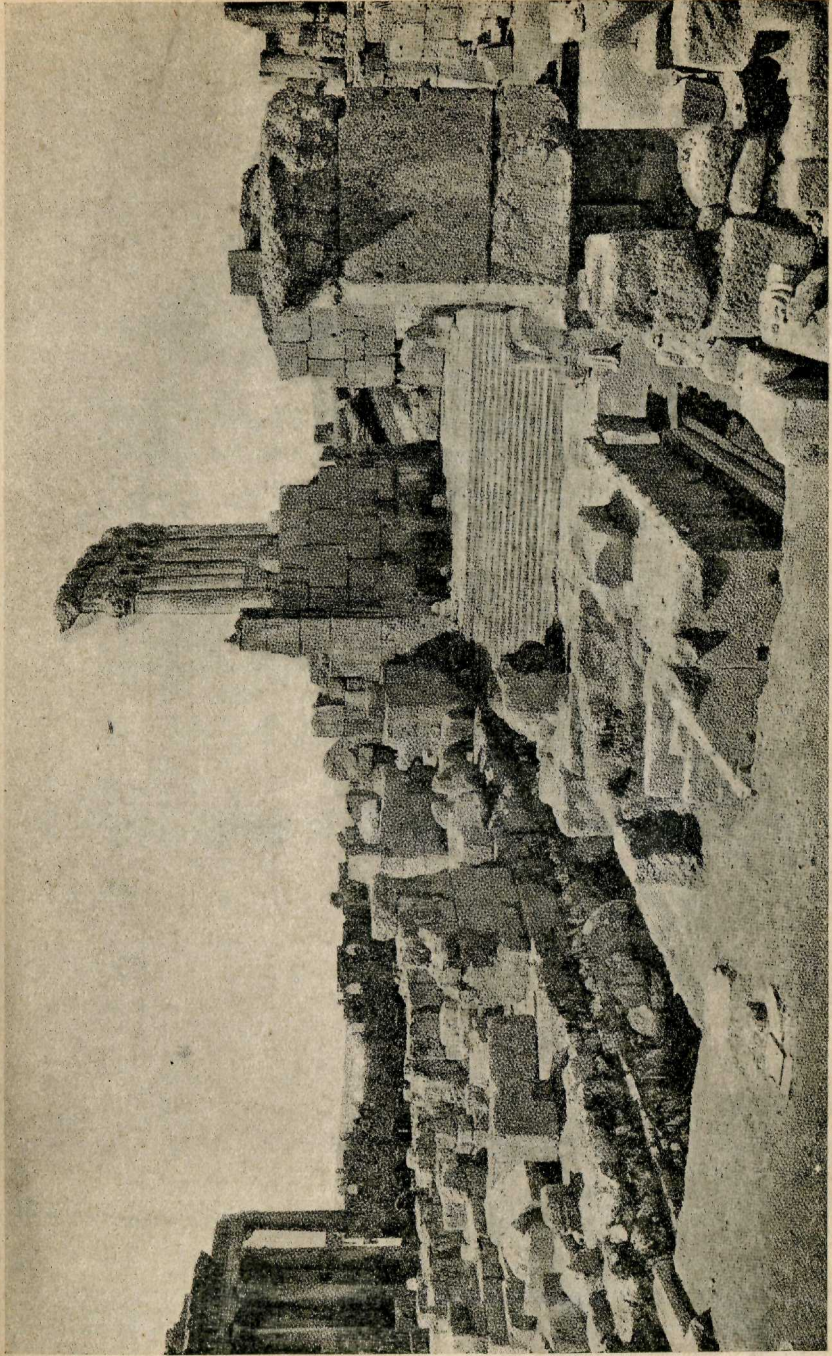
+ ВЪ АРХИПЕЛАГЪ.

Осенній день въ лиловой крупной зыби
Блисталъ, какъ мѣдь. Эоль и Посейдонъ
Вели въ снастяхъ пѣвучій, долгій стонъ,
И нашъ корабль нырять, подобно рыбѣ.

Вдали былъ мысъ. Высоко на изгибѣ,
Сквозя, вставалъ чуть желтый рядъ колоннъ.
Но пѣсня рей меня клонила въ сонъ—
Корабль нырять въ лиловой крупной зыби.

И что мнѣ въ томъ, что это старый храмъ,
Что на мысу—забытый портикъ Феба?
Запомнилъ я лишь рядъ колоннъ да небо.

Дымъ облаковъ курился по горамъ,
Пустынный мысъ былъ схожъ съ ковригой хлѣба...
Я жилъ во снѣ. Боговъ творилъ я самъ.

Бунинъ. Храмъ Солнца.

Рис. 1. Развалины храма Юпитера въ Акрополѣ.

† ЕГИПЕТЪ.

Ра-Озирисъ, владыка дня и свѣта,
Хвала тебѣ! Я, богъ пустыни, Сеть,
Горжусь врагомъ: ты, побѣждая Сета,
Въ его странѣ царилъ пять тысячъ лѣтъ.

Ты славенъ былъ, твоя ладья воспѣта
Была стократъ. Но за ладьей во слѣдъ
Шелъ богъ пустынь, богъ древняго завѣта—
И вотъ, о Ра, плоды твоихъ побѣдъ:

Безносый сфинксъ среди полей Гизеха,
Лѣнивый Нилъ да глыбы пирамидъ,
Руины Фивъ, гдѣ гулко бродить эхо,
Да письмена въ куски разбитыхъ плитъ,

Да обелискъ въ блестящей политурѣ,
Да пыль песковъ на пламенной лазури.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТЪ.

Къ оракулу и капищу Сиваха
Шель Александръ. Дыханіемъ костра
Дуль вѣтеръ изъ пустыни. Тучи праха
Темнили свѣтъ и рвали ткань шатра.

Изъ-подъ шатра съ верблюда, въ тучахъ пыли,
Онъ различалъ своихъ проводниковъ:
Два ворона на синихъ крыльяхъ плыли,
Борясь съ косыми вихрями песковъ.

И вдругъ упали вихри. И верблюды
Остановились: медленно идетъ
Песками змѣй, весь черный. Изумруды
Горятъ на немъ. Глаза—какъ мутный ледъ.

Идетъ—и вотъ ихъ двое: онъ, Великій,
И змѣй, дрожащій въ солнечномъ огнѣ,
Рогатый, мутноглазый, черноликій,
Весь въ самоцвѣтахъ пышныхъ, какъ въ бронѣ.

„Склони чело и дай дорогу змѣю!“ —
Вѣщаетъ змѣй. И замеръ царь... О, да!
Кто назоветъ вселенную своею?
Кто властелиномъ будетъ? И когда?

Онъ, символъ и зловѣщій стражъ Востока,
Онъ тоже царь: кто жъ приметъ власть боговъ?
— Не вы, враги. Грядущій богъ далеко,
Но Онъ придетъ, другъ темныхъ рыбаковъ!

† МОГИЛА ВЪ СКАЛЪ.

То было въ полдень, въ Нубіи, на Нилъ.
Пробили входъ, затеплили огни—
И на полу преддверія, въ тѣни,
На голубомъ и тонкомъ слоѣ пыли,
Нашли живой и четкій слѣдъ ступни.

Я, путникъ, видѣлъ это. Я въ могилѣ
Дышалъ тепломъ сухихъ камней. Они
Сокрытое пять тысячъ лѣтъ хранили.

Хранили день,—быть можетъ только часъ,
Иль даже мигъ,—когда въ послѣдній разъ
Вздохнулъ здѣсь тотъ, кто узкою стопою
Въ атласный прахъ вдавилъ свой узкій слѣдъ,

Тотъ мигъ воскресъ! И на пять тысячъ лѣтъ
Умножилъ жизнь, мнѣ данную судьбою.

ИЕРУСАЛИМЪ.

I.

Это было весной. За восточной стѣной
 Былъ горячій и радостный зной.
Зеленѣла трава. На припекѣ во рву
 Макъ кропилъ огоньками траву.

И сказалъ проводникъ: „Господинъ! Я—еврей
 И, быть можетъ, потомокъ царей.
Погляди на цвѣты по сіонскимъ стѣнамъ:
 Это все, что осталось намъ“.

Я спросилъ: „На цвѣты?“ И услышалъ въ отвѣтъ;
 „Господинъ! Это—праотцевъ слѣдъ,
Кровь погибшихъ въ бояхъ. Каждый годъ какъ весна,
 Краснымъ макомъ восходить она.“

2.

Въ полдень былъ я на кровль. Кругомъ подо мной
Тоже кровлей—единой, сплошной,
Желто-розовой, точно песокъ,—возлежалъ
Древній городъ—и зноемъ дышалъ.

Одинокая пальма вставала надъ нимъ
На холмъ опахаломъ своимъ,
И мелькали, сверлили стрижи тишину,
И далеко я видѣлъ страну.

Моремъ сѣрыхъ холмовъ разстилалась она
Въ дымкѣ сизаго мглистаго сна,
И я видѣлъ гористый Моавъ, а внизу—
Ленту Мертвой Воды—бирюзу.

3.

„Отъ Галгала до Газы, сказалъ проводникъ,
Край отцовъ нынѣ бѣденъ и дикъ.
Иудея въ гробахъ. Богъ раскинулъ по ней
Сѣмя пепельно-сѣрыхъ камней.

Врагъ разрушилъ Сіонъ. Городъ тлѣлъ и сгораль—
И пророкъ Іеремія собралъ
Теплый прахъ—прахъ золы — въ погасавшемъ огнѣ
И разсѣялъ его по странѣ:

Да родить край отцовъ только камень и макъ!
Да исчахнетъ въ немъ всяческій знакъ!
Да пребудеть онъ голъ, изсушенъ, нелюдимъ—
До прихода Рѣченнаго Имъ!“

7 ДОЛИНА ЮСАФАТА.

Отрада смерти страждущимъ дана.
Вы побѣлѣли, странники, отъ пыли—
Среди враговъ, въ чужихъ краяхъ вы были!
Здѣсь, въ темныхъ склепахъ, миръ и тишина.

Гора полдневнымъ солнцемъ сожжена.
Русло Кедрона вѣтры изсушили.
Но въ прахъ отцовъ вы посохи сложили—
Васъ обрѣла родимая страна.

Въ ней спять цари, пророки и левиты.
Въ блаженныя обители ея
Всѣхъ, что въ плѣну и что мечомъ убиты,
Сбираетъ Милосердый Судія.

По жесткимъ склонамъ каменные плиты
Стоять раскрытой книгой бытія.

КАРАВАНЪ.

Звонъ за оградой, нѣжный, полусонный,
Звонъ бубенцовъ подобенъ роднику:
Течеть, течеть... Листва и цвѣтъ лимонный,
Чуть золотясь, склонились къ гамаку.

Давно затихъ базаръ неугомонный.
Луна сквозь садъ сіяетъ по песку...
Они идутъ подъ лепетъ однотонный.
Вожакъ прилегъ на жесткую луку.

Вотъ потянуло вѣтромъ—и свѣжѣе
Вздохнула ночь... Какъ сладко спать въ сѣдлѣ,
Прильнувъ лицомъ къ верблюжьей теплой шеѣ!

Луна зашла. Поетъ пѣтухъ въ Рамле.
И млечной синью горы Іудеи
Свой зыбкій кряжъ означили во мглѣ.

† ИЕРИХОНЪ.

Скользять, текутъ огни зеленыхъ мухъ.
Надъ Мертвымъ моремъ знойно и туманно
Отъ блеска звѣздъ. Песокъ вдали—какъ манна.
И смутный гуль, дрожа, колдуетъ слухъ.

То ропоть жабъ. Онъ длится неустанно,
Зоветь, томить... Но часъ полночный глухъ.
Внимаетъ имъ, быть можетъ, только Духъ
Среди камней въ пустынь Іоанна.

Тамъ, между звѣздъ, чернѣетъ острый пикъ
Горы Поста. Чуть теплится лампадка.
Внизу—истома. Приторно и сладко

Мимозы пахнутъ. Сахарный тростникъ
Горитъ отъ мухъ... И дремлетъ Лихорадка,
Подъ жабій бредъ откинувъ блѣдный ликъ.

+ БЕДУИНЪ.

За Мертвымъ моремъ—пепельныя грани
Чуть видныхъ горъ. Полдневный часъ, обѣдъ.
Онъ выкупалъ кобылу въ Иорданѣ
И сълъ курить. Песокъ, какъ мѣдъ, нагрѣтъ.

За Мертвымъ моремъ, въ солнечномъ туманѣ,
Течетъ миражъ. Въ долину—зной и свѣтъ,
Воркуетъ дикій голубь. На герани,
На олеандрахъ—вешній алый цвѣтъ.

И онъ дремотно поетъ, воспѣвая
Зной, олеандръ, герань и тамариксъ.
Сидитъ, какъ ястребъ. Пѣгая абая
Сползаетъ съ плечъ... Поэтъ, разбойникъ, гиксъ.

Вотъ закурилъ—и радъ, что съ тонкимъ дымомъ
Сравнить въ стихахъ вершины за Сиддимомъ.

+ ПОДЪ ХЕВРОНОМЪ.

На пути подъ Хеврономъ,
Въ каменистой, широкой долинь,
Гдѣ по скатамъ и склонамъ
Вѣковыя маслины сѣрѣли на глинь,
Поздней ночью я слышалъ
Плачь ребенка—шакала...
Изъ-подъ черной палатки я вышелъ,
И душа моя долго искала
Хоть единой мнѣ близкой души въ полумракѣ...
Но уснули верблюды, собаки,
И арабы въ палаткѣ... Свѣтили
Молчаливыя звѣзды надъ старой
Позабытой землею... Въ могилѣ
Почивалъ Авраамъ съ Исаакомъ и Саррой...
И темно было въ древней гробницѣ Рахили.

† ГРОБНИЦА РАХИЛИ.

„И умерла, и схоронилъ Іаковъ
Ее въ пути...“ И на гробницѣ нѣтъ
Ни имени, ни надписей, ни знаковъ.

Ночной порой въ ней свѣтитъ слабый свѣтъ,
И куполь гроба, выбѣленный мѣломъ,
Таинственною блѣдностью одѣтъ.

Я приближаюсь въ сумракѣ несмѣломъ
И съ трепетомъ цѣлую прахъ и пыль
На этомъ камнѣ женственномъ и бѣломъ...

Сладчайшее изъ словъ земныхъ! Рахиль!

ИСТОЧНИКЪ ЗВѢЗДЫ.

Сирийскій апокрифъ.

Въ ночь рожденія Исы,
Святого, любимаго Богомъ,
Отъ востока къ закату
Звѣзда уводила Волхвовъ.

Въ ночь рожденія Исы
По горнымъ тропамъ и дорогамъ
Шли Волхвы караваномъ
На таинственный зовъ.

Камнемъ крови, рубиномъ
Горѣла звѣзда передъ ними,
Протекала, склонялась —
И стала, служенье свершивъ:

За долиной, на склонѣ—
Шатры и огни въ Рефаимѣ,
А въ долинѣ—источникъ
Подъ вѣтвями оливъ.

И волхвы, славословя,
Склонились предъ тѣми огнями
И сказали: „Мы видимъ
Святого селенья огни“.

И верблюды припали
Къ холодной водѣ межъ камнями:
Слѣдъ копытъ и донинѣ
Тамъ, гдѣ пили они.

А звѣзда покати́лась
И пала въ источникъ чудесный:
Кто достоинъ—кто видитъ
Въ источникѣ темномъ звѣзду?

Только чистыя дѣвы,
Невѣсты съ душой неневѣстной,
Обрученныя Богу,
Но и то—разъ въ году.

+ ГЕРМОНЪ.

Великій Шейхъ, сѣдой и мощный друзь!
Ты видишь все: пустыню Джаулана,
Геннисареть, долины Иордана
И Божій домъ, ветхозавѣтный Лузь.

Какъ бѣлый шелкъ сіяетъ твой бурнусь
Надъ синевою далекаго Ливана,
И самъ Христось, смиренный Исусь,
Дышалъ тобою, радость каравана.

Въ скалистыхъ нѣдрахъ спитъ Геннисареть
Подъ сѣрою стѣной Тиверіады.
Повсюду жаръ, палящій блескъ и свѣтъ
И допотопныхъ кактусовъ ограды:

На пыльную дорогу въ Назареть
Ты вѣчно вѣешь сладостью прохлады.

✕ М А Т Ъ.

На пути изъ Назарета
Встрѣтилъ я Святую Дѣву.
Каменистая синѣла
Самарія вокругъ меня.
Каменистая долина
Съ юга шла—и по долинѣ
Семенилъ ушастый осликъ
Межъ колосьевъ ячменя.

Тотъ, кто гналъ его, былъ въ пыльномъ
И заплатанномъ кунбазѣ,
Старъ, съ блестящими глазами,
Сизо-черенъ и курчавъ.
Онъ, босой и легконогій,
За хвостомъ его поджатымъ
Гнался съ палкою, виляя
Отъ колючекъ сорныхъ травъ.

А на немъ, на этомъ дробномъ,
Убѣгавшемъ мелкой рысью
Сѣромъ осликъ, сидѣла
Мать съ ребенкомъ на рукахъ:
Какъ спокойно поднялися
Аравійскія рѣсницы
Надъ глубокимъ, теплымъ мракомъ,
Что сиялъ въ ея очахъ!

Лѣтъ пятнадцать... Ожерелье
Изъ серебряныхъ монетокъ...
На вискахъ татуировка...
Легкій кубовый покровъ,
Ниспадающій на плечи...
Загорѣлая, босая...
Ты ли это, Матерь Бога
И Владычица міровъ?

Поклонялся я, Марія,
Красотѣ Твоей небесной
Въ странахъ франковъ, въ ихъ капеллахъ,
Полныхъ золота, огней,
Въ полумракѣ величавомъ
Древнихъ рыцарскихъ соборовъ,
Въ полумглѣ стоцвѣтныхъ оконъ
Сакристій и алтарей.

Тамъ, подъ плитами, почиютъ
Короли, святые, папы,—
Имена ихъ полустерты
И въ забвеніи дѣла.
Тамъ Твой Сынъ, главой поникшій,
Темный ликомъ, въ мукахъ крестныхъ.
Ты же—въ юности нетлѣнной:
Ты, и скорбная, свѣтла.

Золотой вѣнецъ и ризы
Бѣлоснѣжныя—я всюду
Ихъ встрѣчалъ съ восторгомъ тайнымъ:
При дорогахъ, на поляхъ,
Надъ бурунами морскими,
Въ шумѣ волнъ и крикахъ чаекъ,
Въ темныхъ каменныхъ пещерахъ
И на старыхъ корабляхъ.

Корабли во мракѣ, въ буряхъ
Лишь Тобой одной хранимы.
Ты—Звѣзда морей: со скрипомъ
Зарываясь въ пѣнѣ ихъ
И огни свои качая,
Мачты стойко держать парусъ,
Ибо кормчему незримо
Свѣтитъ свѣтъ очей Твоихъ.

Надъ безуміемъ буруновъ
Въ ясный день, въ дыму прибоя,
Ты цвѣтешь цвѣтами радугъ.
Ночью, въ черныхъ пастяхъ горъ,
Озаренная лампадой,
Ты какъ лилія бѣлѣешь,
Благодатно и смиренно
Преклонивъ на четки взоръ.

И къ стопамъ Твоимъ пречистымъ,
На алтарь Твой въ бѣдной нишѣ
При дорогахъ межъ садами,
Всякъ свой даръ, приносимъ мы:
Сирота-служанка—ленту,
Обрученная—свой перстень,
Мать—свои святые слезы
И пѣвецъ—свои псалмы.

Человѣчество не помнитъ,
Какъ творить оно легенды,
Какъ имъ спѣта Пѣсня Пѣсней—
Отчего возведена
На престолы горней славы,
Красоты неизреченной
Позабытая, простая
Галилейская жена.

Человѣчество, вѣнчая
Властью божеской тирановъ,
Обагрятъ руки кровью
Въ жаднѣ злата и раба,
И само еще не знаетъ,
Что оно иного жаждетъ,
Что еще разъ къ Назарету
Приведетъ его судьба.

Содрогался я отъ счастья
У святыхъ его преддверій:
О, Марія, сладко сердцу
Вспоминать и понимать,
Что, блуждая, всѣ мы ищемъ
Преклониться предъ любовью,
Галилейской нищетою
И сладчайшимъ словомъ: Мать.

Это Мать послала Сына:
— Дай имъ миръ и радость въ мирѣ.
Встань, иди. Скажи, какъ нѣжно
Я люблю свое дитя,
Какъ усталъ, какъ добръ Іосифъ,
Какъ онъ ноющей, дрожащей
Оттираетъ потъ рукою,
Улыбаясь и шутя.

— Расскажи о Назаретѣ,
О простомъ и бѣдномъ бытѣ,
О колодцѣ, гдѣ я мыла
Твой заплатанный хитонъ,
И о томъ, что, если будешь
Ты хотя владыкой міра,
Багряницы и виссона
Будетъ мнѣ дороже онъ.

ТѢНЬ ПТИЦЫ.

I.

Второй день въ пустынномъ, пепельно-синемъ и спокойномъ Черномъ морѣ.

Начало апрѣля, но съ утра свѣжо и облачно. Воздухъ прозраченъ, краски нѣсколько дики.

Стая краснолапыхъ чаекъ долго провожала насъ вчера, долго плыла на тугихъ острыхъ крыльяхъ, скосивъ глаза на длинный малахитовый слѣдъ за кормою. Но низкіе, плоскіе берега Новороссіи скрылись вчера еще въ полдень. Одинокій Змѣиный островокъ, каменистый Феодонисъ, похожій на черепаху, остался вправо отъ насъ передъ вечеромъ. И передъ вечеромъ скрылись и чайки... И вспоминались жалобы Овидія на нелюдность этихъ мѣстъ:

Quoscumque adspicias nihil est nisi pontus et aer.

Сизо-алый закатъ былъ холоденъ и мутенъ. Огонекъ, еще при свѣтѣ заката вспыхнувшій на верхушкѣ мачты, былъ печалень, какъ лампада надъ могилой. Неприятный вѣтеръ, крѣпко дувшій по правому борту, не развелъ зыби, но рано согналъ всѣхъ съ палубы, и тяжелая черная труба хрипѣла, распуская по вѣтру космы дыма. А ночь съ мутно-блѣдной луной и неясными тѣнями, едва означавшимися отъ вантъ и дыма, была еще холоднѣе. Но зато какъ крѣпко спалось въ холодной каютѣ подъ мѣрные вздохи машины!

Шумно и тревожно было вчера утромъ. Съ тревожнымъ и радостнымъ чувствомъ спустился я съ одесской горы въ этотъ постоянно волнующій меня міръ порта—въ этотъ усѣянный мачтами городъ агентствъ, конторъ, складовъ, рельсовыхъ путей, каменнаго угля и товаровъ, горами наваленныхъ на пристаняхъ. По жидкой весенней грязи, среди сброда босяковъ и грузчиковъ-кавказцевъ съ ихъ чалмами изъ башлыковъ и орлиными глазами, среди извозчиковъ, воловъ, влачащихъ нагруженныя телѣги, и жалобно кричащихъ паровозовъ, пробрался я къ черной китообразной громадѣ нашего переполненнаго людьми и грузомъ парохода, вымпела котораго — въ знакъ скорого выхода въ море—уже трепетали въ жидкомъ, блѣдно-голубомъ небѣ. И какъ всегда, безконечно долгими казались часы послѣднихъ торопливыхъ работъ, крики и споры на палубѣ, безтолковая суета ѣдущихъ и провожающихъ, топотъ ногъ по сходнямъ, грохотъ лебедокъ, проносящихъ надъ головами огромныя клады, и яростная команда капитанскихъ помощниковъ!

Но затихли лебедки, улеглась мало-по-малу суматоха, сошли, какъ сѣрыя лошади, рослые жандармы на каменную сорную пристань—и, съ грохотомъ сдвинувъ съ себя сходни, пароходъ сразу порвалъ всякую связь съ землей. Все ладно заняло на немъ свое опредѣленное мѣсто — въ наступившей тишинѣ, подъ стеклянное треньканье телеграфа и отрывисто-четкую команду, начался медленный выходъ въ море. Тяжелая корма дрожить, плавно отдѣляясь отъ пристани и выбивая изъ-подъ себя клубы кипени, чайки жалобно визжать и дерутся надъ красной рачьей скорлупой въ радужныхъ кухонныхъ помояхъ. Съ берега, изъ затихшей черной толпы, и съ лодокъ машутъ бѣлыми платками. Но берегъ все отдаляется и все уменьшается. По правому борту уже тянется сѣрая каменная лента мола, а на ней—мальчишки-рыболовы съ подвернутыми штанами, праздничная пестрота женскихъ весеннихъ нарядовъ и зонтиковъ... Неожиданно выглянуло солнце—и сзади, за трубами и мачтами, рѣзче обозначился сивый силуэтъ города, а впереди, въ зеркальныхъ бликахъ отъ зеленой качающейся воды, засіяла бѣлая маячная башня... Но вотъ и маякъ прошелъ мимо, озаривъ насъ своимъ отблескомъ, бугшпритъ медленно и неуклонно сталъ заворачивать къ югу, огромной дугой выгнулись и широкій клубящійся слѣдъ винта и черный хвостъ дыма надъ нимъ, солнечный свѣтъ и вѣтеръ перемѣнили по бор-

тамъ мѣста—и вдали развернулся, наконецъ, вольный тысячемильный путь среди воды и воздуха...

Сутки въ этой пепельно-синей пустынѣ, легкимъ кольцомъ замкнувшейся подъ весеннимъ сиренево-облачнымъ небомъ, прошли незамѣтно. Просыпаешься подъ топотъ матросовъ, моющихъ палубу, съ отрадной мыслью, что ночь провелъ въ морѣ, предавшись волѣ Божьей, возлѣ тонкой желѣзной стѣнки, за которой всю ночь шумно переливались волны. Одѣваешься возлѣ открытаго иллюминатора, въ который тянетъ апрѣльской свѣжестью моря,—и съ радостью вспоминаешь, что Россія за триста миль отъ тебя. Ахъ, никогда-то я не чувствовалъ любви къ ней и, вѣрно, такъ и не пойму, что такое любовь къ родинѣ, которая будто бы присуща всякому человѣческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно любить тотъ или иной укладъ жизни, что можно отдать всѣ силы на созиданіе его... Но при чемъ тутъ родина? Если русская революція волнуетъ меня все-таки болѣе, чѣмъ персидская, я могу только сожалѣть объ этомъ. И воистину благословенно каждое мгновеніе, когда мы чувствуемъ себя гражданами вселенной! И трижды благословенно море, въ которомъ чувствуешь только одну власть—власть Нептуна!

Въ пути со мною бейрутское изданіе исторіи Баальбека,—Храма Солнца, къ которому я совершаю паломничество, да Тезкиратъ Саади, „усладительнѣйшаго изъ писателей предшествовавшихъ и лучшаго изъ послѣдующихъ, шейха Саади Ширазскаго, да будетъ священна память его!“ Въ утренней свѣжести я сижу на ютѣ и упиваюсь жизнью поэта, мудреца и путешественника.

— Рожденіе шейха, читаю я, послѣдовало во дни Атабека Саади, сына Зенги.

— Родившись, употребилъ онъ тридцать лѣтъ на пріобрѣтеніе познаній, тридцать—на странствованія и тридцать—на размышленія, созерцаніе и творчество.

— Сѣвъ на коврѣ богопочитанія, на пути людей Божьей дорѣги, за каждое свое дыханіе разсѣивалъ Саади по жемчужинѣ очаровательнѣйшихъ газелей—и безплотные на небесахъ, слушая его, говорили, что одинъ бейтъ Саади равняется годичному словлюю ангеловъ.

— И такъ протекли дни Саади въ богоспасаемомъ городѣ Ширазѣ, пока не воспарилъ фениксъ чистаго духа шейха на

небо—въ пятницу въ мѣсяцѣ Шеввалѣ, когда погрузился онъ, какъ водолазъ, въ пучину милосердія Божія.

— Какъ прекрасна жизнь завоевавшего землю мечомъ краснорѣчія!

— Какъ прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы оставить по себѣ чеканъ души своей и обозрѣть красоту міра!

Взволнованный прелестью этой поэмы, я ничего не вижу вокругъ себя.

— Много странствовалъ я въ дальнихъ краяхъ земли!— читаю я.

— Я короталъ дни съ людьми всѣхъ народовъ и срывалъ по колоску съ каждой нивы.

— Ибо лучше ходить босикомъ, чѣмъ въ узкой обуви, лучше терпѣть всѣ невзгоды пути, чѣмъ сидѣть дома!

— Ибо на каждую новую весну нужно выбирать и какую-нибудь новую любовь: другъ, прошлогодній календарь не годится для новаго года!

Въ округленныхъ сиренево-сѣрыхъ облакахъ все чаще начинаетъ проглядывать живая лазурь неба. Иногда появляется и солнце,—тогда кажется, что кто-то радостно и широко раскрываетъ ласковые глаза. Мгновенно мѣняются краски далей, мгновенно оживаетъ море въ золотистомъ, тепломъ свѣтѣ...

— Да, да! Да, да!—твердитъ машина, мимо которой твердо прохожу я, то попадая въ чадъ кухни, то вдыхая свѣжесть моря по чистой и крѣпкой палубѣ, убѣгающей и повышающейся къ носу.

На кормѣ, на ютѣ пусто: второй классъ занятъ греками-коммерсантами, все время играющими въ кости въ дымной рубкѣ, да не выходящими изъ каюты гречанками въ неизмѣнныхъ черныхъ платьяхъ. Ютъ, еще не покрытый тентомъ, напоминаетъ весеннюю терасу деревенскаго дома... Пройдешь мимо большого рулевого кочеса въ сѣромъ, грубомъ чехлѣ, среди наставленныхъ другъ на друга клѣтокъ, переполненныхъ мирно переговаривающимися курами, услышишь странный въ морѣ запахъ птичника и остановишься у рѣшетки борта... На цѣлую версту бѣжитъ изъ-подъ винта кипящая дорога,—дымчато-малахитовый ледъ со снѣгомъ,—вертится нѣжно-звонящая бичева лага...

А подь навѣсомъ спардэка, возлѣ рубки перваго класса, полулежитъ въ полотняномъ креслѣ рослая и величавая англичанка въ мужскихъ ботинкахъ со шнурами, въ сѣрой тяжелой юбкѣ, въ толстыхъ перчаткахъ и мѣховой накидкѣ. На колѣняхъ у нея палевый томикъ Таухница, въ рукѣ—лорнетъ. И когда я прохожу мимо, этотъ лорнетъ жестомъ императрицы прикладывается къ бѣлесымъ глазамъ, къ породистому красивому носу и серьезно оглядываетъ меня съ ногъ до головы.

Красивъ и брюнетъ, съ которымъ мы въ сотый разъ расходимся возлѣ рубки. Широкое пальто, за карманъ котораго прицѣпленъ щегольской костыликъ, картузь французскаго фасона, башмаки на толстыхъ подошвахъ... Очень худъ, но сложенъ отлично, лицо смуглое, строгое, съ великолѣпными черными глазами и блестяще-черной бородой... Откуда онъ? Рѣшаю, изъ что Александрии и прохожу мимо съ той же независимостью, съ какую проходитъ и онъ,—какъ и полагается незнакомымъ людямъ, совершающимъ одинъ и тотъ же рейсъ... И мѣрными вздохами соглашается машина, обвѣвая меня тепломъ и блестя безшумно ныряющими свѣтло-стальными поршнями.

Солнце между тѣмъ опять раскрыло свои милые глаза, опять озарило и море, и палубу горячимъ свѣтомъ. Густымъ синелиловымъ масломъ свѣтитъ сквозь рѣшетку борта вода, бѣгущая навстрѣчу, и съ каждымъ часомъ дѣлается все болѣе тяжелой, все болѣе непохожей на жидкую, желтоватую воду возлѣ береговъ Новороссіи. Она своими красками говоритъ о близости другихъ береговъ. И моряки уже празднуютъ эту близость бѣлоснѣжными кителями,—чистотой, которой они такъ любятъ щеголять въ морѣ.

Стриженный подь гребенку, до половины лба красно-коричневый отъ загара старшій помощникъ, плотный хохоль съ упорно-насмѣшливыми глазками, сидитъ въ своей каютѣ подь командирскимъ мостикомъ возлѣ открытой двери. Широкоскулый, рябой вѣстовой стоитъ невдалекѣ отъ этой двери босикомъ и, когда я прохожу мимо, вполголоса предлагаетъ обмѣнить русскія деньги на турецкія.

Дальше подъемный трапъ, перекинутый надъ шахтой трюма отъ спардэка къ носу. Изъ шахты глядятъ крупы лошадей и дымчатыхъ быковъ, по-деревенски пахнетъ стойломъ, прѣлымъ сѣномъ,—и я шурюсъ отъ солнца и удовольствія. Ахъ, какъ ласково и нѣжно стало все! И вѣтеръ, и воздухъ, и мутно-голубое небо,

въ которое такъ легко уносится тяжкая, зыбкая мачта. Небо по весеннему блѣдно, кротко, какъ человѣкъ, съ застѣнчивой улыбкой вышедшій на воздухъ въ первый разъ послѣ болѣзни... Но солнце уже припекаетъ, на глазахъ превращаетъ мокрая портки и рубахи, лежащія возлѣ бугшприта, на цѣпи якоря, изъ сѣрыхъ—въ бѣлыя. Теплый, вѣтеръ тянетъ оттуда—съ юга, съ неогляднаго, золотистаго моря. Стою на носу и смотрю внизъ, то на острую желѣзную грудь, грубо рѣзущую прозрачную синеватую воду, то на лежачую мачту бугшприта, медленно, но упорно лѣзущую въ голубой склонъ неба. Вода стекловидными валами разваливается на стороны и бѣжитъ назадъ широкими снѣжными грядами; глубоко внизу краснѣетъ подводная часть носа,—и вдругъ изъ подъ него стрѣлой вырывается острорылая туша дельфина, за ней другая... и долго-долго мелькаютъ въ прозрачной водѣ ихъ летящія вперегонку спины. Моему тѣлу живо передается это буйное животное веселье, и вся душа моя содрогается отъ радости.

Черезъ нѣсколько часовъ я опять увижу святую Софію. Черезъ нѣсколько дней я буду въ Греціи; потомъ на Нилѣ, близъ сфинкса, видѣвшаго лицо Моисея,—и пойду черезъ страну Авраама и Сарры—къ Баальбеку, къ руинамъ капища, воздвигнутаго самимъ Каиномъ „въ гордости и безуміи“... Всякій дальній путь—таинство: онъ приобщаетъ душу безконечности времени и пространства. А тамъ—колыбель человѣчества. И я подойду къ выходу изъ капища исторіи,—изъ руинъ, древнѣйшихъ въ мірѣ, загляну въ туманно-голубую бездну Миѳа.

II.

Въ четвертомъ часу надъ спардекомъ появился бѣлый китель грузнаго старика-командира, и противъ солнца блеснули круглые глаза бинокля.

Я оборачиваюсь—и вижу въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ качающуюся на зеленоватой водѣ фелюку. Подъ фелюкой отсвѣчиваетъ кремевый отблескъ повисшаго паруса, въ фелюкѣ—двѣ алыя фески, на вымпелѣ—алый флагъ съ бѣлой звѣздой въ бѣломъ полумѣсяцѣ.

— Гербъ Порты, Византіи и Артемиды Свѣтоносной!

И уже открывается на южномъ горизонтѣ дальній волнистый призракъ земли: въ ясномъ воздухѣ, въ золотистомъ предвечер-

немъ свѣтъ рисуются дымчатые силуэты Мало-Азійскихъ и Балканскихъ предгорій.

Подъ навѣсомъ спардэка императрицей стоитъ англичанка за ней—александрійскій брюнетъ. Страстно жестикулируютъ и высокими обиженными тенорами объясняютъ что-то другъ-другу греки. Хохоль, ѣдущій на Аѳонъ, старикъ въ огромныхъ сапогахъ, въ короткомъ сѣромъ казакинѣ и съ очень маленькой головою, вышелъ на трапъ надъ трюмомъ и крестится кланяясь мало-азійскимъ берегамъ. По трапу бѣгутъ на бакъ боные, съ подвернутыми портками, матросы. Жадно смотрю впередъ—и, наконецъ, различаю, что предгорія, разступаясь, медленно открываютъ устье Босфора.

Пароходъ легко рѣжетъ заштильвшее море и какъ бы уменьшается, приближаясь къ четкимъ линиямъ вырастающихъ впереди каменистыхъ, сѣро-зеленыхъ холмовъ Азіи и Европы.

Вотъ поднялись справа и слѣва бѣлые маяки—и потянуло тепломъ берега и знакомымъ ароматомъ какихъ-то турецкихъ цвѣтовъ,—прелестнымъ сладковатымъ ароматомъ, похожимъ на ароматъ сухой трухи въ дуплистомъ деревѣ.

Затихая, замедляя ходъ, въ блескѣ отраженій отъ зеркальной воды на красноватыхъ скалахъ, безшумно входимъ въ Коваки.

Воздухъ такъ прозраченъ и скалы, кажется, такъ близко, что хочется коснуться ихъ рукой.

А сверху надвигается сѣро-желтая руина генуэзской крѣпости, вѣнчающая высокій мысъ, ярко изумрудный у подножія. На южной сторонѣ его, надъ заливомъ—казармы цвѣта охры, а рядомъ съ ними—первые турецкіе сады, первыя черепичныя крыши, первый минаретъ и первый шпигъ кипариса!

Вода зелено-голубая.

— Отдай! — ясно слышится въ тишинѣ, наступившей на парходѣ.

И съ грохотомъ летитъ внизъ стопудовый якорь...

Когда-то я купилъ въ этой странѣ руины и кладбищъ, еще до сихъ поръ именуемой на языкѣ старой Турціи „Вратами счастья“, нѣсколько лубочныхъ картинъ. На одной былъ турецкій богатырь въ желтомъ тюрбанѣ, бьющійся съ кентавромъ возлѣ исполинскаго ярко-зеленаго дерева. На другой—святой городъ, состоящій изъ однихъ мечетей, минаретовъ

и надгробныхъ столбиковъ. На третьей—караванъ верблюдовъ, нагруженный гробами.

— Возвѣсти народамъ о путешествіи къ дому святому, дабы приходили они туда изъ дальнихъ странъ пѣшкомъ и на быстрыхъ верблюдахъ,—были начертаны надъ гробами слова Корана.

И какой сказочной стариной вѣяло отъ этихъ картинъ!

Но вѣдь они были когда-то, эти святые города. Были благочестивые старцы, отказывавшіе по смерти своей все имѣніе свое на нищихъ, калѣкъ и стамбульскихъ собакъ, завѣщавшіе доставить гробъ свой черезъ пустыню въ Мекку и восклицавшіе передъ смертью, подобно Абдъ-эль-Кадеру, молившемуся въ оградѣ Меккского храма:

— Господи, воскреси меня въ день общаго возстанія слѣпымъ, дабы не стыдился я предъ лицомъ праведныхъ!

Были и шитыя золотомъ одежды, кривые ятаганы безцѣнной стали, тюрбаны изъ султанскихъ шалей... Но давно уже—

Паукъ заткалъ паутиной царскіе входы,

И ночная сова кричитъ на башнѣ Афразіаба...

Говорятъ, что, повторяя персидскаго поэта, сказалъ эти слова упоенный побѣдой Магометъ Второй, войдя въ разграбленное и поруганное жилище Константина вечеромъ 29 мая 1453 года,—въ часъ, когда первый муэzzинъ поднялъ свой звонкій и печальный вопль надъ Византіей. Но въ устахъ хитраго и свирѣпаго дикаря, украшеннаго всею премудростью восточной учености и втайнѣ почитавшаго даже самого Пророка плутомъ и разбойникомъ, персидское двустипіе звучало, вѣрно, совсѣмъ не меланхолично. Бренность человѣческой славы нисколько не мѣшала ему созидать собственную славу съ ненасытной жаждой. И понятна безграничная власть такихъ, какъ онъ. Но какъ понять безграничную власть старичка въ вѣнскомъ сюртукѣ и дамасской фескѣ, ради своей трусливой власти пренебрегающаго запустѣніемъ не византійскаго дворца, а всей Турціи?—Воздается, впрочемъ, каждому по вѣрѣ его!

Черезъ полчаса послѣ остановки въ Ковакахъ звонятъ къ обѣду, но какъ разъ въ то же время снова травятъ якорную цѣпь. Пароходъ левіафаномъ потянулся по извивамъ Босфора—и

пошли въ круглыхъ иллюминаторахъ каютъ-компаніи зеленыя холмистыя побережья въ цвѣтущихъ садахъ и могильныхъ кипарисовыхъ рощахъ, въ виноградникахъ и паркахъ, въ мраморныхъ дворцахъ и виллахъ, въ развалинахъ крѣпостей и деревянныхъ турецкихъ домишкахъ, тѣсными уступами нагроможденныхъ среди развалинъ и зелени... Поднимаюсь на рубку и гляжу на голубыя волны горъ и плоскіе, четко выдѣляющіеся въ воздухѣ зонты синихъ пиній на ихъ гребняхъ...

Ветхость, запустѣніе—какъ странны эти слова для вступающаго въ Турцію по Босфору! Ветхость—и чудовищныя руины Румели-Гисаръ, ея зубчатыхъ твердынь и допотопной башни, глядящей изъ Европы въ Азію, на красноватыя развалины Анатоли-Гисаръ, отъ которой когда-то наводилъ мосты въ Европу Дарій. Запустѣніе—и роскошь султанскихъ виллъ, пороги которыхъ купаются въ зелено-голубой водѣ пролива, многолюдство набережныхъ и кофеенъ, красота мраморныхъ арабскихъ фонтановъ, мраморныхъ кіосковъ подъ китайскими кровлями и мраморныхъ дворцовъ, итальянскіе, греческіе и арабскіе фасады которыхъ за своими золочеными рѣшетками такъ весело блистаютъ при вечернемъ солнцѣ стеклами оконъ, колоннадами и орнаментами. А эти сплошныя сады и селенія, въковой Бѣлградскій лѣсъ съ платанами, дубами и буками, несмѣтныя рыбачьи паруса и легкіе, острые, какъ стрѣлы, каики, устланныя пурпурно-бархатными коврами, на которыхъ полулежатъ щеголи-греки въ фескахъ, турецкіе офицеры съ меланхолически-прекрасными дѣвичьими глазами, гаремы, закутанныя въ радужныя брусскіе газы, и туристы въ пробковыхъ шлемахъ! А имена этихъ долинъ и виллъ, идущихъ справа и слѣва, по ломанымъ гористымъ берегамъ, вплоть до Мраморнаго моря! — Источникъ Платановъ, Долина Розъ, Долина Повелителя, Небесный Ручей, Звѣздный Дворецъ, Сладкія Воды... И что за гигантская картина развертывается вдаль,—картина города, возлежащаго среди морей, на трехъ мысахъ, въ золотистой пыли заходящаго солнца, въ сизыхъ дымахъ величайшаго въ мірѣ рейда! Не сразу и замѣтишь среди виллъ, дворцовъ и садовъ подлинную Турцію—эти узкіе и высокіе деревянные домики съ черепично-оранжевыми крышами подъ зелеными тополями и синими кипарисами, домики, столь потемнѣвшіе отъ времени.

Свѣжѣть, и горы и холмы, овѣянные морскимъ воздухомъ,

принимаютъ лиловые тоны. Босфоръ извивается, холмы впереди смыкаются—и кажется, что плывешь по зеркально-опаловымъ озерамъ. Но вотъ эти холмы разступились еще разъ,—и медленно принимаетъ насъ въ свою флотилію великій городъ. Налѣво, на холмистыхъ прибрежьяхъ малоазійскихъ горъ, пестрятъ въ сплошныхъ садахъ несмѣтныя кровли и окна Скутари, древняго Хризополя—Города Золота. Направо, въ Европѣ, громоздится по высокой горѣ, тѣсная, палеваго цвѣта, Галата съ возвышающейся надъ ней круглой громадой генуэзской Башни Христа. А впереди, на фонѣ заката—единственный въ мірѣ силуэтъ Стамбула, надъ которымъ копя минаретовъ и темные абрисы полусферь-куполовъ на султанскихъ мечетяхъ. Босфоръ расширяется въ огромное озеро между Скутари и Галатой, почти замыкаясь впереди Стамбульскимъ мысомъ. За мысомъ выходъ изъ Босфора въ серебристо-оловяное Мраморное море. А вотъ и Золотой Рогъ — дымный рейдъ возлѣ Галаты, ятаганомъ загибающій направо и отдѣляющій мысъ Галаты отъ Стамбула.

При заходящемъ солнцѣ, въ тѣснотѣ судовъ, бригантинъ, барокъ и лодокъ, при стоголосыхъ крикахъ фесокъ, турбановъ и шляпъ, качающихся на зеленой сорной водѣ вокругъ нашихъ высокихъ бортовъ, снова, почти на двое сутокъ, кидаемъ якорь... Сколько тутъ мачтъ, дымящихъ трубъ, ржаво-красныхъ и черныхъ бортовъ, блестящихъ бѣлыхъ стаціонеровъ, быстро бѣгущихъ катеровъ, медленно двигающихся парусовъ и шумныхъ колесныхъ пакеботовъ! Сколько звуковъ, запаховъ и красокъ!

— Майна!—кричитъ подъ гремящей лебедкой боцманъ, стиснутый разноязычной толпой, уже образовавшейся и на нашей палубѣ.—Майна, матери твоей чортъ! Вира!

А возлѣ парохода яростно дерутся изъ-за сора розовыя отъ заката чайки, качаются красныя круги бакановъ и сотни лодокъ, наполненныхъ грязными фесками и узорчатыми чалмами, полосатыми фуфайками и черными пиджаками, рясами католическими и православными... Всѣ глаза и головы подняты на насъ, кверху,—и вдругъ сотни рукъ кидаются къ опустившемуся трапу, и начинается нѣчто еще болѣе яростное, чѣмъ драка чаекъ... Ревутъ уходящія трубы, въ терцію кричатъ колесныя пакеботы, гудитъ отъ топота копытъ деревянный мостъ Султанъ-Валидѣ, перекинутый черезъ Золотой Рогъ, хлопаютъ бичи и раздаются крики водоносовъ въ толпѣ, кипящей на набережной Галаты... Оттуда,

изъ товарныхъ складовъ возбуждающе пахнетъ ванилью и рогожами колоніальныхъ товаровъ; съ пароходовъ — смолой, кокосомъ и зерновымъ хлѣбомъ, сыплющимся въ трюмы; отъ воды, взбудораженной винтами и веслами, — огуречной свѣжестью...

Солнце межъ тѣмъ скрывается за Стамбуломъ—и багрянымъ глянцемъ загораются стекла въ далекомъ Скутари, мрачно краснѣетъ кипарисовый лѣсъ его Великаго Кладбища, въ фіолетовые тоны переходитъ сизый дымный воздухъ надъ рейдомъ, розовѣютъ и все болѣе означаются на фонѣ заката легкіе лиловатые силуэты стамбульскихъ мечетей—и легко возносятся въ зеленѣющее небо минареты. И въ зеленѣющемъ небѣ тонутъ печальные, медленно возрастающіе и замирающіе голоса муэззиновъ...

Въ старыхъ святыхъ городахъ Ислама для этихъ вечернихъ славословій еще до сихъ поръ предпочитаютъ слѣпые глашатаи: да не смущаетъ ихъ земная прелесть наступающей ночи! А тѣ, которыхъ Творецъ не лишилъ счастья зрѣнія, закрываютъ въ часъ изана глаза... Закрываютъ ли глашатаи константинопольскіе? Не думаю, но голоса ихъ все же звучатъ великой печалью старины и пустыни. И я вспоминаю пыль и ветхость бревенчатого моста Валидэ, черные деревянные сараи возлѣ него... Вспоминаю сгнившія въ труху и почернѣвшія лачуги Стамбула, его развалины, тихія кофейни и кладбища... Потомъ гляжу на приземистый абрисъ Софіи, въ которомъ есть что-то непередаваемо древнее, какъ въ куполѣ синагоги. Вижу, возлѣ нея, среди запущеннаго серальскаго сада, на берегу стамбульскаго мыса, останки древнихъ стѣнъ Византіи и дворца Константина...

— Возвышается Софія надъ городомъ, какъ корабль на якорѣ!—говорили когда-то.

Теперь она осѣла, затерялась среди новыхъ мечетей. Изда-лека она кажется даже небольшою. Не великъ и дворецъ. Онъ изъ сѣраго камня, простъ, грубъ, какъ крѣпостная тюрьма, крыша на немъ безъ выступа, окошечки узкія, высоко пробитыя... И какъ чуждъ онъ всѣмъ—онъ и Софія—даже здѣсь, въ старомъ Стамбулѣ!

Солнце закатилось, на турецкихъ часахъ двѣнадцать—и меня постигаетъ участь, подобная участи турецкихъ женщинъ: женщинамъ нельзя послѣ заката выходить изъ дому, путешествен-

никамъ—вступать въ городъ. Но, стоя возлѣ борта и глядя внизъ на лодку аеонскихъ монаховъ, высматривающихъ, нѣтъ-ли паломниковъ, которымъ они даютъ пріютъ на своихъ подворьяхъ въ Галатѣ, я вдругъ замѣчаю среди нихъ мѣшковатую фигуру проводника-грека Герасима и радостно кричу ему по-русски, по-гречески и по-арабски:

— Герасиме! Добрый вечеръ! Калиспера! Меса бель хайръ!

Герасимъ поднимаетъ кверху очки, ищетъ меня въ толпѣ и не спѣша—ему уже за сорокъ—улучаетъ среди качки удобный моментъ, чтобы ухватиться за перила трапа...

— Узналь?—говорю я, встрѣчая его въ толкотнѣ входящихъ на пароходъ и сходящихъ внизъ.

И Герасимъ, поднимая плечо и улыбаясь, какъ всегда, нѣсколько грустно и застѣнчиво, отвѣчаетъ нѣжнымъ греческимъ теноромъ:

— Ну да, узналь!

Проводникъ мнѣ не нуженъ, но Герасимъ теперь безъ дѣла, семья у него большая... да и не проберешься одинъ послѣ семи часовъ въ городъ... И Герасимъ немедленно вступаетъ въ свои обязанности.

— Каикчи!—кричитъ онъ, осторожно спускаясь по трапу.

Старая, черная шляпа, толстый мѣшковатый пиджакъ, пыльные штаны и пыльные башмаки—разбитые башмаки стараго проводника, скромнаго, ласковаго, дѣтски говорящаго почти на всѣхъ языкахъ и такого покорнаго подъ тяжкимъ крестомъ ради куска хлѣба! Бережно несетъ онъ подъ мышкой тяжелый черный зонть, съ которымъ никогда не разлучается, бережно снимаетъ шляпу и вытираетъ ситцевымъ платкомъ свою большую коротко-стриженную, серебристо-сизую голову... Жарко подъ черной шляпой! Но Герасимъ является на пароходъ всегда въ парадѣ: въ шляпѣ, въ бумажныхъ отложныхъ воротничкахъ и ветхомъ черномъ галстухѣ въ видѣ летучей мыши.

III.

Тѣнь Аллаха, какъ и всякая тѣнь, такъ боится свѣта, что не допускаетъ въ Константинополь электричества. Да святится воля падишаха! Но если падишахъ строить на этомъ какіе-либо политическіе расчеты, то не великъ разумъ тѣни твоей, Аллахъ!

Возлѣ какой-нибудь маленькой, полуразвалившейся мечети въ Скутари,—въ этомъ старинномъ ханѣ всѣхъ каравановъ Азіи,—

на какомъ-нибудь пыльномъ базарѣ, окруженномъ кофейнями, изъ которыхъ несетъ чадомъ жаровень, облитыхъ кипящимъ бараньимъ саломъ, и пестрѣютъ халаты толстыхъ хозяевъ въ большихъ тюрбанахъ, не рѣдкость видѣть грязно-грифельную грудь верблюда и погонщика, въ еще большемъ тюрбанѣ и овчинной курткѣ. На главной скутарійской улицѣ есть кофейни почище, гдѣ такъ сладко мечтать за чашечкой кофе на длинныхъ диванахъ въ пестромъ ситцѣ, тихо поглаживая спины кошекъ и опустивъ одну ногу, въ туфлѣ, на полъ, а другую, въ чулкѣ, поставивъ на сидѣнье. Въ переулкахъ Скутари, среди пекаренъ, шорныхъ мастерскихъ и лавочекъ, заваленныхъ мѣдными болванами для глаженія фесокъ, среди облѣзлыхъ собакъ, скитающихся по пыли и ослиному помету, въ жаркіе и нѣжные дни ранней приморской весны цвѣтутъ бѣлыя акации, цвѣтутъ розовыми восковыми пирамидками густые платаны, изъ-за древнихъ садовыхъ стѣнъ снѣгомъ бѣлѣютъ плодовые деревья, глядитъ осыпанное кроваво-лиловымъ цвѣтомъ голое іудино дерево, раскидываются широколѣтвистыя айвы и золотыми кружевами льются мимозы.

— Селямъ!—ласково и сдержанно говорятъ сидящіе подъ деревьями возлѣ кофеенъ крупные старики въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, въ мѣховыхъ безрукавкахъ и халатахъ, отороченныхъ мѣхомъ.—Селямъ!—говорятъ они подходящимъ, легко и красиво касаясь груди и лба, и опять замолкаютъ, отдаваясь дыму нергиле и спокойному созерцанію собакъ, туристовъ, ковыляющихъ женщинъ, закутанныхъ въ розовыя и черныя фередже, и медленно качающихся на ходу важныхъ горбуновъ-верблюдовъ.

И мнѣ никогда не забыть сладкой, деревенской тишины Скутари, его кладбищъ, густыхъ садовъ, запутанныхъ переулковъ, гдѣ двухъэтажные деревянные домики далеко выступаютъ надъ пѣшеходными тропинками своими шакнизирами—сѣрыми рѣшетчатыми окнами гаремовъ. Сколько въ этой сплошной садовой глуши, называемой Скутари, старыхъ мраморныхъ фонтановъ, въ хрустальной водѣ которыхъ моютъ загорѣлыя ноги странники, благословляющіе именемъ Бога и воду и легкую весеннюю тѣнь развѣсистаго дерева подъ фонтаномъ, и дремотное жужжаніе пчелъ на цвѣтущихъ абрикосахъ, и сладкое благоуханіе акацій! Сколько тамъ бѣлыхъ минаретовъ, выглядывающихъ изъ-за мшистыхъ развалинъ, и сколько мечетей, на куполахъ которыхъ растутъ трава, а внутри воркують голуби. Сколько кладбищъ, затеряв-

шихся между садами, мечетями и стѣнами, темно-зеленыхъ кипарисовъ съ голыми стволами тѣлеснаго цвѣта и могильныхъ бѣлыхъ столбиковъ въ чалмахъ и золотыхъ надписяхъ, гдѣ такъ мирно, ласково и съ такой трогательной вѣрой говорится о весеннихъ радостяхъ жизни, о холодныхъ вѣтрахъ рока, о соловьяхъ и розахъ въ странѣ Блаженной!

Но жизнь не терпитъ покоя. Время разрушаетъ стѣны, мечети, кладбища; нищета разрушаетъ кварталы Скутари, Стамбула, Галаты, Фанара и превращаетъ ихъ въ вертепы и трущобы. Но жизнь творитъ неустанно, а на землѣ слишкомъ мало мѣсть, подобныхъ Золотому Рогу и Босфору. Галату, сердце этой лабораторіи, часто называютъ помойной ямой Европы, Галату сравниваютъ съ Содомомъ. Но Галата не погибнетъ: сбродъ, населяющій ее, кипитъ въ работѣ. Онъ нищъ и бѣшено жаждетъ жизни. Самъ того не сознавая, онъ созидаетъ новую вавилонскую башню—и не боится смѣшенія языковъ: въ Галатѣ уже нарождается новый языкъ—языкъ труда, нарождается непримѣрная терпимость ко всѣмъ языкамъ, ко всѣмъ обычаямъ, ко всѣмъ вѣрамъ.

Грудами пчелиныхъ сотовъ—уступами многоэтажныхъ узкихъ домовъ покрываютъ Галата и Пера гору, увѣчанную круглой громадой Башни Христа. Эти соты сверху до низу набиты семьями армянъ, евреевъ, грековъ, франковъ, всю жизнь проводящихъ въ порту или на улицахъ, въ работѣ и торговлѣ. И только въ домахъ Галаты существуетъ то, чего нѣтъ нигдѣ въ мірѣ: бываетъ, что четверть дома принадлежитъ армянину, четверть—греку, четверть румыну, четверть—человѣку совершенно неизвѣстнаго происхожденія. Въ кофейняхъ, въ парикмахерскихъ, въ конторахъ, въ магазинахъ зачастую висятъ рядомъ портреты властителей всѣхъ странъ земли—и ни къ одному-то изъ этихъ властителей Галата и Пера не чувствуютъ ни даже малѣйшаго почтенія! Можно быть монархистомъ, анархистомъ, республиканцемъ—до этого въ Галатѣ нѣтъ никому никакого дѣла... Можно быть язычникомъ, христіаниномъ, поклонникомъ дьявола или Пророка—это тоже никого не касается... И дружно, чуть не на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ Европы и Азіи пишетъ свои вывѣски Галата! По ея покатымъ, узкимъ улицамъ и переулкамъ, по каменнымъ уступамъ, отшлифованнымъ міриадами ногъ, среди ословъ, собакъ, аргамаковъ и вагоновъ конки, дви-

жется единственный во вселенной маскарадъ. И никого-то и ничѣмъ не удивишь на этомъ маскарадѣ: ни бѣлой кѣфіей араба, ни чернымъ атласомъ цилиндра, ни золотомъ каски, ни даже наготой негра, которую кто-то такъ хорошо назвалъ эбеновой!

Среди несмѣтныхъ каиковъ, стоящихъ возлѣ потемнѣвшихъ отъ воды и времени деревянныхъ свай, я выхожу вслѣдъ за Герасимомъ на Галатскую набережную, отдаю паспортъ турецкому чиновнику, сидящему въ сараѣ таможни, и вступаю въ Галату въ тотъ часъ, когда замирають призывы муэззиновъ, день, по закону ислама, кончается и лавки должны запираются.

Но какое дѣло до изана Галатѣ!

По пыльной и ухабистой набережной, заставленной, съ одной стороны, желѣзными боками тупоносыхъ, гремящихъ лебедками гигантовъ съ разноцвѣтными знаками на трубахъ, а съ другой—сплошными кофейнями, шумными и уже ярко освѣщенными, непрерывно текутъ навстрѣчу другъ другу потоки разноязычнаго народа. И я съ наслажденіемъ теряюсь въ этой толкотнѣ теплага и темнаго южнаго вечера, въ той возбуждающей атмосферѣ толпы, которая охватываетъ душу и тѣло горячимъ вѣяніемъ жизни и тянетъ къ сліянію съ жизнью всего міра.

Зеленоватое яшмовое небо еще свѣтло надъ темнымъ и четкимъ восточнымъ силуэтомъ Стамбула, надъ сиренево-стальной водой и надъ шестью мачтъ въ Золотомъ Рогѣ. Но надъ набережной и надъ рейдомъ уже висятъ опускающійся книзу дымъ, пыль и сумракъ. Между носами и кормами пароходовъ я вижу темную Скутарійскую гору, засыпанную роями огненно-золотыхъ пчель. Тысячи самоцвѣтныхъ камней—крупныхъ изумрудовъ, брилліантовъ и рубиновъ—разсѣяны по кораблямъ темнѣющаго рейда... Блѣдные топовые огни, какъ лампадки, высоко висятъ на всѣхъ мачтахъ возлѣ набережной... Но это — огни ночного отдыха.

Совсѣмъ другими огнями горятъ раскрытыя настѣжь окна и двери въ галатскихъ домахъ, въ кофейняхъ, въ табачныхъ и фруктовыхъ лавочкахъ, въ парикмахерскихъ. И отъ огней и отъ народа, играющаго въ кости, въ шашки, пьющаго виски, мастику, кофе и воду и занявшаго своими табуретами, кальянами и столиками еще и половину набережной, идетъ смѣхъ и говоръ. Отъ тѣсноты, отъ запаха цвѣтовъ, пыли, сигаръ и жаровень, на которыхъ уличные повара подшкваривають кофейныя

зерна, кебабъ и лепешки, воздухъ зноенъ и душенъ. Изъ вторыхъ этажей, изъ освѣщенныхъ оконъ несутся звуки граммофоновъ, дешевыхъ піанино. Въ толпѣ, текущей по набережной, раздаются бѣшено-сиплые басы водоносовъ, звонкіе альты чистильщиковъ сапогъ и продавцовъ газетъ, сладкіе тенора греческихъ кондитеровъ, хлопаютъ бичами худые, черномазые извозчики въ фескахъ и пыльныхъ пиджакахъ. И по всѣмъ лицамъ то и дѣло легкими гигантскими взмахами проходятъ свѣтлые столбы прожекторовъ: одинъ за другимъ бѣгутъ къ мосту шумные колесные пакеботы, переполненные народомъ съ загородныхъ гуляній, и лучи электрическихъ солнць, разгорающихся на ихъ носахъ все ярче по мѣрѣ приближенія, легко и таинственно скользятъ по Галатѣ, по Перѣ, по набережной и по рейду, внезапно озаряя и снова потопляя во мракѣ высокіе сѣрые паруса, пароходы и флотилии лодокъ. А съ моста текутъ на набережную все новыя и новыя толпы, полныя страстнаго и волнующаго зноя жизни. И когда въ этотъ зной врывается свѣжее дыханіе ночи и моря, я пьянѣю отъ сладкаго сознанія, что и я въ этомъ новомъ Содомѣ и свободенъ такъ, какъ можетъ быть свободенъ человѣкъ только въ Галатѣ.

IV.

Ночь провожу въ одномъ изъ аѳонскихъ подворій, теперь совершенно пустыхъ.

Позднимъ вечеромъ покидаю я набережную и вхожу въ узкіе проходы между высокими домами.

Окна верхнихъ этажей еще свѣтятъ, но лавки и склады въ нижнихъ давно заперты, и въ проходахъ мракъ: только бродятъ кой-гдѣ, низко надъ мостовою, фонарики нищихъ, выбирающихъ изъ уличнаго сора корки хлѣба, окурки, жестянки, бутылки изъ-подъ оливковаго масла... Поминутно натыкаюсь на спящихъ собакъ, на сторожей, звонко бьющихъ на ходу желѣзными дубинами въ мостовую, на огоньки сигаръ, на разговоры мелькающихъ мимо матросовъ и другихъ ночныхъ гулякъ. Изъ освѣщенныхъ оконъ тоже слышится говоръ и смѣхъ или прыгающіе звуки шарманокъ съ позвонками... Но четырехъэтажный домъ подворья тихъ и темень.

Привратникъ, спящій въ прохладныхъ сѣняхъ, за тяжелыми полукруглыми дверями, не спѣша отворяетъ — и, вмѣстѣ съ тем-

нотою, меня охватывает знакомый русский запах—плѣсени и отхожаго мѣста.

Тотъ же запахъ и въ гулкихъ каменныхъ коридорахъ, по которымъ, со свѣчей въ рукѣ, бѣжитъ впереди меня молодой монахъ въ мужицкихъ сапогахъ, въ черномъ подрясникѣ и черной вязаной шапкѣ, рябой, съ бирюзовыми живыми глазами, съ торопливо-услужливыми движениями.

— Пожалуйте-съ, пожалуйста-съ,—бормочетъ онъ.

И съ умиленіемъ предлагаетъ мнѣ то то, то другое на томъ противномъ русскомъ языкѣ, который почти сплошь состоитъ изъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ именъ.

Но въ пустомъ высококомъ номерѣ, крашеномъ масляной краской, чисто, кровать покрыта грубымъ, но свѣжимъ бѣльемъ... Быстро раздѣваюсь, тушу свѣчу и засыпаю среди криковъ, несущихся съ улицы, стука сторожей, говора проходящихъ подъ окнами и нескладной, страстно-радостной и въ то же время страстно-скорбной восточной музыки, прыгающей въ ладъ съ позвонками.

Утромъ вскакиваю очень рано отъ свѣжести, плывущей въ окно съ моря, отъ звона колокола въ верхнемъ этажѣ подворья и отъ криковъ продавцовъ зелени и рыбы. И, одѣваясь, вижу въ окно блѣдно-голубое небо, выпела за домами, а внизу узкую улицу, еще влажную, въ прохладной тѣни, но уже полную деревенскими бараньими шапками погонщиковъ и цѣлыми стадами ословъ, на которыхъ качаются корзины дровъ, овощей и сыра... Слава Богу, день солнечный—я опять увижу Ая-Софію въ солнечное весеннее утро!

Герасимъ стоитъ возлѣ подворья и разсѣянно болтаетъ съ монахами, поминутно пожимая, по южному обычаю, плечомъ. Сегодня онъ въ старомъ картузикѣ съ пуговкой, но зонть, который никогда не раскрывается, опять съ нимъ.

Обмѣниваемся улыбками и пускаемся въ путь.

Изъ оконъ верхнихъ этажей тянетъ вонюю оливковаго масла, въ которомъ шкваряютъ рыбу, летятъ на улицу помои и слышится бранчивая скороговорка гречанокъ. Дурачокъ въ лохмотьяхъ и въ двухъ рваныхъ шляпахъ, криво надѣтыхъ одна на другую, со всѣхъ ногъ бросается мимо меня въ стаю соловыхъ шелудивыхъ собакъ и, отбивъ у нихъ тухлое яйцо, съ жадностью выпиваетъ его, дико косясь на проходящихъ бѣльмомъ краснаго глаза. Сплошная волнующаяся масса черныхъ барановъ, мелко переби-

рающихъ копытцами, тѣснится подъ азартные крики чабана, а среди нихъ, на худенькой лошаdkѣ, на деревянномъ сѣдлѣ, опутанномъ веревками, пробирается старикъ турокъ, лопоухій, лилово-бурый отъ загара, въ тюрбанѣ и бараньей курткѣ, съ сѣдыми курчавыми волосами на раскрытой груди. За нимъ бѣжитъ и на бѣгу оретъ дикимъ голосомъ босоногий водоносъ съ мокрымъ сизымъ бурдюкомъ на спинѣ... Дальше идутъ длинноухіе задумчивые ослики подъ корзинами съ мусоромъ и кирпичами, тяжело и быстро семенить по сырому сору и помету носильщикъ армянинъ, согнувшійся въ три погібели подъ огромнымъ зеркальнымъ шкафомъ, отъ котораго по домамъ мелькаютъ большіе веселые блики солнца... Неуклюжей толпой проходятъ лохматые русскіе, наступающіе всѣмъ на ноги, замученные тяжестью теплыхъ поддевокъ... Ковыляють на французскихъ каблучкахъ двѣ толстенькихъ турчанки, съ головой закутанныя въ фередже: одна—въ легкое, цвѣта засушенной розы, другая—въ черное, какъ монахиня.

— Лица ихъ,—думаю я словами Корана,—похожи на яйца страуса, сохраненныя въ пескѣ.

Но приподнялось, какъ будто случайно, покрывало—и я убѣждаюсь, что правъ Саади:

— Не всякая раковина беременна жемчугомъ!

Зато сколько красивыхъ, умныхъ и энергичныхъ мужскихъ лицъ, особенно среди турокъ изъ простонародья, изъ провинцій, съ береговъ моря! Сколько гордыхъ и привѣтливыхъ глазъ!

Переулки между этими высокими домами возлѣ набережной похожи на переулки въ Старомъ Городѣ Ниццы, въ порту Генуи, Марселя.

— Сюда, сюда!—говоритъ Герасимъ, въ десятый разъ поворачивая за уголъ. И вотъ опять пахнуло ванилью, рогожами, арбузной свѣжестью зелено-голубой воды—и въ глаза глянули ослѣпительное солнце, голубой просторъ рейда, крылья бѣлыхъ рыбалокъ, мачты барокъ, черныя съ разноцвѣтными полосами трубы, мелькающія стеклянными полосками весла, бѣлая башня Леандра у береговъ Скутари... Опять хлопають бичами извозчики, опять въ быстро текущей толпѣ кричатъ газетчики, водоносы съ кувшинами розовыхъ напитковъ, продавцы бубликовъ и приторно-сладкихъ греческихъ печеній, насквозь пропитанныхъ орѣховымъ масломъ... И не успѣваю я сѣсть на крохотный табуретикъ возлѣ

кофейни, какъ лиловый арабченокъ въ одной синей женской рубахѣ уже тянетъ мой сапогъ на скамеечку, расцвѣченную фольгой, колокольчиками, жестью и мѣдными гвоздями.

— Рухъ!—говорю я сердито.

Но въ это время надо мной раздается оглушительный басъ:

— Газо-ось!—оретъ онъ, удаляясь.

И мой сосѣдъ справа, миловидный турецкій офицеръ въ малиновой фескѣ, въ синемъ мундирѣ съ иголки и съ блестящимъ мѣднымъ полумѣсяцемъ на груди, скромно улыбается, а сосѣдъ слѣва, черный старикъ въ бѣломъ халатѣ и бѣлой чалмѣ, въ огромныхъ желто-зеленыхъ очкахъ, безъ носа, съ голой верхней губой въ лиловыхъ швахъ, важно поднимаетъ свою мертвую голову, булькая кальяномъ.

И я покоряюсь арабченку.

Въ это жаркое солнечное утро все хорошо: и блескъ сапога, и новенькій мундиръ офицера, и стаканъ воды съ розой, который быстро ставитъ передо мной молодой кафеджи.

Потомъ мы покупаемъ какихъ-то желтыхъ сладко-пахучихъ цвѣтовъ у ласковаго турка, сидящаго на корточкахъ возлѣ своей корзины, поставленной прямо на мостовую, и по дрожащимъ отъ топота копытъ бревнамъ моста Валидэ спѣшимъ въ густой тополиной толпѣ въ Стамбуль.

Уже становится жарко, запылились наши расчищенные сапоги, яркой бирюзой сквозитъ вода въ щели моста, ярки и нѣжны венеціанскіе тона надъ Золотымъ Рогомъ, зеленѣютъ на горѣ Стамбула сады, съ шумомъ отходятъ отъ моста пакеботы, обдавая бѣгущую толпу теплымъ бѣлымъ дымомъ... Опять маскарадъ, но еще болѣе пестрый и праздничный, чѣмъ вчера—маскарадъ на воздухѣ, въ жаркое весеннее утро! И дружно мѣшаетъ этотъ маскарадъ вѣнскіе сюртуки съ рыжими верблюжьими куртками, панамы съ бараньими папахами, бирюзовоглазаго англичанина съ бедуинами, гиганта черногорца въ бѣломъ шерстяномъ нарядѣ, шитомъ золотомъ и обремененномъ оружіемъ, съ художочнымъ польскимъ евреемъ, коричневую рясу францисканца съ негромъ, сестру кармелитку съ китайцемъ съ неподвижной головой, съ черной косой до пять и въ лиловой кофтѣ... И какъ просто и легко льется эта толпа, униженная мундирами и макомъ фесокъ, отъ Султанъ-Валидэ къ самому людному мѣсту Галаты—

къ углу набережной, къ биржѣ и столикамъ уличныхъ мѣняль, сарафовъ, и отъ биржи—къ Султанъ-Валидѣ, гдѣ останавливаются вагоны конки, гдѣ вѣчная тѣснота фіакровъ, разносчиковъ, цвѣточниковъ, нищихъ, полуголыхъ прокаженныхъ, сидящихъ на мостовой, и тѣснота базаровъ, заваленныхъ коврами, оружіемъ, мѣдной посудой, сырами, зеленью, шафраномъ, сбруей, фруктами и туфлями!—сотнями связокъ лиловыхъ, канареечныхъ, черныхъ и оливковыхъ туфель, висящихъ на стѣнахъ, подобно сушеной рыбѣ на шнурахъ.

Здѣсь, на маленькой площади, отъ которой направо ходятъ вагоны конки, раздѣленные бычьей кожей на мужскую и женскую половины, всегда тѣнь и влажная прохлада подъ стѣнами, гдѣ, у фонтана возлѣ портала, проходящіе, сидя на корточкахъ спиной къ конкѣ, торопливо и таинственно совершаютъ омовенія среди солого-грязныхъ, короткошерстныхъ собакъ. Здѣсь надъ головой гуще синѣетъ небо, а дальше, возлѣ кофеенъ и за старыми стѣнами, ярко зеленѣютъ деревья. И чѣмъ дальше мы поднимаемся по улицѣ, идущей слегка въ гору, тѣмъ все тише и безлюднѣе становится вокругъ. И уже совершенное безлюдье царитъ у высокихъ воротъ Старога Сераля, при входѣ въ его запущенные сады и широкіе дворы, заросшіе травой и бѣлѣющіе обломками греческихъ колоннъ, статуй и надгробныхъ плитъ.

Герасимъ косится и мистически шепчетъ:

— Смотри, смотри, съ крестомъ!

Но какое мнѣ дѣло до смутныхъ надеждъ, еще живущихъ въ душахъ фанаріотовъ?

Я безконечно люблю Акрополь Стамбульскаго мыса именно за то, что это—кладбище не только Византіи, но и Сераля.

— Въ запусѣннѣи наслѣдіе падишаховъ!—вспоминаю я золотыя слова Мицкевича.—Въ трещины разноцвѣтныхъ оконъ лѣзутъ вѣтви плюща, взбираются на глухіе своды и стѣны и, овладѣвая дѣлами рукъ человѣческихъ во имя природы, чертятъ письмо Валтасара: „Руина!“

Говорятъ, однако, что наслѣдіе падишаховъ не совсѣмъ безлюдно: за внутренними стѣнами Сераля, охраняющими покои, недоступные для европейца, расцвѣтаютъ подъ надзоромъ евнуховъ тѣ рѣдкіе цвѣты дѣвичьей красоты, которые ежегодно даритъ, по древнему обычаю, Турція своему повелителю, а старыя одалиски готовятъ для султанскихъ гаремовъ. И весенней прелестью

вѣтъ незримое присутствіе этихъ юныхъ затворницъ въ садахъ. Серала, гдѣ зеленая трава пробивается изъ древней земли, красный макъ свѣтитъ среди обломковъ мрамора, и бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ цвѣтутъ чащи деревьевъ въ оврагахъ возлѣ Стараго Музея, облицованнаго лазурными фаянсами, пригрѣтаго жаркимъ солнцемъ подѣ бальзамически благоухающими кипаросами.

V.

Въ Старомъ музеѣ—нѣсколько эллинскихъ изваяній, ассирійскихъ барельефовъ, египетскихъ мумій цвѣта умры и саркофаговъ, блещущихъ неувыдаемымъ глянцемъ политуры и красокъ. Въ Новомъ музеѣ—онъ стоитъ напротивъ Стараго—я когда-то былъ очарованъ непостижимымъ изяществомъ бѣломраморнаго саркофага, именуемаго саркофагомъ Александра Великаго. Но какъ передать чувства, которыми волнуется мраморъ этихъ фрагментовъ, пожелтѣвшій отъ времени и отъ времени воспринявшій какую-то особую трогательность линий? А среди кипарисовъ и цвѣтущихъ садовъ на скатѣ горы — весенняя синева воздуха, розово - палевыя краски Галаты, нагроможденной на горѣ за голубымъ рейдомъ, черныя и красныя полосы на бортахъ пароходовъ, которые отсюда кажутся игрушечными... Въ мірѣ, въ которомъ я существую, нынче весенній праздникъ, солнечное утро, а здѣсь—тишина и свѣжесть узорчатыхъ тѣней, пѣніе птицъ и незримое присутствіе дѣвушекъ за стѣнами мертвыхъ дворцовъ. Тамъ—прохлада полутемныхъ заповѣдныхъ покоевъ, но я только заглядываю въ ихъ ворота, въ аллею платановъ за воротами, выходя на горячій солнечный свѣтъ, на зеленый Дворъ Янычаръ. Все жарче, все гуще и ярче становится синее небо,—древній дуплистый Платанъ Янычаръ дремлетъ на припекѣ возлѣ тысячелѣтней св. Ирины, давно обветшалою и обращенной въ склады стараго оружія. Но когда мы выходимъ мимо Ирины въ другія ворота Серала, къ обрыву мыса, насъ сразу охватываетъ широкая свѣжесть моря—и снѣга: въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, въ золотисто-голубой дымкѣ тонетъ зыбкій просторъ Пропонтиды, миражемъ означаются силуэты Принцевыхъ Острововъ и заступившихъ горизонтъ Мало-Азійскихъ горъ — и уже совсѣмъ смутно рисуется въ небѣ что-то мертвенное, подобіе неподвижнаго золотисто-бѣлаго облака.

— Олимпъ!—говорить Герасимъ.

Я навожу морской бинокль—и вижу нѣчто похожее на существо иного міра: въ мои глаза глядитъ Мало-Азійскій Олимпъ, весь покрытый снѣгомъ. Я хорошо различаю блестящія пустыни его снѣжныхъ полей, его тѣснины, полные утреннихъ фіолетовыхъ тѣней,— и мнѣ кажется, что прямо на меня тянетъ оттуда зимнимъ холодомъ.

А когда я оборачиваюсь, я вижу, на фонѣ яркой густой синевы, блѣдно-желтую съ красными полосами громаду Ая-Софіи: громаду неуклюжую, состоящую изъ циклопическихъ каменныхъ подпорокъ и пристроекъ, надъ которыми, въ каменномъ кольцѣ оконъ, царитъ одно изъ чудесъ земли—древне-приземистый, первобытно-простой, огромный и единственный на землѣ по легкости полушарь-куполь. И четыре стража этой грубой громады, скрывающей въ нѣдрахъ своихъ сокровища тончайшаго искусства и роскоши, четыре бѣлыхъ минарета исполинскими копьями возносятся по угламъ ея въ синюю глубину неба.

— Гдѣ входъ?—говорю я.

Я опять не сразу нашель бы его, но Герасимъ уже идетъ въ какой-то узенькій переулокъ, гдѣ на солнцѣ пахнетъ сухими нечистотами. Потомъ онъ поворачиваетъ налѣво и ведетъ меня по отлогому спуску, мощеному камнемъ, къ боковому порталу, завѣшенному тяжелой завѣсой изъ буйволовыхъ кожъ. Дико это, первобытно, но великолѣпно—по-кочевнически! Нравится мнѣ и обычай надѣвать на сапоги огромныя стоптанныя туфли: такъ когда-то у входа въ святилище оставляли пыльные сандалии. Нравится старинный восточный торгъ съ муллою за право входа... Въдь четырнадцать вѣковъ Софіи!

Сумракъ, холодъ и величавая громадность капища охватываютъ меня въ тройномъ порталѣ. А когда я вступаю въ храмъ, пигмеями кажутся среди его необъятнаго простора и необъятной высоты фигурки молящихся—сидящихъ на огромной площади ухабистаго отъ землетрясеній мраморнаго пола, сплошь покрытаго золотистыми скользкими цыновками изъ тростника. Шестьдесятъ оконъ пробили куполь, и никогда мнѣ не забыть радостнаго солнечнаго свѣта, который столпами озаряетъ изъ этой опрокинутой чаши всю середину храма!

И свѣтлая безмятежная тишина, чуждая всему міру, царитъ

кругомъ,—тишина, нарушаемая только плескомъ и свистомъ голубиныхъ крыльевъ въ куполѣ, да пѣвучими, печально-задумчивыми возгласами молящихся, гулко и музыкально замирающими.

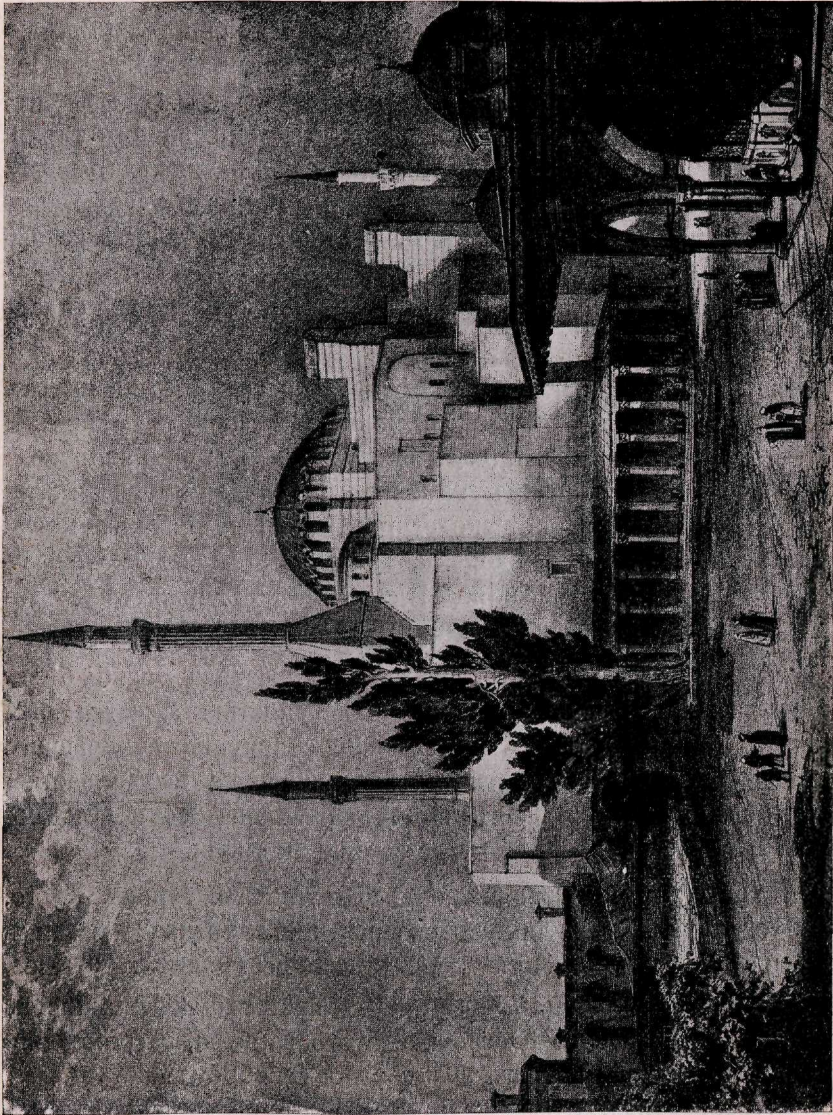

Рис. 3. Константинополь. Ая-Софія.

среди высоты и простора,—среди древнихъ стѣнъ, въ которыхъ не мало скрыто пустыхъ амфоръ-голосниковъ. Первобытны эти милые голуби, ихъ известковый пометъ, падающій съ высоты на цыновки. Первобытно-просты огромныя желѣзныя люстры, низко-

висящія на желѣзныхъ цѣпяхъ. Величава и сумрачна окраска исполинскихъ стѣнъ, шершаво полинявшее золото сводовъ. И капищемъ вѣетъ отъ колоннъ, мутно-красноватыхъ, мутно-малахитовыхъ и голубовато-желтыхъ.

Помню, капищемъ показался мнѣ венеціанскій Маркъ. Но какъ юнъ Маркъ передъ Софіей! Таинственностью капища исполнены въ ней и призраки мертвыхъ византійскихъ мозаикъ, просвѣчивающихъ сквозь бѣлила, которыми покрыли ихъ турки. Жутки чуть видные лики аполикаптическихъ шестикрыльчыхъ серафимовъ въ углахъ боковыхъ сводовъ. Строги фигуры святыхъ въ выгибахъ алтарной стѣны. И почти страшень возвышающійся среди нихъ образъ Спасителя, этотъ тысячелѣтній Хозяинъ храма, по преданію, ежегодно проступающій сквозь ежегодную закраску...

Чувствуя себя пигмеемъ, тихо брожу я среди этой высоты и простора. Надо мной—свѣтоносный куполь, горячее солнце золотистымъ потокомъ льетъ на меня сверху. А налѣво и направо—два яруса хоръ. По отлогимъ каменнымъ всходамъ туда могли въѣзжать изъ пропилей двѣ колесницы. Двѣ колесницы могли развѣхаться и на тяжкихъ хорахъ, мраморныя плиты которыхъ покосились отъ землетрясеній. И какъ легко держать эту тяжесть два яруса аркадъ и колоннъ!

Безцѣнно тонкой работой считается кружевная рѣзба бѣломраморныхъ капителей, ажурной слоновой костью кажется она, выдѣляясь на коричневомъ фонѣ. Но совокупность древняго изящества съ древней примитивностью линий еще болѣе заставляетъ чувствовать, что ты—въ капищѣ, гдѣ девятьсотъ лѣтъ совершалось язычески пышное богослуженіе Византіи.

Не знаю путешественника, не укорившаго турокъ за то, что они оголили храмъ, лишили его изваяній, картинъ, мозаикъ. И особенно грубы въ своихъ укорахъ путешественники русскіе.

— Я побѣдилъ тебя, Соломонъ!—съ восторгомъ вспоминаетъ одинъ слова тщеславнаго Юстиніана, этого варвара, загромоздившаго дивное созданіе зодчаго золотомъ и серебромъ.

— Нѣсть таковыя красоты и славы нигдѣ на землѣ!—повторяетъ другой слова кіевскихъ мужиковъ, пословъ Владиміра.

И всѣ въ одинъ голосъ клянуть турокъ, осквернившихъ великую и несравненную святыню христіанъ.

Но, во имя Бога милостиваго и милосерднаго, зачѣмъ же приводить тогда слова лѣтописцевъ, изображавшихъ свирѣпое нашествіе на Софію „христовыхъ воиновъ“ четвертаго крестоваго похода, — воиновъ, разбивавшихъ раки угодниковъ и гробницы императоровъ, сдиравшихъ одежды съ труповъ и мантии съ мощей, топтавшихъ въ азартѣ грабежа образа, разливавшихъ изъ потировъ Кровь Христову вводившихъ въ алтари лошадей и муловъ, „кои, пугаясь блестящаго пола, падали и оскверняли его каломъ!“ Зачѣмъ вспоминать христіанъ варварски пышной, содомски-развратной и люто-жестокой въ убійствахъ и вѣроломствѣ Византіи! Ея императоровъ, увѣшанныхъ золотомъ, парчей и самоцвѣтами,—идоловъ, которые почитали себя, при всей своей мерзости воплощеніями Христа и требовали, чтобы предъ ними свершали, богослуженія! Ея городъ—„скинію Всевышняго“—вмѣщавшій, по словамъ тѣхъ же лѣтописцевъ, сбродъ со всѣхъ концовъ міра и всѣ пороки человѣческіе!

Благословенны земля и время, скрывающія въ нѣдрахъ своихъ слѣды человѣческой низости, слѣды свирѣпыхъ и пышныхъ деспотовъ и кровавой славы завоевателей! Былъ, говорятъ священные легенды Востока, нѣкто Карунъ, превзошедшій въ богатствахъ всѣхъ людей міра. И земля поглотила его, живого, со всѣми его богатствами, и покрыла его могилу простыми полевыми цвѣтами! И самъ Пророкъ съ восхищеніемъ говорилъ о казни Каруна въ своемъ Коранѣ... Кто знаетъ,—можетъ быть и Христось сказалъ бы также въ минуту гнѣва!

И Христось и Магометъ были исполнены страстной и всепокоряющей вѣры, не нуждавшейся въ золотѣ, парчѣ, брилліантахъ, капеллахъ и органахъ. Первые суры Корана горѣли такими огненными буквами въ юной душѣ Пророка, что посѣдѣли волосы его. Старый, больной, покорившій всю Аравію, онъ жилъ и умиралъ въ мазанкѣ и со слезами перебиралъ въ сундукѣ бараньи лопатки, на которыхъ, съ его словъ, записывали Коранъ. И въ простыхъ, порою свирѣпыхъ душахъ его поклонниковъ и до нынѣ живетъ несравненная въ своей простотѣ и силѣ вѣра: ибо что, кромѣ Ислама, владѣеть въ наши дни такимъ страшнымъ и такъ пламенно соединяющимъ въ одну душу миллионы душъ стягомъ, какъ зеленая полуистлѣвшая тряпочка, сохраняемая съ дней Пророка!

Турецкая простота Софіи возвращаетъ меня къ началу Ис-

лама, рожденнаго въ пустынь и уже потомъ изукрашеннаго мавританской роскошью. Я знаю цѣну кружевному мавританскому зодчеству, арабескамъ и письму, узорчатая вязь котораго зачастую не только письмо, а и произведеніе великаго мастерства. Но, къ счастью, ничего этого нѣтъ въ Софіи. Есть въ ней только огромные зеленые щиты съ пышными турами калифовъ. Но они не нарушаютъ общей простоты. Пышно и грозно звучать и гортанныя восклицанія Шейхъ-уль-Ислама, читающаго съ рѣзного михраба Коранъ съ кривой обнаженной саблей въ рукѣ. Но даже и въ этомъ есть простота пустыни. Всего же проще обычный турецкій ритуаль. Онъ спокоенъ и правдиво трогателенъ.

Босыми входятъ сюда молящіеся—входятъ когда кому вздумается, ибо всегда и для всѣхъ открыты двери мечети. Съ сыновней довѣрчивостью, съ поднятымъ къ небу лицомъ и съ поднятыми открытыми ладонями обращаютъ они свои мольбы къ Богу въ этомъ свѣтоносномъ и тихомъ храмѣ:

Во имя Бога, Милосердаго и Милостиваго!
Хвала Ему, властителю вселенной!
Владыкѣ Дня Суда и Воздаянія!

Но великъ и непостижимъ Владыка—и вотъ, покорно падаютъ руки вдоль тѣла, а голова на грудь. И еще покорнѣе отдаются эти руки въ узы Его, соединяясь послѣ паденія подъ грудь, и быстро и безшумно начинаетъ вслѣдъ за этимъ падать человекъ на колѣни и касаться челою праха... И тайныя мольбы и славословія падающаго ницъ человека со всѣхъ концовъ міра несутся всегда къ единому мѣсту—къ святому городу, къ ветхозавѣтному камню въ пустынь Измаила и Агари...

Медленно подвигаемся мы въ боковыхъ проходахъ за колоннами, шмыгая туфлями по скользкимъ цыновкамъ. Потомъ шмыгаемъ по еще болѣе скользкому мрамору пропилей, гдѣ девять огромныхъ и тяжкихъ бронзовыхъ дверей—всѣ въ одинъ рядъ—еще хранятъ рельефы византійскихъ крестовъ. Потомъ поднимаемся по широкимъ отлогимъ всходамъ на хоры, и съ высоты я еще разъ наслаждаюсь головокружительной бездной огромнаго капища и маленькими фигурками сидящихъ глубоко-глубоко подо мною, на полу, въ широкомъ столпѣ свѣта, падаю-

шаго изъ купола. А изъ древней амбразуры открытаго окна снова тянетъ на меня теплою солнечнаго свѣта и свѣжестью снѣга. Я подхожу—и ласковый вѣтеръ ударяетъ мнѣ въ лицо, розовая голубка срывается съ подоконника въ просторъ весенняго воздуха... И опять развертывается предо мною зыбкая синева Мраморнаго Моря въ блескъ солнца, лиловато-пепельные силуэты горныхъ вершинъ и мертвенно-бѣлое облако Олимпа...

VI.

На мраморной паперти Софіи, когда мы покидаемъ ее, лежить деревенскій нищій, въ лохмотьяхъ овчины, темный, какъ мумія, съ большими оттопыренными ушами и потухшими умоляющими глазами.

— Бакшишъ!—жалобно говоритъ онъ старческимъ отдаленнымъ голосомъ, и правая рука его несмѣло касается сердца, губъ и лба

Но въ его лѣвой рукѣ деревянная мисочка съ варенымъ рисомъ—и просьба о милостынѣ звучитъ безжизненно: Богъ уже послалъ ему дневное пропитаніе, въ остальномъ онъ не нуждается. Скоро полдень, въ Галатѣ и порту—у франковъ—самый разгаръ торговаго и работнаго; а здѣсь, въ пріютѣ правовѣрныхъ, на чистомъ и широкомъ дворѣ мечети, апрѣльское утро такъ же мирно и беззаботно, какъ и триста лѣтъ назадъ: солнечная тишина и воркованье голубей, кипарисы и синева неба, бѣлые высокіе минареты и нарядная весенняя зелень возлѣ свѣтлаго павильона, за окнами котораго пышно и мрачно чернѣютъ султанскіе саркофаги, покрытые бархатомъ...

Со двора выходимъ на Атмейданъ, славный когда-то по всему міру Ипподромъ Византіи,—ухабистую, площадь. Слѣва Атмейданъ замыкается одной изъ великолѣпнѣйшихъ султанскихъ мечетей—колоссальной бѣлой мечетью Ахмедіе, окруженной платанами и шестью исполинскими минаретами. Но, Боже, чѣмъ замыкается площадь съ другихъ сторонъ! Вѣтхія бревенчатыя хибарки подъ черепицей, старозавѣтныя кофейни, тощія, полузасохшія акаціи... Ипподромъ теперь пусть и пыленъ, и печально стоятъ на немъ въ ямахъ, обнесенныхъ рѣшетками, три памятника почти доисторической древности: обелискъ розоваго гранита, когда-то сторожившій входъ въ храмъ Солнца въ Геліополь, грубая каменная колонна Константина Богрянороднаго,

и бронзовая, позеленѣвшая отъ времени Змѣиная Колонна — три исполинскихъ змѣи, перевившихся и вставшихъ на хвосты: слава Дельфійскаго капища.

— Магометъ Второй...—начинаетъ, не выдержавъ молчанія, Герасимъ.

Но я уже давно знаю, что и Змѣиная Колонна не избѣгла рукъ доблестныхъ завоевателей, упорно задающихъ челоуѣчеству работу Сизифа: Константинъ перетащилъ колонну на Ипподромъ, а Магометъ сбиль палицей головы змѣямъ... совѣмъ какъ тотъ французскій генераль, который приказалъ выпалить изъ пушки по профилю сфинкса возлѣ Великой пирамиды, или смоленскій губернаторъ, отдавшій мраморный саркофагъ великаго князя Да-вида на ясли въ пожарную команду!

— Бинъ-бирь-дирекъ... Тысяча и одна колонна...— опять робко напоминаетъ Герасимъ, когда мы проходимъ надъ мрачными подземельями византійскихъ водохранилищъ, уставленныхъ цѣлыми лѣсами мраморныхъ баобабовъ и вмѣщавшихъ нѣкогда, во время осадъ, цѣлыя озера.

Но меня уже тяготитъ пребываніе среди гробницъ Византіи, среди тысячелѣтнихъ останковъ ея Акрополя,—можетъ быть са-мага кроваваго мѣста на всей землѣ.

Немного пыльна многолюдная Большая улица Стамбула, по которой мы возвращаемся въ Галату, но видъ у нея милый, южный и такой простой послѣ развалинъ Ипподрома: много солнца, акацій, турецкихъ тавернъ, гдѣ всегда такъ весело отъ чистоты мраморныхъ столиковъ, цвѣтовъ на нихъ и привѣтливости хозяина въ бѣломъ фартукѣ и фескѣ... Веселье даже надгробный павильонъ султана Махмута—большой кіоскъ подъ вѣковыми деревьями.

— Султану вездѣ хорошо!—улыбается и вздыхаетъ Герасимъ.

И правда: въ павильонѣ широкія красивыя окна, надъ саркофагами, стоящими въ немъ, виситъ хрустальная люстра чудесной работы; на саркофагахъ—чернолиловый бархатъ, шитый серебромъ и повитый въ возглавіяхъ дамасскими шаями. При взглядѣ на эти саркофаги мнѣ всегда вспоминаются Аписы; но мрачная пышность этихъ Аписовъ смягчается юными колѣнопреклоненными софтами, читающими поочередно передъ саркофагами Коранъ, золотыми пятнами солнца, горящими на полу, тиканьемъ часовъ на стѣнахъ...

Густая толпа въ перепутанныхъ вонючихъ переулочкахъ, въ которые мы вступаемъ затѣмъ, кажется еще пестрѣе и крикливѣй отъ зноя и духоты. Хорошо еще, что на пути Голубиная Мечеть Баязета и крытые ряды Чарши, Большого Базара!

Дворъ мечети плѣнителенъ своей патріархальностью. Ограждаетъ его сквозная мавританская аркада, посреди ея—фонтанъ, платаны, отдыхающіе странники, нищіе, тысячи голубей, а кругомъ—цѣлый базаръ четокъ, которыми, сидя на коврахъ, торгуютъ старыя-престарыя обезьяны въ тюбанахъ. Прохожіе покупаютъ, у нихъ пшено, кидаютъ его въ воздухъ—и тогда весь дворъ превращается на минуту въ живой, свистящій, дрожащій несмѣтными крыльями, дѣти начинаютъ прыгать и на всѣ лады вопить:

— Бакшишъ! Бакшишъ!

Въ полутемномъ крытомъ лабиринтѣ Чарши, тоже вопять:— по-турецки, по-армянски, по-гречески, по-французски—и хватаютъ за руки, завлекая въ лавки; но отрадная прохлада царитъ въ этихъ сводчатыхъ коридорахъ, старыхъ, сырыхъ, пряно пахучихъ и вмѣстившихъ въ себя все, что есть на базарахъ Востока и въ пассажахъ Европы.

Пальма первенства все же остается за Галатой: шумнѣй и пестрѣй Галаты нѣтъ ничего на свѣтѣ!

Улица, ведущая въ гору, къ Перѣ, полита, но политая и уже согрѣвшаяся пыль не уменьшаетъ духоты. Яркіе бѣлыя маркизы надъ окнами мигазиновъ, яркіе красные лоскуты—вывѣски съ полумѣсяцемъ и арабскими письменами, и ослѣпительно яркая синяя лента неба надъ толпой и коридоромъ домовъ... Во имя Бога Милостиваго, хоть бы здѣсь-то, по улицѣ, ведущей въ европейскую Перу, не пускали верблюдовъ! Но нѣтъ, арабъ полицейскій, въ короткомъ синемъ мундирѣ и въ фескѣ совершенно равнодушно смотритъ на эту горбатую важную грудку шагающую среди толпы за босоногимъ проводникомъ...

Зато какъ прохладно въ исполинскомъ жерлѣ Башни Христа.

Сладокъ, среди вони и плѣсени базарныхъ улицъ, среди чада простонародныхъ тавернъ и пекаренъ, свѣжій запахъ овощей и лимоновъ, но еще слаще послѣ галатской духоты чистый морской воздухъ. Медленно поднимаемся мы по темнымъ лѣстни-

цамъ возлѣ стѣнъ башни, достигаемъ ея круглой вышки,— и выходимъ накаменный покатыи балконъ, кольцомъ охватывающей вышку огражденный желѣзными перилами. Легкое головокруженіе туманить меня при взглядѣ въ бездну подо-мною, но я дѣлаю усиліе— и оглядываюсь. И тогда въ ясномъ морскомъ воздухѣ раскрывается цѣлая страна,—страна, занятая городами, морями и голубовато-туманными, таинственными хребтами Мало-Азійскихъ горъ,—страна, на которую пала тѣнь птицы Хумай!

Кто знаетъ, что такое птица Хумай? О ней говоритъ Саади: — Нѣтъ жаждущихъ пріюта подѣ тѣнью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свѣтѣ!

И комментаторы Саади поясняютъ, что это—легендарная птица и что тѣнь ея приноситъ всему, на что она падаетъ, царственность и безсмертіе.

Пѣсню Пѣсней, чудомъ чудесъ, столицей земли называли городъ Константина греческіе лѣтописцы. Молва всего міра объясняла его происхожденіе божественнымъ вмѣшательствомъ. Одна древняя легенда говоритъ, что на мѣстѣ Византіи орелъ Зевса уронилъ сердце жертвеннаго быка. Другая—что основателю ея было повелѣно основать городъ знаменіемъ креста, явившимся въ облакахъ надъ скутарійскими холмами, при сліяніи водныхъ путей и путей караванныхъ.

Восточный поэтъ сказалъ бы, что здѣсь пала тѣнь птицы Хумай.

Много разъ меркла эта тѣнь. Но за обладаніе мѣстомъ, гдѣ пала она, лились рѣки крови. И раздоры и пророчества о будущемъ этого мѣста, не смолкаютъ и донинѣ.

Я думаю о немъ, какъ о великомъ космополитическомъ царствѣ будущаго.

Царства древнія, созидавшіяся на костяхъ и рабствѣ, земля уже много разъ пожирала со всѣми ихъ богатствами, какъ легендарнаго Каруна. Великую, свободную семью, которая въ будущемъ займетъ мѣсто свирѣпаго византійскаго и султанскаго деспотизма, земля пощадить.

Поля Мертвыхъ—такъ хотѣлъ я назвать свою путевую поэму. Развѣ не поля Мертвыхъ—Баальбекъ и Пальмира, Вавилонъ и Ассирія, Іудея и Египетъ? Развѣ не сплошное Поле Мертвыхъ и Константинополь? Его погосты—величайшіе въ мірѣ—такъ и называются: Поля Мертвыхъ. И сколько ихъ, этихъ погостовъ

Сто тысячъ древнихъ кипарисовъ съ голыми стволами чернѣютъ на Великомъ Кладбищѣ въ Скутари и болѣе милліона памятниковъ, подобно костямъ, бѣлѣтъ подъ ними. Въ Галатѣ, въ Перѣ стоятъ цѣлыя полчища этихъ мрачныхъ гробовыхъ деревьевъ. Стамбулъ окруженъ Полями Мертвыхъ. Но мало того: нѣтъ ни одной, самой людной улицы, гдѣ бы не было развалинъ стѣны, кипариса и могильнаго мраморнаго столбика.

Но Востокъ—царство солнца. Востоку принадлежитъ будущее.

Не даромъ всѣ славныя капища Востока были посвящены Солнцу.

И въ честь солнца, даже и донинѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, возлѣ Галатской башни, совершаются мучительно-сладостныя мистеріи Кружащихся Дервишей.

Ихъ монастырь затерялся теперь среди высокихъ европейскихъ домовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ такихъ же жаркихъ весеннихъ дней, Герасимъ привелъ меня къ его старой каменной оградѣ, и мы вошли, вмѣстѣ съ другими франками, въ небольшой каменный дворъ.

Помню фонтанъ и старое зеленое дерево посреди его, направо—гробницы шейховъ-настоятелей, налѣво—кельи въ ветхомъ деревянномъ домѣ подѣ черепицей, а противъ входа—деревянную мечеть.

Мы отдали нѣсколько мелкихъ монетъ, и насъ впустили въ восьмигранный высокій залъ, обведенный съ трехъ сторонъ хорами и украшенный, только люстрой да сурами Корана.

На хорахъ, надъ входомъ, помѣстились музыканты съ длинными флейтами и барабанами, по бокамъ—зрители.

Когда наступила тишина, вошелъ шейхъ-настоятель, а за нимъ десятка два дервишей—всѣ босые, въ коричневыхъ мантияхъ, въ войлочныхъ черепенникахъ, съ опущенными рѣсницами, съ руками, смиренно сложенными на груди.

Шейхъ сѣлъ у стѣны противъ входа, раздѣлившіеся дервиши—по сторонамъ, другъ противъ друга.

Шейхъ, медленно повышая жалобный, строгій и печальный голосъ, началъ молитву, флейты внезапно подхватили ее на верхней страстной нотѣ—и въ тотъ же мигъ, столь же внезапно и страстно, дервиши ударили ладонями въ полъ съ крикомъ во славу Бога, откинулись назадъ—и снова ударили.

И вдругъ всё замерли, встали—и, сложивъ на груди руки, двинулись гуськомъ за шейхомъ вокругъ зала, обертываясь и низко кланаясь другъ другу возлѣ его мѣста.

А, кончивъ поклоны, быстро скинули мантии, остались въ бѣлыхъ юбкахъ и бѣлыхъ кофтахъ съ длинными широкими рукавами—и закружились въ танцъ: взвизгнула флейта, ухнулъ барабанъ—и дервиши стали подбѣгать съ поклономъ къ шейху, какъ мячъ отпрядывать отъ него и, раскинувъ руки, волчкомъ пу- скаться по залу.

И скоро весь залъ наполнился бѣлыми вихрями съ раскину- тыми руками и раздувшимися въ колоколь юбками.

И, по мѣрѣ того, какъ все выше и выше поднимались го- лоса флейтъ, жалобная печаль которыхъ уже перешла въ упоен- ніе этой печалью, все быстрѣ неслись по залу бѣлые кресты- вихри, все блѣднѣе становились лица, склонявшіяся на бокъ, все туже надувались юбки и все крѣпче топалъ ногою шейхъ.

— Крѣпче! Крѣпче!—внутренно восклицалъ и я, опьяненный музыкой и кружащимися, среди которыхъ все ярче мелькали чер- ные полосы смыкающихся рѣсницъ на помертвѣвшихъ отъ счастья лицахъ.

И голова мутилась—приближалось сладострастное „исчезно- веніе въ Богъ и вѣчности“...

Теперь, на башнѣ Христа, я переживаю нѣчто подобное тому, что пережила у дервишей. Теплый, сильный вѣтеръ гудитъ за мною въ вышкѣ, пространство точно плыветъ подо мною, туманно-голубая даль тянетъ въ безконечность... Этотъ вихрь вокругъ шейха зародился тамъ, — у истоковъ челоувѣчества, въ мистеріяхъ индусовъ, въ таинствахъ огнепоклонниковъ, въ „расплавкѣ“ и „опьяненіи“ суфійства съ его мистическимъ язы- комъ, въ которомъ подъ виномъ и любовью разумѣлось упоеніе Божествомъ, и съ его „Рубищемъ“—символомъ отрѣшенія отъ ви- димаго міра. Отъ древнѣйшихъ хороводовъ, знаменовавшихъ сперва вихрь планетъ вокругъ солнца, а потомъ вихрь міровъ во- кругъ Творца, идутъ и вихри дервишей. Отъ экстаза „отрѣше- нія“ суфи идетъ экстазъ, которому предаются Ревущіе и Кружа- щіеся дервиши и донинѣ.

Въ Константинополѣ большинство изъ нихъ—плуты и ак- теры, холодно доводящіе себя до головокруженія... какъ совре- менные поэты.

Но когда-то были иные дервиши.

Они по праву носили имена поэтовъ, святыхъ, созерцателей. И были они внѣ узаконенныхъ религій, внѣ государствъ, внѣ обществъ.

И мнѣ хочется сказать:

Братья-дервиши, я не ишу отрѣшенія отъ видимаго міра. Можетъ-быть, искажая ваше слово, я говорю, что ишу „опьяненія“ въ созерцаніи земли, въ любви къ ней и въ свободѣ, къ которой призываю и васъ предъ лицомъ этого безсмертнаго, великаго, въ будущемъ—общечеловѣческаго города. Будемъ служить людямъ земли и Богу вселенной,—Богу, котораго я называю Красотою, Разумомъ, Любовью, Жизнью и который проникаетъ все сущее.

И пребудемъ въ любви къ жизни и въ веселіи.

И закончимъ словами Саади, употребившаго жизнь свою на то, чтобы обозрѣть красоту міра:

— Ты, который нѣкогда пройдеши по могилѣ поэта, вспомни поэта добрымъ словомъ!

— Онъ отдалъ сердце землѣ, хотя и кружился по свѣту какъ вѣтеръ,—какъ вѣтеръ, который, послѣ смерти поэта, разнесъ по вселенной благоуханіе цвѣтника его сердца.

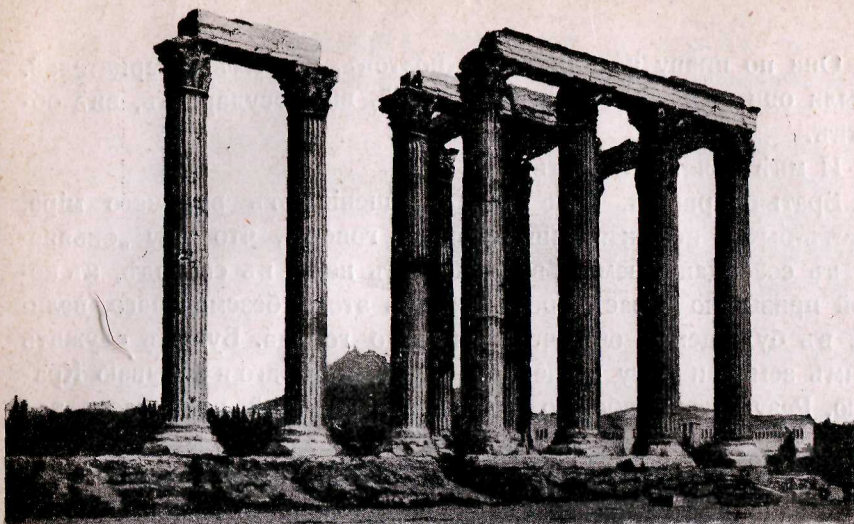
— Ибо онъ всходилъ на башни Маана, Созерцанія, и слышалъ Симѡа, Музыку міра, влекущую въ халеть—веселіе.

— Цѣлый міръ полонъ этимъ веселіемъ, танцемъ—ужели одни мы не чувствуемъ его вина?

— Хмѣльной верблюдь легче несетъ свой вьюкъ. Онъ, при звукахъ арабской пѣсни, приходитъ въ восторгъ. Какъ же называть человѣка, не чувствующаго этого восторга?

— Онъ осель, сухое полѣно.

1907 г.

МОРЕ БОГОВЪ.

I.

Когда подняли якорь, въ толпу на спардэкѣ вошли молодые французы. И, заглядѣвши на нихъ и на чемоданы, плѣды, которые таскалъ въ ихъ каюту лакей, я не замѣтилъ, какъ поплыли кровли и купола Стамбула.

Былъ десятый часъ. Съ кормы, вмѣстѣ съ весенней свѣжестью, доносился запахъ сѣна. По глянцевитой мраморно-голубой водѣ черными кругами, показывая перо, шли дельфины. Утренніе пары таяли въ теплѣ и свѣтѣ, но матовая даль еще терялась въ туманѣ.

За мысомъ дорогу перерѣзаль шумный колесный пакеботъ, переполненный фесками, и, мелькнувъ, обдалъ теплымъ дымомъ. Старыя стѣны дворца Костантина и цвѣтушіе сады Сералея дремали, пригрѣтые золотистымъ солнцемъ. Въ оврагахъ алѣло искривленное іудино дерево. Блѣдно-розовые минареты Софіи уносились въ лазурное небо... И всѣ смотрѣли на профиль молодой, закрывшей глаза биноклемъ, на ея мужскую шляпу и на легкую вуаль болотнаго цвѣта, обвитуя вокругъ тулы и трогательно, по старинному завязанную въ бантъ у подбородка.

На кораблѣ, выходящемъ въ море, сперва всегда тихо. Такъ было теперѣ. Извиваясь, протянулись, вслѣдъ за Сералемъ,

стѣны Θεодосія, бѣлыя предмѣстья на холмахъ, полчища кипарисовъ въ Поляхъ Мертвыхъ... Стѣны кончились руиной Семибашеннаго зámка... И сиренево-сѣрый очеркъ Стамбула сталъ уменьшаться и таять. Пошли, какъ изъ пемзы, обрывы плоскаго правобережья, покрытаго весенней зеленью. Держась возлѣ нихъ все къ югу, мы на много верстъ выгибали среди голубого опала слѣдъ отъ винта — точно полосу глетчера. А налѣво, до нѣжно-туманной сини Принцевыхъ острововъ, и впереди, до еще болѣе туманныхъ горъ Азіи, все шире разбѣгались сіяющіе среди утренняго пара заливы. Надъ ихъ необозримой гладью кое-гдѣ висѣли дымки невидныхъ пароходовъ...

Нижнія палубы, заваленныя грузомъ въ Пирей и Александрію, наполняли фески и верблюжьи куртки, ласково-застѣнчивыя улыбки и блестящіе зубы, каріе глаза и сдержанный гортанный говоръ. Бѣлыми коконами сидѣли на коврахъ закутанныя въ фереджэ женщины. Мечтательно играли четками хаджи въ чалмахъ и халатахъ. Пѣли, пили мастику, страстно спорили и бились въ кости греки, похожіе на плохенькихъ итальянцевъ. Толстый сѣдобородый еврей въ люстриновомъ пальто, въ черной непрямтой шляпѣ на затылокъ, съ пейсами и поднятыми бровями, ѣлъ, уединенно сидя на крышкѣ трюма, маслины съ бѣлымъ хлѣбомъ и обсасывалъ пальцы. Въ проходахъ несло кухоннымъ чадомъ, тепломъ изъ стальной утробы мѣрно работающей машины, бѣгали бѣлые повара съ помоями и матросы со швабрами. Наверху было чисто, просторно и солнечно.

Надо было надвигать на глаза фуражку, глядя на ослѣпительный блескъ подъ лѣвымъ бортомъ. За этимъ блескомъ разстилались и какъ будто наклонно скользили въ даль, къ чуть видной Азіи, зеркала Кіанскаго залива. Въ милѣ, въ полумилѣ отъ насъ проходили итальянскіе и греческіе грузовики съ низкими бортами и голыми мачтами. Медленно, стройно и плавно тянулись въ Стамбулъ, раскинувшись по всему морю, парусныя барки. Одна бригантина, ведя за собой маленькую лодочку, прошла такъ близко, что вся закачалась и закланялась, попавъ въ волну отъ парохода, и ярко озарила насъ снѣжнымъ шелкомъ парусовъ. Подъ ихъ серебристой тѣнью бѣжалъ загорѣлый человѣкъ въ полосатой фуфайкѣ и фескѣ. А зеленый хрусталь подъ бригантинной былъ такъ прозраченъ, что видно было все дно ея.

Ютъ загромождали тюки прессованнаго сѣна. Матросы натягивали надъ ними тентъ. Близился полдень, и въ проходахъ между

сѣномъ стоялъ жаркій сладковатый запахъ степи. Я взглянулъ направо: тамъ, въ голубой ртути воды и неба, миражемъ висѣла и, суживаясь, терялась изъ глазъ безконечно-длинная полоска земли; потомъ сѣлъ на припекѣ между сѣномъ и лѣвымъ бортомъ и сталъ смотрѣть изъ-подъ козырька на едва рисовавшіяся впереди, въ знойной дымкѣ, горы,—голубые „горбы верблюдовъ“, идущихъ въ Мекку“. Было похоже на хребты Крыма, если смотрѣть на нихъ въ лѣтнее утро издали... И все время легкая гряда свѣтлаго тумана отдѣляла ихъ подошвы отъ заливовъ.

За завтракомъ въ каютъ-компаніи открыли всѣ иллюминаторы. По бѣлому низкому потолку переливались зеркальныя змѣи, отраженные изъ-подъ лѣваго борта водою и солнцемъ. Съ цвѣтами въ петличкахъ, входили и садились за столъ франты-греки и рослые нѣмцы.

— Да, это правда,—сказалъ мнѣ сосѣдъ, морякъ съ нагло открытымъ лицомъ,—на Крымъ похоже. Похоже и на Архипелагъ. Только тутъ этихъ Крымовъ видимо-невидимо...

Открылись, теряясь въ солнечной дали, новые огромные заливы. Но часа въ два слѣва опять заголубѣли каменистыя побережья древней Фригіи. Близко прошла дикая горбина острова Марморы, и было весело смотрѣть на его блиставшіе надъ водою обрывы, на сѣроватую зелень, покрывавшую его ребра и скаты, на бѣлыя точки какого-то селенья, разсыпаннаго въ одной изъ его впадинъ. Необъяснимое очарованіе таится въ ломаныхъ линіяхъ этихъ горъ и острововъ,—линіяхъ, столь мягкихъ и четкихъ въ чистомъ воздухѣ!

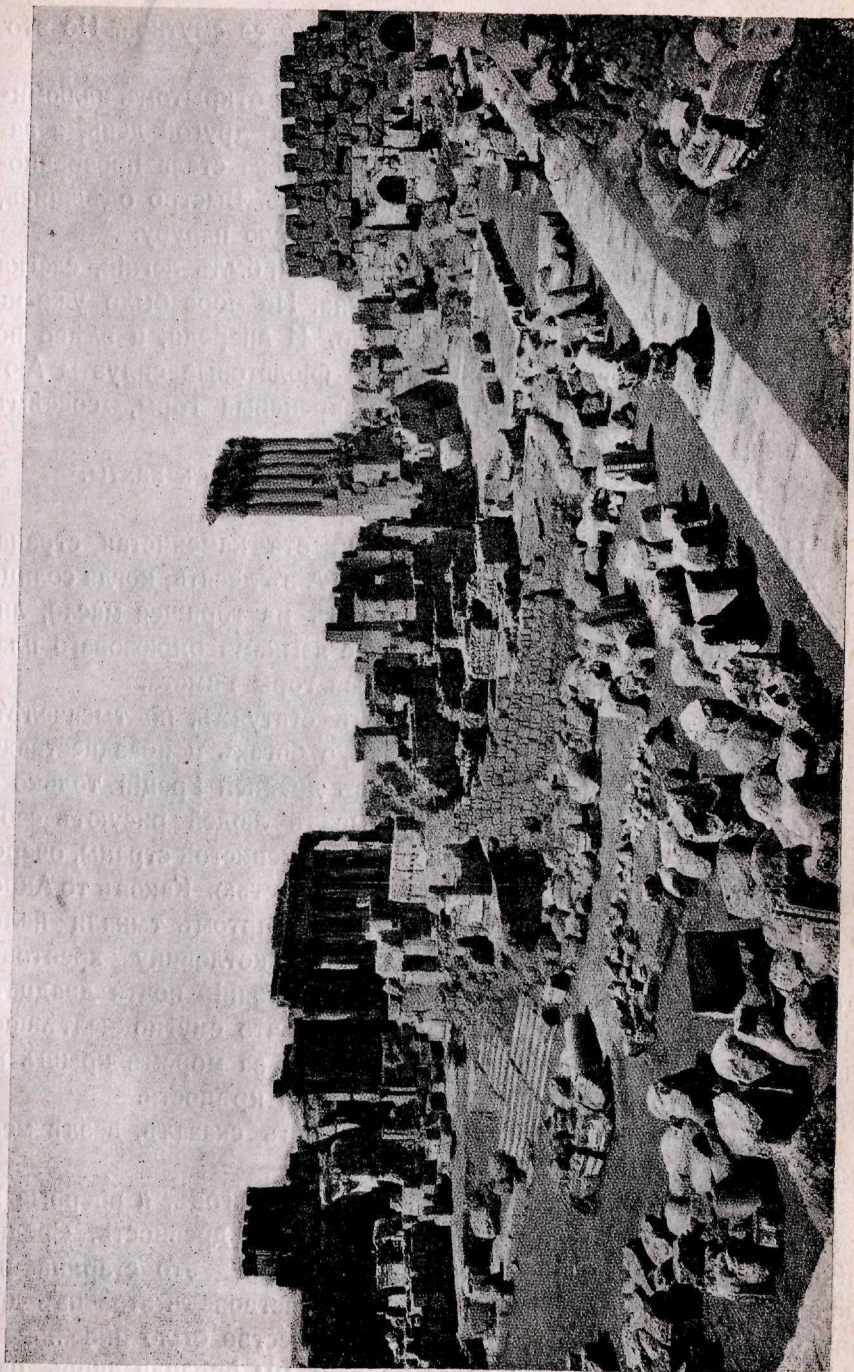
Очень близко прошелъ передъ вечеромъ и Галлиполи, желтѣвшій на обрывахъ праваго берега. Пустынныя горы, изрѣзанныя моремъ, уходили къ востоку, пустынная степь разстилась за маякомъ Галлиполи...

Но уже приближались врата Турціи—Геллеспонтъ. Опять сходились, смыкались голые холмы, увѣнчанные редутами и крѣпостями... Скрылось солнце—и быстро стемнѣло.

И въ темнотѣ, усѣянной зоркими огнями, осторожно, осторожно пропустила насъ тѣснина Дарданелль.

II.

Троя, Скамандръ и холмы Ахиллеса на пустынной равнинѣ близъ Иды—сколько прелести и меланхоліи въ этихъ звукахъ! И равнина Скамандра серебрилась въ эту ночь легкимъ туманомъ

Развалины Акрополя.

и печальнымъ луннымъ свѣтомъ. Я видѣлъ ее смутно... Но это была уже Греція.

Шерстяная вишневая занавѣска была на открытомъ иллюминаторѣ въ моей каютѣ, и, проснувшись на другой день, я засмѣялся отъ радости: противъ солнца занавѣска стала прозрачно-рубиновой, сладкій вѣтеръ ходилъ по каютѣ. Быстро одѣвшись, я выбѣжалъ на недавно вымытую, еще темную палубу.

Быль опять тонкій паръ, полный блеска, былъ легкій, слегка влажный воздухъ и свѣжій запахъ сѣна. Но море было уже не то. Это было густое сине-лиловое масло. И впереди, и влѣво по его равнинѣ таяли въ свѣтлой дымкѣ фіолетовые силуэты Аю-Даговъ. А направо тянулись зелено-сиреневыя горы,—совсѣмъ какъ мысы и обрывы возлѣ Балаклавы.

— Что это?—спросилъ я моряка, шедшаго съ вахты.

— Эвбея,—отвѣтилъ онъ.

И все утро выгибалась мимо насъ эта каменистая страна, вся въ складкахъ, какъ кожа бегемота. А въ десять, когда солнце жгло плечи и я съ изумленіемъ глядѣлъ на горящее масло, ливавшее пароходъ и порою плескавшее языками бирюзоваго пламени,—открылись, наконецъ, пустынные горы Гимета.

По мертвенно-бѣлымъ волоокимъ статуямъ, по тысячелѣтнимъ толкамъ о вакханкахъ и дріадахъ, о богахъ и празднествахъ съ цвѣтами и хорами,—какъ-будто въ древней Греціи только и дѣлали, что праздновали!—тысячи тысячъ людей рисуютъ себѣ какой-то, пошлый элизіумъ вмѣсто этой каменистой страны, очаровательной именно своей знойностью и дикостью. Каковъ то Акрополь? Всѣ бинокли искали его, греки съ азартомъ тыкали пальцами въ даль — въ туманно-фіолетовую котловину хребтовъ, открывшихся за мысомъ... И вотъ, на разстояніи почти двадцати миль отъ насъ, нашель, наконецъ, и я нѣчто смутно-желтѣвшее на каменистомъ холмѣ, одиноко стоящемъ за моремъ крышъ въ долинѣ,—нѣчто въ родѣ небольшой дикой крѣпости.

— Акрополисъ!—упавшимъ голосомъ сказалъ, возлѣ меня какой-то человѣкъ, похожій на караима.

И, взглянувъ на этотъ голый холмъ пелазговъ, я впервые въ жизни всѣмъ существомъ своимъ ощутилъ древность. Средневѣковые замки и соборы, св. Маркъ и Софія—это старина изъ нашего міра. А эти руины—я живо почувствовалъ это—изъ другого, отъ тѣхъ временъ, когда и человѣчество было иное...

Въ гавани, гдѣ въ жаркій полдень мы бросили якорь, насъ

окружили гиды, комиссіонеры отелей, лодочники, похожіе на лодочниковъ Неаполя и Венеціи. Въ улицахъ возлѣ порта кипѣла обычная портовая жизнь Одессы, Генуи, Марселя. А путь, соединяющій Аѳины съ Пиреемъ, вокзалы и цвѣтистые плакаты съ видами Ривьеры и Оберланда уже и совсѣмъ переносятъ въ Европу. Европейцамъ хочетъ казаться и провожающій меня въ Акрополь худенькій, загорѣлый старичокъ въ кэпи, въ ветхомъ узкомъ сюртучкѣ, въ широкихъ и короткихъ панталонахъ: сдержанъ, изысканно вѣжливъ, говоритъ чуть не на всѣхъ языкахъ.

— Позволяю себя обращать вниманіе мосье на окрестность,— говоритъ онъ, сидя рядомъ со мной въ вагонѣ, наполненномъ обычной южно-европейской публикой.

Сидитъ прямо, бодрится, но, видимо, измученъ бѣготней, нуждой, куреньемъ. Стриженная головка подъ кэпи вся серебряная.

А вагоны летятъ въ сухомъ зноѣ и блескѣ, среди запыленныхъ садовъ, возлѣ дачныхъ стѣнъ, ярко-бѣлыхъ на яркой лазури. Вокругъ—зеленая долина съ разбросанными по ней кактусами и невысокими вѣрными пальмами, вся усѣянная алымъ цвѣтомъ мака. Впереди таютъ въ полуденной пепельной дымкѣ горы, направо, за долиной, горящей сѣрой вспыхиваетъ полоса залива... Потомъ вагонъ опять озаряется отсвѣтомъ домовъ съ крышами то плоскими, то черепичными; проносятся разноцвѣтные лоскуты бѣлья на веревкахъ, черномазья дѣтишки, стоящія на оградахъ оливковыхъ садиновъ, мышастый кучій осликъ возлѣ яслей въ каменномъ дворѣ...

По ослѣпительно-бѣлымъ улицамъ ѣдемъ мы, выйдя изъ вагона. Высоко и прямо сидитъ на козлахъ кучеръ въ соломенной шляпѣ, хлопая бичемъ надъ парой рѣзвыхъ клячъ въ дышлѣ. Яркая лента неба льется вдоль коридора улицы съ бѣлой мостовой и запыленными кипарисами, вытянувшимися между домами. Даже и въ тѣни чувствуешь и видишь, какъ прозраченъ сухой жаркій воздухъ. Спущены зеленые жалюзи на окнахъ, спущены маркизы надъ витринами. Быстро выѣзжаемъ, миновавъ площадь, королевскій дворецъ и предмѣстье, на мѣловое шоссе,—и холмъ пелазговъ съ руинами храмовъ поражаетъ меня своей золотистой желтизной и наготой. Громадная подкова горъ, громадная долина, а среди долины одиноко высится желто-каменный конусъ, воедино слитый двадцатипятивѣковой древностью съ голымъ остовомъ Акрополя,—останками стѣнъ, колоннадъ и порталовъ. Зной и вѣтеръ давно обожгли кости этой чуждой и уже непонят-

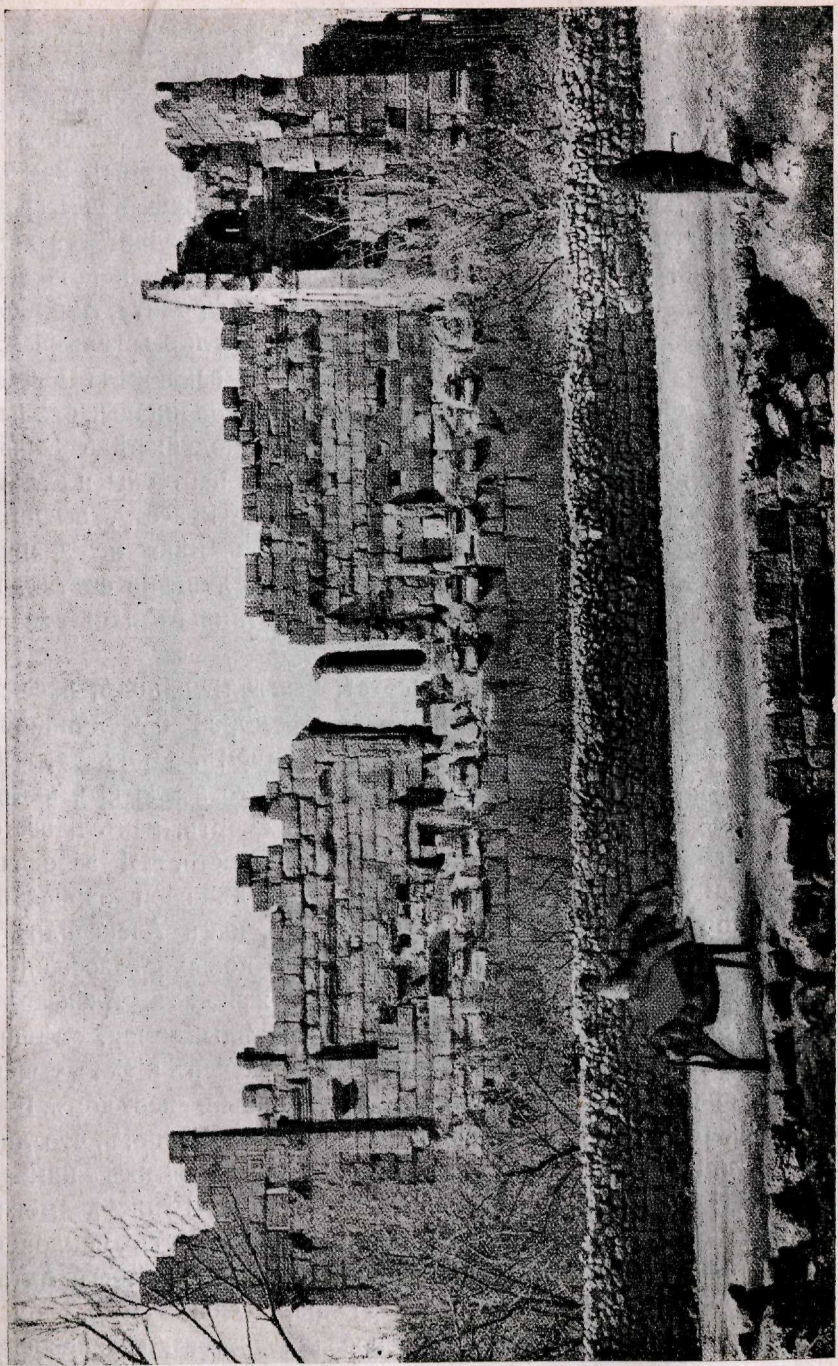
ной намъ жизни. Медленно тянуть лошади по мѣлу, хрустить щебень шоссе, кольцомъ охватившаго холмъ и поднимающагося все въ гору,—со всѣхъ сторонъ оглядываю я загорѣлый камень стѣнъ и желобчатыхъ колоннъ... Наконецъ коляска останавливается на самомъ припекѣ—какъ разъ противъ входа въ гранитной стѣнѣ, за которымъ широкая лѣстница изъ лоснящагося мрамора поднимается къ Пропилеямъ и Парѳенону... И на мгновенье я теряюсь... Боже, какъ все это просто, старо и прекрасно!

Налѣво, въ сквозной тѣни маслинъ, стоитъ парная коляска. Высокій, очень прямой человѣкъ съ биноклемъ черезъ плечо, въ сѣромъ костюмѣ и тропическомъ шлемѣ, и высокая худая женщина тоже въ сѣромъ шлемѣ, въ фильдекосовыхъ перчаткахъ, съ длинной тонкой палочкой въ одной рукѣ и съ книжкой въ другой, направляются ко входу. Но даже и эти спокойнѣйшіе люди изумленно смотрятъ круглыми глазами на то, что блещетъ передъ нами золотыми руинами въ жаркомъ синемъ небѣ, на то, что такъ божественно-легко и стройно громоздится на гранитныхъ укрѣпленіяхъ, вросшихъ въ темя этого алтаря Солнца, заваленнаго глыбами камня. Они входятъ, поднимаются по лѣстницѣ, дѣлаются маленькими среди колоннъ, уцѣлѣвшихъ отъ Пропилей,—и скрываются. За Пропилеями высится многоколонный храмъ Аѳины.

Я оставляю проводника въ коляскѣ—и тоже вхожу... Но я уже все видѣлъ!

Я иду, но души древности, создавшей это, я коснулся еще съ парохода. А совершенство Акрополя раскрываетъ одинъ взглядъ на него. И моя душа уже такъ полна и такъ счастлива этой полнотой, что я разсѣянъ.

Вотъ я поднялся по скользкимъ плитамъ къ Пропилеямъ и Храму Побѣды. Я теряюсь въ безпредѣльномъ пространствѣ Эгейскаго моря и вижу отсюда и маленький портъ въ Пиреѣ, и бесконечно-далекіе силуэты какихъ-то голубыхъ острововъ, и Саламинъ, и Эгину; правѣе, въ громадной долинѣ—озеро черепичныхъ крышъ, стѣнъ, садовъ и среди нихъ—конусъ-холмъ, Мусейонъ. А когда я оборачиваюсь, меня озаряетъ лиловатый пламень неба, налитаго между руинами храмовъ, между золотисто-обожженнымъ мраморомъ колоннадъ и капителей, между желобчатыми столпами такой красоты, мощи и стройности, предъ которыми слово безсильно. Я вступаю въ громаду раскрытаго Парѳенона — и меня волнуютъ, какъ тѣло Венеры, скользкія мрамор-

Прокипи.

няя плиты этого перваго на моемъ пути алтаря Солнца, зеленая тонкая трава и легкій макъ въ ихъ разсѣлинахъ... Чтò иное, кромѣ неба и солнца, могло создать все это? Какой воздухъ кромѣ воздуха Архипелага, могъ сохранить въ такой чистотѣ этотъ мраморъ? Глыбамъ гранита и мрамора, кряжамъ каменистыхъ горъ, накаленныхъ зноемъ, поклонялись древнѣйшія греческія племена. Яркая лазурь, на которой порой воздвигался величавый снѣжно-облачный Зевсъ, озаряла эти горы—и вотъ небо сочеталось съ землею и породило Аполлона, Афродиту, Акрополь. Амфіонъ, древнѣйшій изъ поэтовъ, извлекалъ изъ лиры столь сладкіе звуки, что вѣчный мраморъ, въ которомъ заключена высшая чистота земли, самъ сталъ складываться въ колоннады, стѣны и ступени. А Гомеръ изваялъ образы боговъ-людей: вѣдь Эллада только устами поэтовъ и философовъ создала пантеоны и культы. И уста поэтовъ высшей религіей признали красоту, высшимъ загробнымъ блаженствомъ—Элизіумъ, „отъ вѣка не знавшій тьмы и холода“, высшей загробной мукой—лишеніе свѣта... Но отчего же сердце и душу мою тянетъ все-таки въ даль—за это сіяющее море?

„Богъ—жизнь, свѣтъ и красота“,—сказалъ народъ, населившій землю въ этомъ прелестнѣйшемъ изъ морей и воспринявшій миѳы, рожденные солнцемъ, моремъ и камнемъ. „Богъ—это мое тѣло“,—сказалъ онъ, возмужавъ и забывъ, что земля его, какъ и всюду, щедро насыщается кровью и что смерть, какъ и всюду, разрушаетъ и на его землѣ плотскую радость. „Я завоевалъ высшую мудрость“,—сказалъ онъ,—и отлилъ свои завоеванья въ мраморъ—воздвигъ „Алтарь Возврата“, какъ Александръ на границахъ Индіи. И, чтобы не слышать о новыхъ завоеваніяхъ, умертвилъ Сократа. Но духъ искалъ и жаждалъ. Александръ снѣдаемый этой жаждой, раздвинулъ предѣлы земли, смѣшалъ народы и, возвратясь, сказалъ: „Міръ—безконеченъ и Богъ тысячекликъ. Я поклонялся всѣмъ ликамъ; но истинный—невѣдомъ. Іудея говоритъ, что ликъ Его—мощь и пламя гнѣва; Египетъ, что ликъ Его—Солнце въ ликѣ Сфинкса и Ястреба. Но слова ихъ—кимвалъ бряцающій. Іудея—это горячее Мертвое море, Египетъ—могила въ пустынѣ: онъ тоже свершилъ свой путь—отъ поклоненія вѣчно возраждающемуся „сыну Солнца“, Гору, до своего Алтаря Возврата—до Великой пирамиды. И храмы Солнца нынѣ пусты и безмолвны.“ Тогда Греція снова послала поэтовъ и философовъ искать Бога. И они пошли въ Сирію и Александрію—и среди

смѣшавшагося человѣчества зачалось смутное и радостное предчувствіе новаго разсвѣта. Впервые случилось, что завоеватель міра не дерзнулъ покорить міръ богу своей націи и своихъ побѣдъ. И всемірная монархія, смѣшавъ человѣчество, распалась. Человѣчество пресытилось кровью, землею и смертью—и возжаждало братства, неба, безсмертія. И когда наконецъ снова вошло Солнце,—„Радуйся!—сказалъ міру ясный Голось.—Нѣтъ

Храмъ Побѣды въ Аѳинахъ.

болѣе ни рабовъ, ни царей, ни жрецовъ, ни боговъ, ни отечества, ни смерти. Я—Египтянинъ, Іудей и Эллинъ, сынъ плотника и Солнца, сынъ земли и Духа. Духъ животворить и роднитъ все сущее: и лиліи полевыя, и птицы небесныя, и Соломона въ славу его, и раба Соломона. Сила и жизнь Его такъ велики во мнѣ, что вотъ я полагаю руку Мою на голову умирающаго--и слышу, какъ трепетно исходитъ изъ Меня любовь и жизнь. Просыпаюсь

на Фаворѣ въ росистое солнечное утро — и міръ, въ блескѣ и голубыхъ туманѣхъ лежащій подо Мною, наполняетъ Мою душу такимъ восторгомъ, свѣтомъ Отца Моего, что лицо Мое повергаетъ на землю братьевъ Моихъ...”

III.

На предвечернее солнце было больно смотрѣть, когда я возвращался на рейдъ. Зеркальныя отраженія струились, переливались по нагрѣтому за день борту. Мѣдные ободки открытыхъ иллюминаторовъ искрились. Шлюпка тихо подошла къ трапу, и загорѣлый лодочникъ, работавшій весломъ стоя, опернымъ жестомъ снялъ широкополую шляпу. Лебедки ужъ затихли, трюмы были нагружены и закрыты, но на спардѣкѣ еще стоялъ капризный греческій говоръ, еще тѣснилась толпа провожающихъ и подростковъ, завалившихъ всѣ скамьи ящиками съ коралломъ, альбомами и открытками... Ровно въ шесть заревѣла, сотрясая всѣ палубы, труба и забуриль винтъ.

Въ несказанной пышности и нѣжности червонной пыли и воздушно-фіолевыхъ вулкановъ пламенѣло солнце за безпредѣльнымъ Эгинскимъ заливомъ, изъ котораго мы уходили отъ Акрополя къ югу. Потомъ оно сразу потеряло весь свой блескъ, стало огромнымъ малиновымъ дискомъ, стало меркнуть — и скрылось. Тогда въ золотисто-бирюзовую глубину небосклона высоко поднялись дымчато-аметистовые радіусы. Но на острова и на горы за заливомъ уже палъ вечерній пепель, а все необозримое пространство заштильващаго моря внезапно покрыла мертвенная, малахитовая блѣдность. Я стоялъ на ютѣ, облокотясь на рѣшетку борта, и смотрѣлъ то на этотъ малахитъ, то на западъ. Вдругъ по кораблю тамъ и сямъ тепло и весело вспыхнуло электричество. На минуту оно отвлекло меня, а когда я снова взглянулъ на западъ, его уже настигла тьма южной ночи. Скоро въ ней потонули и море, и небо. Но тогда за бортомъ сталъ рѣять слабый таинственный свѣтъ — и темно-лиловый полукругъ моря явственно отдѣлился отъ болѣе легкаго неба: это былъ серебристый свѣтъ звѣздъ — и воды.

— Миль десять идемъ? — спросилъ я заблѣващаго въ сумракѣ матроса, по шороху за бортомъ угадывая ровный полный ходъ.

— Миль тринадцать идемъ!

И по тому, какъ мелькали навстрѣчу мнѣ, когда я пошелъ

на бакъ, горбы волнъ, полныхъ голубого, порой крутившагося и дымившаго фосфора, видно было, что правда.

Черный и въ темнотѣ особенно упорный бугшприть неуклонно велъ въ звѣздный склонъ неба. На сѣверо-востокѣ широко раскидывалась Большая Медвѣдица, любимое созвѣздіе Гомера. На юго-западѣ низко, но ярче и великолѣпнѣе всѣхъ сверкала розовато-серебристая Венера. Надъ нею—янтарный Юпитеръ. Темно-синяя глубь была переполнена повисшими въ Млечномъ Пути алмазами. Къ тропикамъ уходилъ призракъ Корабля Арго. И отовсюду лились въ море нити тонкаго дивнаго свѣта. Но свѣтъ моря былъ воздушнѣй и прекраснѣе.

— Эй, не курить на бакѣ! — раздался звучный молодой голосъ съ капитанскаго мостика, надъ которымъ высоко теплился топовый огонь.

И опять наступила глубокая тишина, полная шороха волнъ и дыханій машины.

Спотыкаясь на цѣпи и паруса, я добрался до бугшприта. Острая желѣзная грудь рѣзала кипѣвшую блѣдно-синимъ пламенемъ воду—и все пространство моря, озареннаго и полнаго таинственнымъ свѣтомъ, быстро бѣжало навстрѣчу. Звѣзды дрожали отъ едва уловимаго, теплаго воздушнаго тока. Вахтенный, какъ мертвый, неподвижно темнѣлъ возлѣ меня... Но мертвыхъ въ мірѣ нѣтъ,—подумалъ я. Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ. Вотъ закатилось солнце, породившее нѣкогда Акрополь, но и во тьмѣ только солнцемъ живемъ и дышимъ мы—на землѣ, его частицѣ. Это оно вращаетъ винтъ парохода, оно несетъ навстрѣчу мнѣ море; оно, неизсякаемый родникъ всѣхъ силъ, льющихся на землю, править и непостижимымъ для моего разума стремленіемъ своего необъятнаго царства въ безконечность—къ Вегѣ, и безумной радостью этого стрѣлой летящаго подо мною, вслѣдъ за килемъ парохода дельфина—какъ бы сплошной массы дымно-синяго фосфора. Высшая тайна вселенной, мое сознаніе—свѣтъ отъ силы солнца, какъ солнце—свѣтъ неизреченной Силы. И только къ свѣту стремится все въ мірѣ. Мириады едва зримыхъ сѣмянъ жизни, лишенныхъ солнца тьмою ночи и глубинами водъ, все же свѣтятъ сами себѣ—тѣми атомами его, которыми рождена въ нихъ жизнь. И надъ всѣмъ этимъ моремъ, видѣвшимъ на берегахъ своихъ всѣ служенія Богу, всегда имѣвшія въ основѣ своей служеніе солнцу, стоитъ какъ бы голубой дымъ: дымъ кажденія Ему...

Въ полночь я, счастливый и спокойный, уснулъ въ темной каютѣ, противъ открытаго иллюминатора, за которымъ шумно переливались и разсыпались голубымъ серебромъ волны,—и вдругъ почувствовалъ невыразимую тоску: откуда-то доносились вопли — страшные, тоскливые, животные! Я вскочилъ — и въ ту же минуту услышалъ низкій и безконечно скорбный ревъ трубы, потрясшей всю каюту. Вздохи машины падали; волны за смутно бѣлѣвшимъ жерломъ иллюминатора чуть плескались.

— Туманъ!

Я быстро и какъ попало одѣлся и въ темнотѣ нащупалъ ручку двери. Въ коридорѣ было свѣтло. Какая-то высокая дѣвушка, похожая на мулатку, въ желтомъ японскомъ халатѣ, съ черными волосами и черными расширенными глазами, неподвижно стояла у своей каюты. Я быстро прошелъ мимо и изъ темной каюты-компани выбѣжалъ на палубу... Но туманъ уже рѣдѣлъ. Надъ бакомъ стоялъ блѣдный полумѣсяцъ, и свѣжая муть, озаренная имъ, быстро бѣжала по небу, по снастямъ и спардѣку. Нѣжно, солено пахло моремъ. Я прошелъ на корму, подошелъ къ рѣшеткѣ борта—и моя огромная тѣнь, широко охваченная радужнымъ ореоломъ, встала на бѣлесою мглѣ предо мной. И какъ разъ въ это же время задрожала корма, заворочались, взрывающая шумные клубы кипени, лопасти винта. Обернувшись, я увидѣлъ, что блѣдный профиль луны сталъ уже ясенъ. Очищалось и небо. Ярко засверкали позднія звѣзды, машина стала дышать ровнѣй и глубже...

Вотъ и Хаосъ Гезіода, то первобытное и безликое, изъ чего возникъ міръ! Сколько боговъ рождалось на берегахъ этого моря и сколько ихъ поглотилъ этотъ Хаосъ, подобно титану Кроносу, поглощавшему всѣхъ чадъ своихъ отъ Реи! Первый богъ, почувствованный человѣкомъ, былъ столь страшенъ, что человѣкъ даже въ молитвѣ не дерзалъ произносить его именъ,—какъ это было въ Халдеѣ, въ Египтѣ, у племенъ семитическихъ и даже у греческихъ—въ дикихъ горахъ и лѣсахъ Аркадіи, гдѣ долго поклонялись только Волчьему Зевсу, требовавшему жертвъ человѣческихъ... Человѣческихъ жертвъ требовало и Солнце, воплощавшееся въ капищахъ по берегамъ этого моря то въ Бѣла, то въ Молоха, то въ Илу-Самаса, то въ Іегову—„огнь поѣдающій“... А Время все поглощало и поглощало его образы. Поглотило оно и Озириса и Зевса... Поглотило и Гора и Аполлона, „дѣтей Солнца“... Затмеваетъ своимъ дыханьемъ и ликъ Іисуса... Но Солнце все же существуетъ!

IV.

На Критъ мы не заходили.

Проснувшись на разсвѣтѣ, я увидѣлъ волнистый силуэтъ высокаго мыса, голубѣвшаго въ утреннемъ парѣ. Родина Зевса Олимпійскаго! Пусть Кронось поглотилъ-таки его—легенда его дѣтства такъ трогательна! Рея укрылась отъ Кроноса въ гротѣ, озаряемомъ золотымъ отблескомъ отъ хрустально-кобальтовой влаги; пчелы кормили его янтарнымъ медомъ, коза давала ему свои лиловые сосцы. А когда ребенокъ плакалъ, воины били копьями въ мѣдные щиты—и ребенокъ смолкалъ, тараша на нихъ свѣтлые глазки, и Кронось ничего не слышалъ за веселымъ трезвономъ!

Къ часу Критъ остался уже далеко за нами—пепельной чертой, таявшей на горизонтѣ.

Первый классъ былъ пустъ. Бѣлая каютъ-компанія вся была озарена солнцемъ. Матово блестяль мраморъ стѣнъ, жарко горѣлъ рытый пунцовый бархатъ дивановъ. Въ раскрытый люкъ потолка видно было небо. Мулатка въ японскомъ халатѣ канареечнаго цвѣта сидѣла за піанино и одной рукой играла кэкъ-уокъ. Въ другой она держала большой японскій вѣеръ и, помахивая имъ, качала головой, отягченной черными безъ блеска волосами, на которые былъ накинута свѣтло-оранжевый газъ. И отъ кэкъ-уока было смѣшно и немножко грустно, отъ канареечнаго халата—весело.

Послѣ завтрака, она лежала подъ навѣсомъ спардэка, вытянувъ гибкое тѣло въ камышевомъ лонгъ-шезѣ. Мелкія родинки были разсѣяны по ея нѣжному, желтому, немного скуластому лицу. Большіе, широко раскрытые и очень блестящіе глаза кофейнаго цвѣта внимательно и бессмысленно слѣдили за мной. Вдругъ они заискрились—и я услышалъ какую-то путаную французскую фразу, сказанную очень вульгарнымъ голосомъ. Я подошелъ съ вопросительно поднятыми бровями. Она, не вставая, вытянула изъ моего кармана портсигаръ, взяла папиросу и кивнула, требуя огня. Я зажегъ турецкій сѣрникъ. Она закурила, посмотрѣла на меня и, очевидно, признавъ во мнѣ человѣка совершенно неинтереснаго, съ наивной грубостью махнула рукой. И потомъ ужъ не замѣчала меня.

На припекѣ возлѣ бугшприта крѣпко спали молодые крестьяне въ фескахъ, въ короткихъ верблюжьихъ курткахъ и вер-

блюжьихъ анатолийскихъ штанахъ. Загорѣлый русскій матросъ, сидя возлѣ нихъ и шурясь отъ солнца, красилъ черной, быстро сохнущей краской сундучокъ, поставленный между широко раскинутыми босыми ногами.

— Дальній?—спросилъ я, насмотрѣвшись на его работу.

— Отсюда не видать,—отвѣтилъ онъ, не поднимая головы.

Потомъ съ нижней палубы вылѣзъ на бакъ какой-то бритый старикъ въ широкополой соломенной шляпѣ, въ очень широкихъ шароварахъ. Помолчавъ и поглядѣвъ на югъ, онъ обернулся ко мнѣ.

— Мер!—сказалъ онъ и, ласково улыбаясь, кивнулъ на огромное пространство неба и моря.

— Мер, мер,—отвѣтилъ я.

Старикъ тихонько потрепалъ меня по плечу и сѣлъ на горячія якорныя цѣпи.

— Саго?—прибавилъ онъ тѣмъ снисходительнымъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми.

— Саго,—подтвердилъ я.

И мы опять улыбнулись другъ другу, стараясь выразить какое-то милое чувство.

Нѣжно-сиреневый просторъ моря, искрясь на солнцѣ, плавно бѣжалъ навстрѣчу, съ шелковистымъ шорохомъ неслись мимо и, блестя, переливались валы густого лиловаго масла... Я взглянулъ на острую грудь бака, рѣзавшую живой сапфиръ среди снѣжной кипени,—и миѣ о рожденіи Афродиты показался мнѣ самымъ жизненнымъ и самымъ радостнымъ изъ всѣхъ миѣовъ!

Я ушелъ въ тѣнь, подъ жаркій навѣсъ спардэка—на потолокъ его переливался глянецъ отъ воды и солнца—и легъ въ камышевое кресло. Афродиту смѣнила гордость, что завтра я увижу Африку, Египетъ...

— Тамъ Богъ въ своемъ лучезарномъ теченіи покрываетъ кожу людей мрачнымъ блескомъ сажи и, изсушая, курчавитъ ихъ волосы...

Ахъ, какъ хорошо это сказано!—подумалъ я, закрывая глаза.—Если бы я былъ арабскимъ поэтомъ, я прибавилъ бы:

— Тамъ земля—золото, воздухъ—опрокинутое пламя, синее сверху. Въ золотѣ и пламени пустыни тамъ растетъ пальма...

Вѣтеръ чуть касался лица и рѣсницъ—и вотъ я увидѣлъ на пескѣ, въ сквозной тѣни твердаго, тонкоствольнаго и чешуйчатого дерева голубого ослика, сѣдого курчаваго старика въ кунбазѣ—легкой, до колѣнъ рубахѣ—съ раскрытой и бурой отъ за-

гара грудью, молодую женщину въ кубовомъ хитонѣ, съ прелестными, скорбно опущенными глазами, черноглазаго Ребенка на ея колѣняхъ... Какъ томно и жарко подь пальмой! Какъ запылись уста отъ жажды! „О, если бы я уже давно умерла и всѣ меня позабыли!—шепчуть они грустныя слова, записанныя въ святомъ Коранѣ и сохраненныя въ благочестивыхъ арабскихъ преданіяхъ.—Вотъ я сожжена пустыней и солнцемъ, а Дитя мое и мужъ мой страждутъ еще болѣе“... И вдругъ съ неба звучитъ ясный голосъ: „Не печалься. Господь посылаетъ къ ногамъ твоимъ воду и оплодотворяетъ для тебя дерево“... И между длинными вайями внезапно появляется чешуйчатая почка. Она лопается, и изъ нея выходитъ золотая цвѣточная кисть финика... Растутъ плоды, окрашиваются въ пурпуръ, наливаются сокомъ и сладостью... Журчитъ холодный ключъ изъ-подъ камня... И я вижу, какъ изумленно поднялись черныя рѣсницы Женщины, какъ засіяли глазки Ребенка и преобразилось лицо старика... какъ осликъ, все время сгонявшій ударами задней ноги слѣпней съ брюха, повернулъ къ ключу голову, насторожилъ длинное ухо—и вдругъ восторженно, захлебываясь, зарыдалъ оглушительнымъ скрипомъ...

Я заснулъ тѣмъ неожиданнымъ сномъ, какимъ засыпалъ только въ ранней молодости, въ саду, на скользкой сухой травѣ подь жаркой и прозрачной тѣнью яблони. А когда открылъ глаза, солнце ужъ глядѣло подь навѣсъ, и сине-лиловая вода за рѣшеткой борта стала еще ярче. И лакей въ бѣломъ пиджакѣ, проходя мимо, настойчиво звонилъ къ чаю...

Греки сидѣли послѣ чая на ютѣ и долго пѣли какія-то жалостно-счастливыя пѣсни. Солнце склонялось, необозримый кругъ воды становился все нѣжнѣе и задумчивѣе. Мулатка, сонно и тоскливо полузакрывъ рѣсницы, подпѣвала низкимъ груднымъ голосомъ. Младшій механикъ сидѣлъ напротивъ, и она, слабо улыбаясь, изрѣдка поводила на него глазами.

— Мутно будетъ на закатѣ,—сказалъ мнѣ механикъ разсѣянно.

Я не дообѣдалъ, не повѣривъ ему, но солнце, и правда, потонуло въ блѣдно-сизой мути. Въ небѣ было еще свѣтло, но море быстро темнѣло. Волны, мелькавшія за бортомъ, становились кубовыми. Вспыхнуло электричество—и сразу отдѣлило пароходъ отъ ночи.

Внутри, въ каютъ-компаніяхъ и рубкахъ, было ярко и уютно,

за бортами была тьма, теплый вѣтеръ и шорохъ волнъ, бѣжавшихъ качающимися холмами. Маслянисто-золотыя полосы падали на нихъ изъ иллюминаторовъ и извивались, какъ змѣи. Теплый вѣтеръ усиливался,—и вдругъ одна изъ полосъ провалилась въ черную пропасть, а вся глыба парохода зыбко приподнялась съ носа и еще болѣе зыбко и плавно опустилась среди закипѣвшей почти до бортовъ голубовато-дымной воды. Мулатка, показавшаяся въ это время въ свѣтломъ пространствѣ входа въ рубку, ухватилась-было за притолку, но въ ту же минуту оторвалась и со смѣхомъ, съ протянутыми руками побѣжала по наклонной палубѣ. А немного погодя, изъ той же двери вышелъ младшій механикъ, оглянулся и, увидѣвъ меня, неестественно запѣлъ что-то и твердыми шагами пошелъ по опускающейся и поднимающейся палубѣ слѣдомъ за ней...

Около полуночи надъ темно-лиловой равниной моря взошелъ оранжевый печальный полумѣсяцъ. Сѣя на горизонтѣ шафранный свѣтъ, онъ наклонно висѣлъ надъ бѣгущей на насъ и качающейся зыбью, и отъ него несло теплымъ, теплымъ вѣтромъ...

Дуло изъ Аравіи.

V.

Это сказочное слово волновало меня ночью, а утромъ открылся берегъ Африки.

Сильно припекало, и на южномъ горизонтѣ залегала полоса тумана. Небо было знойно и бѣлесо, море тускло блестя оловомъ. Вода подъ кормой бурлила жидкая, зелено-голубая.

Командиръ, весь въ бѣломъ, стоялъ на мостикѣ, не отводя отъ глазъ бинокля. Медленнѣй вздыхала машина: шли уже среднимъ ходомъ, ждали араба-лоцмана, ибо взморье передъ Александріей густо усѣяно подводными камнями. Промелькнула первая чайка... Прошелъ слѣва, въ Портъ-Саидъ, огромный, тупоносый и весь черный пароходъ... И я увидѣлъ на немъ бѣлыя буквы: Menzaleh.

Александрія, Дельта, Нилъ! Я хорошо зналъ, что почти ни единаго слѣда великолѣпнѣйшаго въ древнемъ мірѣ города не осталось теперь на песчаной косѣ, между моремъ и огромной лагуной Марейотисъ. Но вѣдь именно на этой косѣ впервые осуществилось и измѣнило лицо земли то „великое смѣшеніе народовъ“, о которомъ грезилъ человѣкъ, равный Колумбу. Изъ мути

на горизонтѣ медленно выдѣлялась башня, преемница того знаменитаго маяка, что былъ когда-то „символомъ свѣта александрійской мудрости“ и однимъ изъ чудесъ міра, ибо вель къ городу полубога, дошедшаго отъ столповъ Геркулеса до индійскихъ деревьевъ, „вершинъ которыхъ не достигаютъ стрѣлы“, былъ посвященъ „богамъ, спасающимъ плавающихъ“, блисталь зеркаломъ—„Талисманомъ Александріи“,—отражавшимъ „землю, небо и всѣ паруса Средиземнаго моря“, и такъ возвышался, что „камень брошенный съ него на закатѣ, падалъ въ воду только въ полночь“... Потомъ слабо обозначилась бѣлая полоска города, палочки—мачты порта, колонна Помпея и крестики—крылья вѣтряныхъ мельницъ. Вправо отъ нихъ тянулась блѣдно-желтая линія пустыни, теряющаяся на западѣ,—линія безграничной плоскости, сосѣдней съ Дельтой. Это былъ еще миражъ земли, уходившій въ стекловидную даль. Но тамъ, въ стекловидной дали, висѣли призраки тѣхъ единственныхъ по своимъ очертаніямъ деревьевъ, видъ которыхъ, какъ воспоминаніе о чемъ-то дорогомъ и близкомъ съ дѣтства, волнуетъ каждое человѣческое сердце: финиковыя пальмы!

Сзади сладко и торопливо говорили по-гречески,—вѣрно, о хлопкѣ, о рисѣ... Вѣдь сюда и донинѣ текутъ торговые пути Европы и Ази, Нубіи и Аравіи, Индостана и Австраліи. А когда-то стеклись чуть не всѣ древнія религіи и цивилизации, которыя уже свершили свои пути и, воздвигнувъ имъ памятники, искали спасенія въ космополитизмѣ, готовые возвратиться къ первобытному братству и къ первобытному Безымянному Богу. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія Александріи стала величайшимъ портомъ, черезъ сто—городомъ, блистающимъ мраморными театрами, храмами, портиками, библіотеками, Серапеумомъ—„храмомъ погребеннаго Солнца“,—и вотъ въ немъ сошлись жрецы, философы, грамматикки, софисты, поэты и ученые всѣхъ странъ, дабы Солнце возродилось...

„Ты—путь, соединяющій небо съ землею“,—сказали Нилу гимны. Не таковы-ли и всѣ пути въ чужія земли? Они рождаютъ неутолимую жажду духа и теряются, какъ море, въ небѣ. Александръ, котораго увлекла къ предѣламъ земли не только слава, но и молодость, проведенная близъ Аристотеля, увлекъ за собою въ море исканій и все древнее человѣчество. Недаромъ персидскія легенды говорятъ, что Искандеръ мечталъ найти „воду жизни“. И походы его изумили, раздвинули грани земли до сказочнаго, по-

родили тысячи сказаній, покрыли тысячи свитковъ разказами о невѣдомыхъ прежде богахъ и странахъ... Заложивъ городъ и гавань въ Дельтѣ, въ Месопотаміи Египта, онъ какъ-бы снова созвалъ челоуѣчество на равнину Сенаарскую—къ построению новой Вавилонской башни. Пусть снова смѣшаются языки! Даже одна попытка достигнуть неба перерождаетъ міръ!

Такъ была пустынна песчаная отмель Мареотиса, что не сыскали куска мѣла, чтобы начертать планъ города: пришлось чертить мукой. Но Геростратъ недаромъ сжегъ послѣднее изъ величайшихъ капищъ въ ночь рожденія Александра. Челоуѣкъ, стершій грани почти всѣхъ царствъ земли, совершившій жертвы во всѣхъ ея капищахъ, но поклонявшійся, можетъ быть, только Невѣдомому Богу Сократа и Платона, родился для того, чтобъ, соединивъ царства востока и запада, построить первый международный городъ и заложить первыя основанія какого-то новаго храма, взамѣнъ опустѣвшихъ храмовъ Греціи, Іудеи и Египта. И на его городъ выпала непримѣрная въ исторіи роль—стать центромъ всѣхъ религій и всѣхъ знаній древности, стать предшественникомъ Назарета... а потомъ и „великимъ полемъ битвы за имя Христово“,—полемъ печальнымъ, впрочемъ... Развѣ есть мѣсто, котораго не могли бы осквернить жрецы и схоласты?

Мы идемъ медленно, но быстро растеть и приближается песчаный берегъ съ пальмами, безчисленныя мачты гаваней, каменные ленты волнорѣзовъ и сіяющій бѣлизной маякъ на полуостровѣ, гдѣ когда-то, вдали отъ городского шума, трудились, „омывая руки въ морѣ“, старцы-толковники. Но и Александра и толковниковъ вытѣсняетъ радостное сознаніе: это Африка! И зной африканскаго утра все увеличивается по мѣрѣ того, какъ мы все тише и глубже входимъ въ тѣсноту внутреннихъ гаваней Стараго Порта, переполненнаго судами, красными кругами бакановъ, разноцвѣтными лодками съ разноцвѣтными флагами отелей и загорѣлымъ людомъ въ фескахъ, обмотанныхъ платками, въ фуфайкахъ или длинныхъ синихъ рубахахъ. Все это тянется среди пароходовъ за нами, а справа надвигается сѣро-песчаный берегъ, на обрывахъ котораго, среди однообразныхъ желтоватыхъ кубиковъ уносятся въ небо шероховатые стволы въ перистыхъ султанкахъ. Долгій морской путь конченъ—и, взглянувъ назадъ, на бѣлый волнорѣзъ, я не вижу больше моря: вижу только небо, мачты, да синюю ленту надъ волнорѣзомъ. А здѣсь вода зеленая,

здѣсь пестрота людей и лодокъ, палевые кубы и пальмы—и все залито сухимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ... Африка!

На набережной—чалмы, шляпы, обычные портовые зданія. Набережная медленно близится, спардѣкъ заваленъ чемоданами, сундуками... Вереницей бѣгутъ по горячей палубѣ матросы, таща на корму тяжелый канатъ. Отступая, оборачиваюсь и вижу мулатку. Она въ бѣлыхъ ботинкахъ, въ легкомъ ярко-розовомъ платьѣ съ прошивками на груди, въ большой розовой шляпкѣ и подъ розовымъ зонтомъ съ кружевами. На пальцахъ—перстни, въ ушахъ—большія золотыя кольца. Глаза изумленно блестятъ, на пухлыя губы и большія ноздри падаетъ отъ зонтика теплый розовый отблескъ. Она жадно высматриваетъ кого-то въ толпѣ на набережной, куда вдругъ змѣей летитъ „конецъ“ съ нашей кормы...

1907 г.

Улица въ Александріи.

ЗОДИАКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ.

I.

Выѣхавъ за таможеню, я невольно склонилъ голову: солнце стояло какъ разъ надъ головою. Обгоняя насъ и поднимая горячую пыль, прокатила коляска съ нарядными левантинцами, но зато сейчасъ же напомнила пустыню медленная вереница соловыхъ дромадеровъ, навьюченныхъ сахарнымъ тростникомъ и предводительствуемыхъ босоногимъ погонщикомъ въ красной ермолкѣ. Потомъ проѣхали англійскіе солдаты въ тропической формѣ, верхомъ на великолѣпныхъ гнѣдыхъ лошадахъ, лоснившихся на солнцѣ, и, прижимаясь отъ нихъ къ глиняной оградѣ, мелко перебирая по пыли маленькими ножками, прошла молоденькая феллашка въ голубой полинявшей рубахѣ, круглоликая, съ полными губками и слегка расширенными ноздрями. Она подняла рѣсницы надъ красивыми томными глазами—и застѣнчиво опустила ихъ. Но на ея пепельно-смугломъ лицѣ, татуированномъ синеватыми полосками по бокамъ подбородка и звѣздочками на вискахъ, покрывала не было. Не было и библейскаго кувшина на ея головѣ, прикрытой легкимъ платкомъ изъ черно-синей шерсти: на головѣ она несла то, что теперь такъ ходко смѣняетъ на Востокѣ библейскій кувшинъ,—

большую жестянку изъ-подъ керосина. А за феллашкой показался осликъ-иноходець, быстро и тупо сѣменившій копытцами, подъ краснымъ бархатнымъ сѣдломъ, на которомъ, почти задѣвая землю ботинками, сидѣлъ большой арабъ въ пиджакъ сверхъ длиннаго халата-подрясника, въ плоской фескѣ, обмотанной золотисто-пестрымъ платкомъ... И пошли шумные людные коридоры, въ которыхъ все смѣшалось: и ослы, и англійскіе полицейскіе, и коляски, и верблюды, и маленькіе греки въ соломенныхъ шляпахъ, и рослые негры, одѣтые изысканно модно, и пѣгіе бедуинскіе плащи, и несмѣтныя голубыя рубахи, и восточныя лавочки съ зеленью, бараниной и рисомъ, и зеркальныя витрины банкировъ...

Отъ Площади Консуловъ до моря два шага. Одинъ конецъ бѣлаго переулка, въ которомъ я остановился, выходилъ къ конной статуѣ Али, второй—на огромный полукругъ другой, еще пустой площади на берегу Новой гавани. Въ отелѣ отвели мнѣ довольно просторную комнату съ каменнымъ поломъ, покрытымъ тонкими коврами. Въ ней стояли двѣ широкія постели подъ кисейными балдахинами, было полутемно и прохладно. Двери на балконъ—стеклянная и жалюзи—были заперты. Но балконъ выходилъ не въ переулокъ, а въ пересѣкавшую его торговую улицу—и подъ балкономъ стоялъ оглушительный гамъ Востока, говоръ и стукъ копытъ, гулъ и рожки трамвая, вопли продавцовъ воды, рыбы и зелени... А когда я отворилъ двери, въ комнату, вмѣстѣ со всѣми этими звуками, такъ и хлынулъ свѣтъ и жаръ африканскаго полдня.

Въ томъ концѣ переулка, что выходитъ къ морю, въ маленькомъ ресторанѣ я ѣлъ какую-то розовую морскую рыбу, щедро облитую лимоннымъ сокомъ, и пилъ какое-то густое вино. Потомъ я побрелъ къ морю, и долго не могъ наглядѣться на мелкую зыбь сиреневаго простора, на раковины облачковъ, таявшихъ надъ нимъ въ бездонномъ шелковистомъ небѣ, на кубики палевыхъ домовъ, терявшихся вдоль широкаго изгиба песчаного побережья... И вихры отдаленныхъ пальмъ, опять сладко напомнили мнѣ, что это—берегъ Африки!

Солнце стояло какъ разъ надъ головой, и въ переулкѣ не было ни тѣни, когда я шелъ послѣ того на площадь Консуловъ. По торговой улицѣ, пересѣкавшей его, по-прежнему гудѣлъ трамвай, кричали водоносы, бѣжали ослы подъ босыми загорѣлыми всадниками въ голубыхъ рубахахъ и бѣлыхъ чалмахъ, изъ какой-то

лавки страстно-жалобнымъ гнусавымъ фальцетомъ оралъ арабскую оперную [арію] граммофонъ. На площади вокругъ сквера, въ жаркой легкой тѣни подсыхающихъ деревьевъ, стояли коляски, дремали лошади. Смуглые, въ бѣломъ, извозчики, вмѣстѣ съ прочей арабской толпой, занимавшей несмѣтныя столики сквера пили воды, курили, болтали и читали уличныя газетки. А невдалекѣ отъ меня сидѣли два негра, изъ Судана. Ихъ черныя скуластыя лица и черныя палки ногъ въ огромныхъ пыльных туфляхъ казались еще чернѣе и страшнѣе отъ бѣлыхъ кидарь; сверхъ рубашекъ на нихъ были короткіе халаты цвѣта полосатыхъ гіенъ. Съ раздувающимися ноздрями раздавленныхъ носовъ, съ блестящими глазами, съ нагло вывороченными губами, негры радостно и удивленно осматривали проходящихъ женщинъ. А у женщинъ, закутанныхъ въ черный шелкъ, только и видно было, что глаза, странно раздѣленные металлическимъ цилиндромъ, соединяющимъ чадры съ покрывалами...

Часамъ къ четыремъ городъ снова ожилъ. Поливали мостовыя, и косою блескъ съ запада ярко золотилъ и площадь, снова наполнившуюся народомъ, и всю улицу Шерифъ-Паша, по которой я поѣхалъ къ каналу и которая казалась бы совсѣмъ европейской, если бы не ослики, не этотъ босоногіи черноликіи людъ, шарабаны съ дѣтьми и женщинами, очень изящными и нарядными, но ужъ черезчуръ смуглыми.

Путь былъ не близкій, и огромный городъ такъ постепенно мѣнялся, что я и не замѣтилъ, какъ очутился въ арабскихъ кварталахъ, среди садовъ, надъ которыми пышно высились пальмы, среди домовъ, нависавшихъ надъ пыльной улицей рѣзными, рѣшетчатыми выступами вторыхъ этажей. Когда же мы выѣхали на широкую и чистую набережную канала, соединяющаго море съ Ниломъ, городъ снова поразилъ меня своимъ экзотически-европейскимъ характеромъ. Виллы и сады тянулись вдоль всего праваго берега, по которому вихремъ проносились экипажи, а на каналѣ, на заркальной водѣ, мирно дремали въ низкомъ блескѣ еще жаркаго солнца грубые косые паруса барокъ и по-африкански желтѣли среди пальмовыхъ и тамариндовыхъ рощъ глиняныя хижины на лѣвомъ берегу.

По-африкански бѣдно было и въ кварталахъ, прилегающихъ къ Старому норту, къ тому голому холмистому пространству, гдѣ когда-то были дворцы и храмы Птолемеевъ и гдѣ теперь, на мѣстѣ Серапеума, стоитъ такъ называемая колонна Помпея.

По-африкански горѣли противъ опускавшагося солнца стекла въ желтыхъ домахъ разноплеменной александрійской бѣдноты. Женщины въ туфляхъ и халатикахъ, похожія на евреекъ нашихъ южныхъ городовъ, съ раскрытыми тощими грудями, почернѣвшими отъ зноя, лѣниво сидѣли у пороговъ и держали на колѣняхъ полуголыхъ дѣтишекъ, лица которыхъ сплошь облѣпляли мухи. Тутъ же шатались шелудивыя бездомныя собаки. Ни кустика не было среди глиняныхъ рогатыхъ памятниковъ арабскаго кладбища, уже давно смѣшавшаго свои кости съ несмѣтными костями древнихъ кладбищъ и съ мусоромъ тысячелѣтнихъ останковъ стократно погибавшей и вновь возрождавшейся Александріи. И надо всѣми этими братскими могилами высилась колонна. Но оказалась она гораздо менѣе заманчива, чѣмъ ея названіе въ гидахъ: „Монолитъ розоваго асуанскаго мрамора“. Меланхолично-прекрасенъ только видъ отъ колонны: на западѣ—вечернее солнце, опускающееся къ золотой полосѣ Средиземнаго моря, на востокѣ—рощи пальмъ, синяя пустынная равнина Мареотиса и пески, пески...

II.

На пути въ Каиръ сперва мелькали стѣны Александріи. Потомъ вагоны озарились золотистыми песчаными выемками, бѣлыми вилами и яркой синью утренняго неба.

Скоро ихъ смѣнилъ Мареотисъ: водная сіяющая гладь острова камышей, необозримая зеркальность, на отмеляхъ которой розовыми лиліями блистали тысячи длинноногихъ фламинго, ибисовъ и цапель. А за лагунами и поймами начали развертываться топи и равнины, воздѣланныя, какъ огороды, изрѣзанныя каналами и плотинами, и стекловидныя дали съ чуть видными оазами селеній...

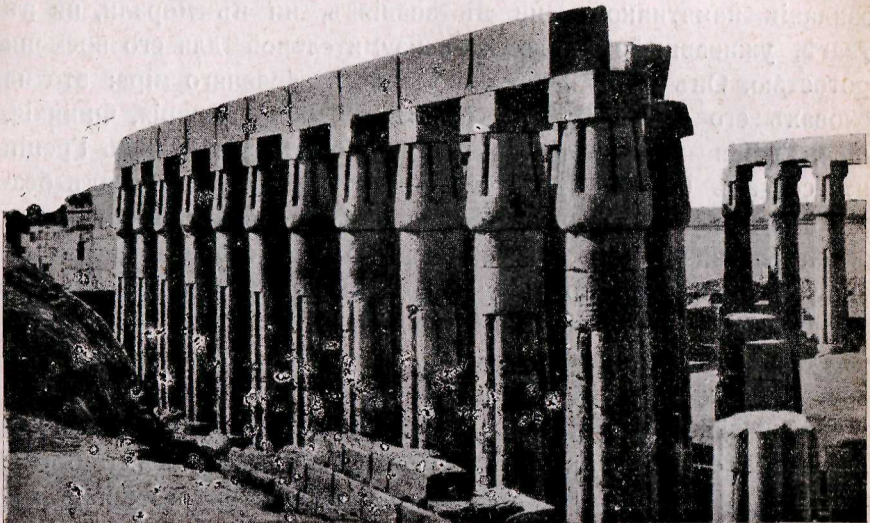
Экспрессъ уносилъ меня къ югу, и, благодаря той „неизмѣнности“ Египта, что поразила еще Платона, всю дорогу чувствовалъ я, что нигдѣ такъ быстро не падаешь въ глубь времени, какъ здѣсь. Развѣ не древенъ этотъ смуглый людъ, орошающій поля, ѣдущій по плотинамъ на осликахъ, отдыхающій вмѣстѣ съ волами подъ жидкою тѣнью смоковницъ? Развѣ не по этому пути прошелъ древній Египетъ, чтобы дойти до пустыни, до жрецовъ и фараоновъ, до послѣднихъ предѣловъ нищеты и рабства, въ коихъ онъ пребываетъ и донинѣ? Здѣсь, въ Дельтѣ,

созданной священнымъ созвѣздіемъ Треугольника и священной рѣкою, ея мирные обитатели именовали себя „служителями сына Солнца, Гора“. Въ Мемфисѣ и Эвивахъ они стали служителями фараоновъ. Солнце измѣнило свой ликъ и все чаще стало мѣнять свои имена: Пта, Ра, Озирисъ, Горъ, Аммонъ. Родились легенды о его смерти и воскресеніи. Ра удалился отъ людей, забывшихъ его ради жрецовъ и фараоновъ, на небо. Озирисъ, его ипостась, былъ растерзанъ своимъ братомъ—Сетомъ, богомъ зла и пустыни. Гору, сыну Озириса, пришлось встать, въ образѣ сфинкса, на безконечную борьбу съ Сетомъ. Но побѣдителемъ остался все же Сеть... И при мысли, что поѣздъ все дальше уносится въ его царство, къ илистому Нилу, сжатому горячими пустынями, становилось почти жутко.

Вагонъ былъ переполненъ женщинами, до глазъ закутанными въ черное и бѣлое, фесками, шляпами, халатами, табачнымъ дымомъ, пылью и свѣтомъ. Воздухъ, вѣющій въ окна съ нивъ и каналовъ, становился все жарче и суше,—и вотъ начали хлопать поднимаемыя рамы, а за ними—рѣшетчатыя ставни. Воцарился полумракъ, изрѣзанный полосами свѣта и дыма, но духота стала уже дурманить. Я вышелъ на площадку—и ослѣпъ отъ бѣлаго блеска. Обдаеть пламенемъ, точно стоишь возлѣ огромнаго костра, оглушаетъ гуломъ колесъ и удушаетъ желтой пылью... Былъ Даманхуръ,—древній Тимъ, городъ Гора... Былъ Кафръ-Зайять... Теперь вижу сквозь пыль, что подъ колесами съ грохотомъ мелькаетъ сквозная мостъ и горячимъ стекломъ блещетъ внизу рѣка въ илистыхъ берегахъ. Это Ниль. Мимо поѣзда начинаютъ мелькать бѣлыя яркія стѣны и высокія пальмы: Танта, городъ, славный своей ярмаркой. Но и въ Танта, какъ всюду, остановка—мгновенье. Съ разлета сталь поѣздъ, и хлынувшая изъ вагоновъ толпа мгновенно смѣшалась съ цвѣтистой толпой на раскаленной платформѣ. И едва успѣлъ я схватить въ буфетѣ апельсинъ и пачку папиросъ, какъ дверцы вагоновъ уже захлопали. И опять—равнины зрѣющаго хлѣба, каналы и черныя деревушки феллаховъ—полузвѣриныя хижины изъ ила, крытыя дурровой соломой... И опять противъ меня—коптъ и феллахъ. Коптъ—толстый, въ черномъ халатѣ, въ черной и туго завернутой чалмѣ, съ темно-оливковымъ круглымъ лицомъ, карими глазами и раздувающимися ноздрями. На колѣняхъ у него зонть. Феллахъ—въ бѣлой чалмѣ и грубомъ балахонѣ, разстегнутомъ на груди. Это совершенный быкъ по своему нечеловѣческому

сложенію и спокойствію, съ бронзовой шеей изумительной мощи. Но еще изумительнѣй то, что ему, кажется, совсѣмъ не жарко!

Солнце безжалостно на пути къ Мемфису. Пламенный богъ родить лишь пески, если рядомъ съ нимъ не царить его „вторая жизнь“—богъ-море. Море создало Грецію. Ниль, уведшій за собой обитателей Дельты въ пустыни, создалъ свѣтозарный и строгій Египетъ. Горь не только звѣрь. Онъ то человѣкъ съ головою ястреба, то левъ съ головой человѣка. Но онъ древнѣе пирамидъ. Онъ зачатъ, можетъ быть, еще въ Дельтѣ. Онъ былъ символомъ человѣческой мудрости и львиной мощи. Утвердившись же въ Мемфисѣ, стиснутый пустыней, Египетъ замкнулся отъ міра. Возвеличенный и изнуренный войнами, нищетою и рабствомъ, онъ сталъ созидать культъ смерти...

Колоннада храма въ Луксорѣ.

Ахъ, какъ строгъ и красивъ былъ этотъ культъ! Таинственными драгоценными бальзамами и травами охранялось священное человѣческое тѣло отъ тлѣнья. Эмблемы Пта-Ра, бога-производителя,—золотые скарабеи съ лазурными крыльями и золотые крестики, символъ воскресенія,—вѣшали на тѣло мумій. Книга Мертвыхъ—дивные гимны къ Озирису-Радости, Солнцу, Добру и Судьбѣ за гробомъ—полагалась на груди ихъ. Золотымъ лакомъ покрывали сикоморовые гробы-футляры и съ изумительнымъ

искусствомъ писали на футлярахъ киноварью дискъ крылатаго солнца. И все это скрывалось въ тяжкихъ саркофагахъ изъ гранита или базальта, заключенныхъ въ нѣдра пирамидъ... Но душа величайшей изъ всѣхъ древнихъ религій, вѣра, породившая столь мудрый и красивый ритуаль,—гдѣ была она въ Египтѣ, ограблявшемъ съ голоду даже гробницы и храмы? Она лишь слабо тлѣла въ памяти этого „бронзоваго, худого и молчаливаго народа“. Жизнь его текла во тьмѣ и рабствѣ, стала подобна „палкѣ, изъѣденной червями“... А былъ-ли на землѣ народъ болѣе славный? Въ темныя и жестокия времена варварства онъ первый возсталъ среди народовъ въ безпримѣрной цѣльности и законченности своего облика—и на первобытной землѣ, каждая пядь которой оплачивалась кровью, сумѣлъ сохранить этотъ обликъ пять тысячелѣтій. Онъ не зналъ себѣ равныхъ ни въ трудѣ, ни въ созиданіи памятниковъ, ни въ знаніяхъ, ни въ морали, ни въ отвагѣ, уживавшейся рядомъ съ изумительной для его времени кротостью. Онъ былъ наставникомъ всего древняго міра: это на основахъ его культуры, его религіи выросли Ассирія, Финикія, Іудея, Греція—и христіанство. За четыре тысячелѣтія до Греціи онъ создалъ безпримѣрное по силѣ рѣзца ваеніе, создалъ безпримѣрную по тонкости, чистотѣ, яркости и простотѣ живопись; создалъ поэзію гимновъ, безпримѣрную по вдохновенію; создалъ религію—безпримѣрную уже по одному тому, что она одна не потребовала человѣческихъ жертвоприношеній!

Онъ никогда не зналъ судрѣ и паріевъ. Никогда не зналъ рабства женщинъ. Онъ всегда былъ человѣченъ, опрятенъ, мягокъ въ обращеніи, благоговѣнно чтилъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; объ этомъ свидѣтельствуется прежде всего обоготвореніе животныхъ—обоготвореніе земныхъ проявленій божественной творческой силы. Онъ не разъ властвовалъ надъ всѣмъ Востокомъ, но даже и въ эти дни никогда не уподоблялся въ свирѣпости другимъ народамъ, обивавшимъ городскія стѣны кожей плѣнныхъ.

Добро ярче изумруда въ черной рукѣ невольника“, начертала онъ на папирусѣ,—и добро стало краеугольнымъ камнемъ и вѣры его, и всѣхъ житейскихъ установленій.

Вѣра была величественна и грандіозна какъ величественны и грандіозны всѣ труды и все искусство Египта. Первобытная, космическая широта мысли сочеталась въ Египтѣ съ величайшей изощренностью и тонкостью. Вѣра Египта въ основѣ своей, въ первоисточникахъ признала единаго Бога и множество свѣтозар-

ныхъ формъ его. Она была, по чудесному выраженію Шамполиона, пантеистическимъ единобожіемъ. „Я—все, что было, что есть и будетъ. Солнце — рожденіе мое, и никто изъ смертныхъ не подниметь покрывала моего“. Такъ сказала Праматерь вселенной, Ну,—невѣдомая, незримая, вѣчно и всюду чувствуемая, но непознаваемая, всесовершенная, всепроникающая, сама въ себѣ и сама собой зародившаяся, Альфа и Омега космоса. Она сказала: всѣ солнечные боги—чада мои, благіе и свѣтлые посредники межъ вселенной и Ну, побѣдители тьмы и зла, образы заката и восхода, смѣны формъ и безсмертія основъ. Все въ Творцѣ и во всемъ—Творецъ. Свѣтъ его все проникающаго и безсмертнаго духа незакатно свѣтитъ во тьмѣ зла и смерти. Озирись,—одинъ изъ его солнечныхъ ликовъ,—какъ Христось, погибъ въ борьбѣ со зломъ и воскресъ въ образѣ Гора. И, какъ возрождается сѣмя, брошенное въ землю, такъ возрождается и духъ всего сущаго вслѣдъ за видимой смертію. Оставивъ тѣло человѣка, духъ восходитъ на судъ Озириса—и дивными словами Книги Мертвыхъ свидѣтельствуетъ чистоту и добро своего земного существованія. И, очищенный судомъ и покаяніемъ, окропленный „Водою Жизни“, вновь возвращается къ тѣлу, къ болѣе совершенной жизни: потому-то и должна быть священна и сохранна мумія. А свершивъ кругъ смертей и воскресеній, духъ уже навѣки соединяется съ Отцомъ и Судіей въ „Поляхъ Солнца“. Радость бытія, гдѣ смерть лишь ступень къ совершенству, радость сыновней близости къ Отцу и братской близости ко всему живому, участіе въ красотѣ и гармоніи свѣтозарнаго космоса—вотъ что было основой египетскаго пантеизма, столь близкаго къ пантеизму христіанства. Но, придя въ Мемфисъ и воздвигнувъ пирамиды, Египетъ точно схоронилъ подъ ними свою вѣру. Замкнутый, мистически строгій, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ уже вступилъ въ тѣ великія битвы народовъ, что затянулись на тысячелѣтія и, затопивъ землю кровью, породили грозные и страшные глаголы еврейскихъ пророковъ. „И предалъ его Господь въ руки властелина жестокаго. И стали сражаться брать противъ брата и другъ противъ друга, городъ съ городомъ, царство съ царствомъ. И оскудѣли рѣки и каналы египетскіе. И духъ Египта изнемогъ въ немъ... И прибѣгъ онъ къ идоламъ и чародѣямъ и къ вызывающимъ мертвыхъ...“

III.

Каиръ шумень, богатъ, многолюденъ. Вспомнилась Александри́я—и показалась простой, бѣдной, прохладной. Если рѣзокъ контрастъ между нею и песчаными отмелями Марейотиса, то во сколько же разъ рѣзче контрастъ между желто-бурыми песками Ливии и садами Каира! А его восточные кварталы и сравнивать нельзя съ восточными кварталами Александрии: старый Каиръ воспѣтъ самой Дочерью Луны—Шехеразадой.

Къ вечеру улицы политы. Нѣжно и свѣжо пахнеть цвѣтами, тепло и пряно—влажной пылью и нагрѣтыми за день мостовыми. Оживленнѣе гудятъ трамваи, рѣками текутъ шарабаны, коляски, кареты и верховые къ мосту черезъ Ниль, на катанье, гремятъ оркестры въ садахъ... Но вотъ, по люднымъ широкимъ тротуарамъ, никого и ничего не замѣчая, идутъ бедуины—худые, огнеглазые, высокіе, — и на ихъ чугунныхъ лицахъ — алый отблескъ жаркаго заката и зеркальныхъ стеколъ. Ихъ тонкія, сухія, почти черныя ноги голы отъ колѣнъ до большихъ жесткихъ башмаковъ. Лица грозны, головы женственны; на ихъ головы накинута и висятъ по плечамъ кэфіи — большіе платки изъ черно-синей шерсти, а сверхъ платковъ лежитъ двойной обручъ—два черныхъ шерстяныхъ жгута. На тѣлѣ рубаха до колѣнъ, подпоясанная шалью, на рубахъ—теплая безрукавка, а сверхъ всего—абая, шерстяная пѣгая хламида, грубая, тяжелая, съ короткими рукавами, но такая широкоплечая, такая свободная, что рукава, спускаясь, достигаютъ до кистей маленькихъ лиловыхъ рукъ. И царственно-гордо выгнуты тонкія шеи, обмотанныя шелковыми платками, и небрежно опирается лѣвая рука съ серебрянымъ перстнемъ на мизинцѣ на рукоятку огромнаго ятагана или тяжелаго кремневаго пистолета, засунутаго за поясъ...

Еще болѣе восхищенія и удивленія вызываетъ у людей Востока Старый Каиръ, сарацинскій, окружившій европейскій со стороны желтоватаго Мокатамскаго кряжа. О, какой это богатый, людной, шумный, ученый и старый городъ! Ему уже тысяча триста лѣтъ. Онъ основанъ милостью и велѣніемъ Бога. Фостать—его первое имя—значитъ палатка. У подошвы Мокатама былъ Новый Вавилонъ, основанный еще при фараонахъ выходцами изъ Вавилона Халдейскаго,—колонія Рима. Настало время когда надъ міромъ, преображеннымъ и смущеннымъ Христомъ

надъ разложеніемъ язычества и надъ великими поповскими распрями восторжествовала грозная простота и дикая мощь Ислама. Амру, полководецъ Омара, пришелъ къ Нилу и взялъ Вавилонъ; а въ его палаткѣ свила гнѣздо голубка. Уходя, Амру оставилъ палатку, дабы не ломать гнѣзда. И на этомъ мѣстѣ зачался „Побѣдоносный“, Великій Каиръ.

Его узкія, длинныя и кривыя улицы переполнены лавками, цырюльнями, кофейнями, столиками, табуретами, людьми, ослами, собаками и верблюдами. Его сказочники и пѣвцы, повѣствующіе о подвигахъ Али, зятя Пророка, извѣстны всему міру. Его шахматисты и курильщики молчаливы и мудры. Его базары равны шумомъ и богатствомъ базарамъ Стамбула и Дамаска. Главное же то, что въ Каирѣ — полтысячи мечетей и сотни тысячъ могилъ

К а и р ъ.

въ тишинѣ пустынь, окружающихъ его. Мечети и минареты царятъ надо всѣмъ. Мечети плечисты, полосаты, какъ абай, всѣ въ огромныхъ и пестрыхъ куполахъ-тюрбанахъ. Минареты высоки, узорны и тонки, какъ пики. Это ли не сарацинская старина? Стары и погосты его, стары и голы. Тамъ, среди усыпальницъ халифовъ, среди усыпальницъ мамелюковъ и вокругъ полуразрушенной мечети Амру, похожей на громадную палатку, — вѣчное безмолвіе песковъ и несмѣтныхъ рогатыхъ бугорковъ изъ глины, усыпляемое жалобною пѣснью пустынного жаворонка или пестрокрылыхъ чекканокъ...

Но проходитъ по узкимъ и шумнымъ коридорамъ базаровъ

и улиц сожженная нуждою и зноемъ женщина, похожая на цыганку, со спутанными черными волосами, босая, въ одной полинявшей кубовой рубахѣ, и кричитъ среди говора и гама. Все достояніе ея въ козѣ, которую она ведетъ за собою,—въ старой козѣ съ длинной шелковисто-черной шерстью, съ длинными колокольцами-ушами и съ горбатымъ носомъ. И вотъ она кричитъ, предлагая подоить козу и за грошъ напоить „сладкимъ молокомъ“ всякаго желающаго. И вся старина сараинскаго Каира тонетъ въ аравійской древности этого крика...

А когда смотришь на мечети Каира и на его погосты, то думаешь только о томъ, что мечети его сложены изъ порфира мемфисскихъ храмовъ и гранита разрушенныхъ пирамидъ, что дорога мимо погостовъ ведетъ по пустынь къ обелиску Геліополя-Она...

И тогда и отъ европейскаго Каира и отъ Каира мусульманскаго мысль уносится къ древнему царству фараоновъ. И становится жутко и радостно, когда увидишь вдали каменные мощи этого царства—пирамиды Гизэ и Саккара, или вспомнишь бедуиновъ, потомковъ Агари.

IV.

Солнце склонялось къ Ливійской пустынь. Я смотрѣлъ со стѣнъ цитадели Каира, утвержденной на выступѣ скаль Мока-тама, на западъ, на востокъ и на сѣверъ,—на городъ, занявшій необозримую долину подо мной. У воротъ цитадели мнѣ предложилъ свои услуги милый, простой и деликатный человѣкъ въ темномъ балахонѣ и бѣлой чалмѣ, — одинъ изъ проживающихъ при мечети Али. Онъ прежде всего показалъ мнѣ колодецъ Юсифа—халифа Юсуфа. Но что же это за старина? Колодецъ глубокъ, какъ преисподняя,—и только. Камни цитадели старше—она строилась изъ малыхъ пирамидъ Гизэ!

Кромѣ мечети, въ ея двойныхъ стѣнахъ—дворецъ вице-короля, арабская школа, казармы англійскаго гарнизона. Я вошелъ только во дворъ мечети и на минуту—въ самую мечеть. Дворъ великъ, чистъ, весь выложенъ мраморомъ, окруженъ высокими стѣнами и крытыми колоннадами. Надъ фонтаномъ посреди двора—бездонное небо и, какъ стрѣлы, летаютъ касатки. Мечеть, подражаніе Софіи, легка, нарядна, колоссальна, устлана дорогими коврами, таинственно полуосвѣщена цвѣтными стеклами, украшена низко-висящими надъ поломъ кругами люстръ.

Тонкіе минареты по угламъ мечети головокругительно высоки... Но все это такъ ново!

Тогда арабъ повелъ меня къ западной стѣнѣ и указаль куда-то въ пыль надъ долиною Нила.

Но я глядѣлъ дальше, за Ниль, въ сторону затянутыхъ иломъ и заросшихъ пальмами развалинъ Мемфиса. Тамъ лежитъ теперь страшная своей величиной и древностью сіенитовая статуя Рамзеса II съ отбитыми ногами, а въ сухо-туманной пустынѣ рисуются фіолетовые конусы самыхъ старыхъ пирамидъ,— пирамидъ Дашура и Саккара,—и среди нихъ—ступеньчатая пирамида Аписовъ: Ко-Комехъ—„пирамида черного быка“. Внутри она уже разрушается, а снаружи полузасыпана песками.

Она даже не изъ камня, а изъ кирпичей нильскаго ила. И все-таки чуть не на тысячу лѣтъ древнѣе великой пирамиды Хуфу! А близъ нея—Серапеумъ, безконечныя чернотѣнныя катакомбы, высѣченныя въ скалахъ. И, взглянувъ въ сторону Серапеума, я забылъ на минуту все окружающее. Ахъ, какъ пышно-прекрасны были земныя воплощенія бога Нила, эти мощные траурные быки—черные, съ бѣлымъ ястребомъ на спинѣ, съ бѣлымъ треугольникомъ на лбу, съ блестящими черно-лиловыми глазами! Какъ мрачно-торжественны были ихъ погребальныя галереи и гигантскіе саркофаги изъ гранита!

— Эль-Азхаръ, Гассанъ,—бормоталь арабъ.

И, безшумно перебирая легкими босыми ногами, привелъ меня къ сѣверной стѣнѣ, къ обрыву надъ нижними стѣнами, и опять сталъ указывать то на одну, то на другую мечеть сѣраго огромнаго города, теряющагося въ пыли.

Воздухъ былъ тепель и душень. Далеко на сѣверо-западѣ склонялось къ слоистымъ сѣроватымъ пескамъ, уходящимъ въ Сахару, горячее солнце. Пирамиды Гизэ были ближе и лѣвѣй его; онѣ мягко и четко выдѣлялись среди этихъ пепельныхъ дюнъ фіолетовыми конусами. Необъятное пространство между небомъ, пустыней и долиной Каира было полно пыльно-золотистымъ блескомъ. Лѣвѣе, къ югу, даль уже совсѣмъ затуманилась нѣжно-сизою мутью. И все это отдѣлялъ отъ меня уходящій по долинамъ прямо къ сѣверу Ниль. Мокатамскій кряжъ, идущій за нимъ съ юга по правую руку, дѣлаеть подъ цитаделью рѣзкій поворотъ къ востоку, и долина расширяется въ необозримую низменность. На ней теряется въ морѣ дымчатой пыли уходящій изъ глазъ къ сѣверу и востоку сухой и сѣрый городъ съ торча-

щими надъ нимъ минаретами и мечетями. Оттуда слышался смутный гулъ. Солнце опускалось все ниже, бѣлый шлемъ, который я держалъ въ рукахъ, сталъ алѣть. Съ минаретовъ понеслись къ блѣдному бездонному небу древне-печальныя прославленія Бога. Летучія мыши дрожащими зигзагами, почти невидимкой, зарѣяли вокругъ: онѣ любятъ теплые вечера, катакомбы и пустынные скалы...

Къ востоку, далеко за городомъ, раскинуты среди песковъ мечети-гробницы халифовъ. Онѣ всѣми забыты, приходятъ въ ветхость. Тамъ, въ усыпальницѣ Каидъ-Бея, окна горятъ такой цвѣтной мозаикой, равной которой нѣтъ на землѣ. Тамъ есть два камня изъ Мекки—одинъ сиреневый, другой розовый—и на нихъ слѣды Магомета. Но что Каидъ-Бей и Магометъ! За могилами халифовъ, среди песковъ, уходящихъ до Краснаго моря, на самой окраинѣ холмовъ Иудейскихъ, есть оазъ, гдѣ, по слову Осіи, „терніи и волчцы выросли на жертвенникахъ Израиля“, гдѣ съ землею сравнились слѣды города, болѣе славнаго и древняго, чѣмъ самый Мемфисъ,—слѣды Она-Геліополя, Бетъ-Шемеса, по-еврейски,—„Дома Солнца“. Это было средоточіе культа Гора и высшей жреческой мудрости. Усиртесенъ I пять тысячъ лѣтъ тому назадъ воздвигъ передъ онійскимъ храмомъ Солнца, самымъ чтимымъ въ древнемъ мірѣ, свои обелиски изъ розовыхъ гранитовъ и украсилъ ихъ золотыми наконечниками. Въ дни патріарховъ, Іосифъ, сынъ Іакова, женился въ Онѣ на дочери первосвященника Потифера—„посвященнаго Солнцу“. Моисей, воспитавшійся тамъ, основалъ на служеніи Изидѣ служеніе Іеговъ. Солонъ слушалъ первый разсказъ о потопѣ. Геродотъ—первыя главы исторіи. Пифагоръ—математику и астрономію. Платонъ, проведеншій въ академіи Она тринадцать лѣтъ,—презрительно-грустныя слова: „Вы, эллины,—дѣти“. Наконецъ въ Онѣ жила сама Богоматерь съ Младенцемъ... Вотъ это слава!

Солнце тонетъ въ сухой сизой мути, и шафранный свѣтъ запада быстро меркнетъ. Мириады веселыхъ огней разсыпаются по темнѣющей долиинѣ Каира. И они кажутся мнѣ „огнями въ честь умершихъ“, что когда-то горѣли въ Саисѣ, въ городѣ богини съ неизреченнымъ именемъ. Со всѣхъ сторонъ обступаютъ Каиръ мертвыя моря песковъ и африканская душная ночь. Изъ тьмы невѣдомыхъ горячихъ ночей пролагаетъ свой путь священная рѣка, источники которой знали лишь жрецы Саиса. Невѣдомыя экваторіальныя созвѣздія поднимаются оттуда, — и звѣздное

небо принимаетъ, по арабскому выраженію, видъ лучистыхъ алмазовъ на черно-бархатномъ покровѣ гроба... Черны были и палатки таинственныхъ азіатскихъ кочевниковъ, „царей пастуховъ“, несмѣтной ратью охватившія нѣкогда Египетъ на цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ. Черны были Аписы Мемфиса. Чернымъ гранитомъ лоснились скаты пирамиды Хуфу. Черными представляются мнѣ и грозныя слова: Ассаргадонъ, Асурназирпаль, Камбизъ. „Семусиномъ“ — черно-пламеннымъ ураганомъ песковъ — прошелъ онъ по Египту, до основанія разрушивъ и Онъ и Мемфисъ, и это въ его полчищахъ семусинъ пожралъ въ одинъ день полтораста тысячъ жизней на пути къ черной Нубіи! И вотъ тогда-то и дохнуло на Египетъ дыханіе смерти, и помутилось солнце его отъ пыли сраженій и отъ куреній жрецовъ... „И побѣгъ Египетъ къ идоламъ и чародѣямъ и къ вызывающимъ мертвыхъ...“

На мѣстѣ Она, нынѣ покрытомъ хлѣбами, пальмами и хижинами арабской деревушки Матаріэ, среди оаза, что питается родникомъ Айнъ-Шемесъ— „Солнечнымъ источникомъ“, — одиноко стоитъ въ эту ночь десятисаженный обелискъ, на треть утонувшій въ землѣ, изъѣденный іероглифами и облѣпленный гнѣздами ось. А въ Ливійской пустынѣ сонныя змѣи песковъ бѣгутъ и бѣгутъ во входы пирамидъ. Но и мертвые исчезли изъ могилъ Египта. Муміи изъ гробницъ и пирамидъ Саккара выкинулъ Камбизъ. Пустой саркофагъ изъ базальта, найденный въ пирамидѣ Менкери, потонулъ вмѣстѣ съ кораблемъ въ океанѣ, на пути въ Британію. Пустой огромный саркофагъ стоитъ и въ Великой пирамидѣ. Кто тотъ, кто покоился въ ней? Хуфу? Копты говорятъ: нѣтъ, Сауридъ, жившій за три вѣка до потопа и отъ потопа сохранившій въ ней и свой трупъ и всѣ сокровища египетской мудрости... Въ тѣ долгіе вѣка, когда умершій Египетъ пребывалъ въ тишинѣ и забвеніи, пришли въ его пустыни новые завоеватели, арабы, пробили, послѣ долгихъ исканій, уже ободранную пирамиду и въ гробовой тѣмѣ, по узкимъ проходамъ, ведущимъ въ сердце пирамиды, проникли, въ надеждѣ на клады, въ покой челоуѣка, умершаго въ началѣ міра. Но озаривъ факелами заблестѣвшая, какъ черный ледъ, шлифованно-гранитныя стѣны высокаго куба, въ ужасѣ отступили: посреди покоя, безъ крышки, стоялъ прямоугольный, лишенный всякихъ украшеній и тоже весь черный саркофагъ. Въ немъ лежала мумія въ золотой бронѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями, и съ золотымъ мечомъ у

бедра. На лбу же муміи краснымъ огнемъ горѣлъ громадный карбункулъ, весь въ письменахъ, непонятныхъ ни единому смертному...

V.

Я кончилъ этотъ вечеръ въ театрѣ, на площади, сплошь занятой табуретами и столиками, шумной и людной, какъ ярмарка въ Таитѣ.

Двери театра были открыты настежь, но въ партерѣ, усѣянномъ фесками, стояла одуряющая духота. Что же было въ рѣшетчатыхъ ложахъ, гдѣ помѣщаются гаремы? Подняли подъ музыку занавѣсъ—и въ глубинѣ сцены открылся плакатъ: лиловая ночь и преобладающая луна надъ лиловымъ силуэтомъ города, состоящаго изъ однѣхъ пальмъ и мечетей и четко отраженнаго въ блѣдно-лиловой рѣкѣ. На полу среди сцены стояло ярко-зеленое дерево, а подъ деревомъ—арабъ въ пышной старинной одеждѣ и колоссальномъ тюрбанѣ. Страстно завылъ и загудѣлъ оркестръ, и арабъ, приложивъ одну руку къ сердцу, а другую, дрожащую, вытянувъ, разразился такими гнусавыми воплями, что весь партеръ затрепеталъ отъ рукоплесканій. Арабъ жаловался на несчастную любовь и прозакладывалъ кому-то душу, лишь бы увидѣть свою милую. Затѣмъ онъ смолкъ, закрылъ лицо руками и затрясся отъ беззвучныхъ рыданій. А наплакавшись, глубоко вздохнулъ, снялъ темный широчайшій халатъ, положилъ его подушкой подъ деревомъ и, оставшись въ другомъ, блѣдно-розовомъ, легъ спать. Музыка подъ сурдинку запиликала что-то осторожное, хитрое. И тогда изъ-за кулисъ безшумно выпорхнули черти въ красныхъ балахонахъ, съ бѣлыми изображеніями череповъ на груди. Радостно подвывая и взвизгивая, они закружились надъ своей добычей. И вдругъ ухнулъ барабанъ—и, подхвативъ спящаго, черти бросились за кулисы... Среди бѣшено сыплющихся аплодисментовъ, я, шатаясь, выбрался на площадь, на воздухъ, и почти упалъ на табуретъ возлѣ мраморнаго столика, среди криковъ бродячихъ кондитеровъ, гула трамваевъ, рожковъ автомобилей и воплей водоносовъ, таскающихъ на ремнѣ черезъ лѣвое плечо огромныя бутыли...

Домой я вернулся за полночь. Каиръ затихалъ. Съѣдаемый москитами, я безъ сна лежалъ на широкой постели въ жаркомъ номерѣ. Передъ разсвѣтомъ взошелъ мѣсяцъ, озарилъ теплымъ золотистымъ свѣтомъ верхушки пальмъ во дворѣ отеля и проти-

воположные балконы, и въ окна потянуло свѣжестью. Но тутъ воздухъ внезапно дрогнулъ отъ мощнаго трубнаго рева. Ревъ загремѣлъ побѣдно, оглушающе—и, внезапно сорвавшись, разразился страшнымъ захлебывающимся скрипомъ. Рыдалъ въ сосѣднемъ дворѣ осель—и рыдалъ безконечно долго! Но усталость все-таки взяла свое. Я закрылъ глаза—и черезъ два часа вскочилъ съ постели совсѣмъ бодрый. Вскочило солнце, у воротъ ждала коляска, съ вечера нанятая къ пирамидамъ.

Раннее утро въ городѣ имѣетъ своеобразную прелесть. Въ Каирѣ оно восхитительно. Чистые, широкіе проспекты еще вѣтны и пусты. Они уже политы. Полита и зелень въ цвѣтникахъ, палисадникахъ и скверахъ, нѣжно и свѣжо пахнущихъ. Верхушки пальмъ розовѣютъ, небо легко и жемчужно-бирюзово. Экипажъ быстро катится по гладкимъ мостовымъ. Щелканье бича звучно и бодро... Вотъ мостъ съ бронзовыми львами черезъ Ниль... Свѣтъ утренняго солнца ослѣпительно блещетъ надъ розово-голубымъ моремъ пара, въ которомъ тонуть и острова, и вся долина Нила. „Привѣтъ тебѣ, Амонъ-Ра-Гормахисъ, самъ себя производящій! Привѣтъ тебѣ, священный ястребъ со сверкающими крыльями, многоцвѣтный фениксъ! Привѣтъ тебѣ, дитя, ежедневно рождающееся, старецъ, проплывающій вѣчность!“

Ниль подъ мостомъ дымится, и въ дыму медленно идутъ сѣрые паруса барокъ. Вереницы ословъ и верблюдовъ, нагруженныхъ овощами, зеленью, молокомъ, птицей, тянутся на базаръ и несутъ въ городъ простоту деревни, здоровье полей и свѣжесть утра: на зарѣ росы покрываютъ нивы и кровли арабскихъ хижинъ, на зарѣ холодѣтъ даже песокъ. Переѣзжаемъ островъ, потомъ рукавъ Нила, ѣдемъ мимо зоологическаго парка,—и впереди открывается низменность, равнина зрѣющихъ ячменей и пшеницы: стоитъ время Шаму, какъ называли египтяне жатву. И прямая, какъ стрѣла, аллея акацій до самой пустыни, прорѣзываетъ эту равнину. Трамвай скользнулъ мимо и потонулъ въ перспективѣ ея многоверстнаго зеленаго коридора. И тамъ, въ самомъ концѣ ея, какъ риги въ концѣ деревенской аллеи, стоятъ на обрывѣ скалисто-песчанаго плоскогорья три каменныхъ треугольника цвѣта старой, слегка фіолетовой соломы.

Черезъ полчаса я былъ у ихъ подножья. Но какъ все измѣнилось за эти полчаса! Огромная долина Нила еще полна блескомъ и свѣжестью. У самаго подъема на стофутовый уступъ пустыни, за стѣнами сада, окружающаго англійскій отель, еще

тѣнисто и воркуютъ горлицы. Но бѣлая косая дорога на уступѣ, обнаженная весенними вѣтрами съ сѣвера, уже горяча и рѣзка подъ синимъ небомъ. Четко отдѣляется отъ неба и край плоскогорья—желто-сѣрый песокъ, и мягко и четко возносятся въ прозрачный воздухъ зубчатая грани каменной громады ржаво-соломеннаго цвѣта...

Отъ Великой пирамиды—одинъ изъ самыхъ дивныхъ видовъ въ мірѣ. Цѣлая страна, чуть не вся низменность Дельты теряется на сѣверѣ, радуя вѣчной молодостью природы: молоды кажутся отсюда, изъ пустыни, съ древнѣйшаго на землѣ кладбища, эти нивы, пальмы, селенія! Долина Нила тонетъ въ солнечномъ туманѣ. А за долиной чуть виденъ мутно-аспидный городъ и призраки Аравійскихъ горъ. За ними чувствуется Красное море, одно названіе котораго волнуетъ чѣмъ-то сказочнымъ, ветхозавѣтнымъ. А сзади все заслоняетъ и все подавляетъ восходящая до яркихъ небесъ ребристая гора. Я чувствую себя подъ нею столь малымъ, что это гнететъ меня. И я отхожу и направляюсь къ сѣверу, по обрыву плоскогорья, по камнямъ, занесеннымъ горячими атланскими волнами цвѣта львиной шкуры.

Стоядя, я вижу, что сѣверный бокъ пирамиды высоко занесенъ пескомъ. Онъ въ тѣни—и голубоватая тѣнь падаетъ отъ него на песокъ. Вправо—блескъ солнца. Тамъ, нѣсколько наискось,—второй треугольникъ, пирамида Хафри. Ея громада, почти равная первой и тоже утонувшая въ слоистыхъ пескахъ, снизу ободрана, рубчатая, доисторически-груба и проста, какъ и Хуфу, но вверху блеститъ розоватымъ гранитомъ. Въ чистомъ воздухѣ она кажется необыкновенно близкой. Но еще болѣе четки на синемъ небосклонѣ грани третьей—красной пирамиды Менкери, стоящей въ полувѣрствѣ отъ меня и сплошь покрытой сіенитомъ. Она гораздо меньше и острѣе двухъ первыхъ. А къ горизонту, тамъ, гдѣ пустыня, поднимаясь волнистыми буграми, ярко отдѣляется отъ сине-лиловаго неба, теряется вдали еще нѣсколько маленькихъ конусовъ... Вотъ она, ясность красокъ, нагота и радость пустыни! Но еще рѣзче и радостнѣе сжимается мое сердце при взглядѣ на зубчатую гору Хуфу. На мгновение превращаюсь я въ мысль... И вижу въ долинѣ подъ солнцемъ, въ свѣтломъ утреннемъ парѣ, смутный очеркъ первой столицы міра, жившей почти три тысячи лѣтъ,—тусклый блескъ крышъ и храмовъ Мемфиса. Вижу его толпу, улицы, яркую полихромію одежду, обелисковъ, пилоновъ, столь любимую древнимъ Египтомъ...

Вижу пирамиду такую, какой была она шесть тысяч лѣтъ тому назадъ,—обведенную каналомъ изъ Нила, до низу покрытую разноцвѣтными гладкими плитами, увѣнчанную золотымъ пирамидіономъ... Ничего, кромѣ камня и мумій, не осталось отъ древняго царства! Но ничто не исчезаетъ. Все изъ праха прошлаго. И вотъ—я опять ее чувствую, эту связь со всѣмъ міромъ, съ богами всѣхъ странъ и съ людьми, сто кратъ истлѣвшими!

Входъ въ пирамиду съ сѣвера. Пески засыпали ея скатъ, какъ разъ до того мѣста, гдѣ нашли когда-то отверстіе въ „самое таинственное святилище міра“. Отверстіе зияетъ—и круто, по скользкому склону въ триста футовъ, падаетъ въ бездну, въ удушающій мракъ, въ тѣсноту. Тамъ теперь нѣтъ ничего, кромѣ тьмы, вони, летучихъ мышей и огромной гробницы безъ крышки... Гдѣ же кости того, кто вотъ уже шесть тысяч лѣтъ изумляетъ землю? Онѣ, говорятъ, покоились на днѣ шахты,—подъ пирамидой, а не въ ней. Тамъ былъ, по преданіямъ, храмъ таинствъ. Шахта будто бы соединялась подземнымъ ходомъ съ Ниломъ... съ подземнымъ капищемъ Изиды, которой посвящена пирамида... съ ходомъ подъ Сфинксъ... Но не все ли равно? Вотъ я стою и касаюсь камней,—можетъ-быть, самыхъ древнихъ изъ тѣхъ, что вытесали люди!

Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ клали въ такое же знойное утро, какъ и нынче,—о, какъ давно оно было!—тысячи разъ измѣнились лицо земли и религіи царствъ ея. Только черезъ двадцать вѣковъ послѣ этого утра родился Моисей, не разъ стоявшій возлѣ пирамиды... Черезъ сорокъ—пришелъ на берегъ Тиверіадскаго моря Сиріецъ, передъ неизреченной красотой Котораго стало' безсильно человѣческое слово... Но исчезаютъ вѣка, тысячелѣтія, — и братски соединяется моя рука съ сизой рукой аравійскаго плѣнника, клавшаго эти камни. И я вижу живымъ его побѣдителя, благочестиваго сверхъ-звѣря, высокаго, узкаго въ бедрахъ и широкаго въ плечахъ, съ красноватою кожей, въ бѣломъ льняномъ запонѣ, въ ожерельѣ и золотыхъ запястьяхъ, чернокурчаваго и съ блестящими глазами. И на мгновеніе всѣмъ сердцемъ раздѣляю мистическій языкъ его гимновъ Солнцу, воплощенному и въ немъ самомъ, и въ сфинксѣ, и въ пламенномъ дискѣ, совершающемъ въ баркѣ свой путь.

„Ты идешь, лучезарный Амонъ-Ра-Гармахисъ! Твои гребцы гребутъ! Ты достигаешь зенита, по высшему приказу твоей матери Ну! Сердце твоихъ перевозчиковъ довольно, владыка

небесъ! Боги и люди, испуская крики радости, падаютъ ницъ у престола Солнца! Ты—Священный Ястребъ со сверкающими крыльями! Многоцвѣтный фениксъ! Великій левъ, существующій самъ по себѣ и открывающій путь барки! Мужъ, все оплодворяющій! Быкъ—ночью, начальникъ—днемъ! Царь неба, властитель земли! Тайна, образъ которой невѣдомъ!“

Я повторяю эти радостные гимны и, по указаніямъ самаго Хуфу, иду къ Великому Сфинксу—образу восходящаго Солнца, символу безсмертія, стражу жизни, стоящему на порогѣ Великаго Некрополя:

„Горъ живой, царь Египта Хуфу, нашель храмъ Изиды, покровительницы пирамиды, рядомъ съ храмомъ Сфинкса, къ сѣверо-западу отъ храма Озириса, господина гробницы, и построилъ себѣ пирамиду рядомъ съ храмомъ этой богини... Мѣсто Сфинкса—къ югу отъ храма Изиды, покровительницы пирамиды, и къ сѣверу отъ храма Озириса.“

По песчанымъ шелковистымъ буграмъ я спускаюсь отъ пирамиды въ котловину, гдѣ лежитъ каменное стоаршинное чудовище, каменная гряда съ тринадцатиршинной головой... И вступаю въ адитонъ—святая святыхъ Египта. Это уже послѣдняя ступень исторіи.

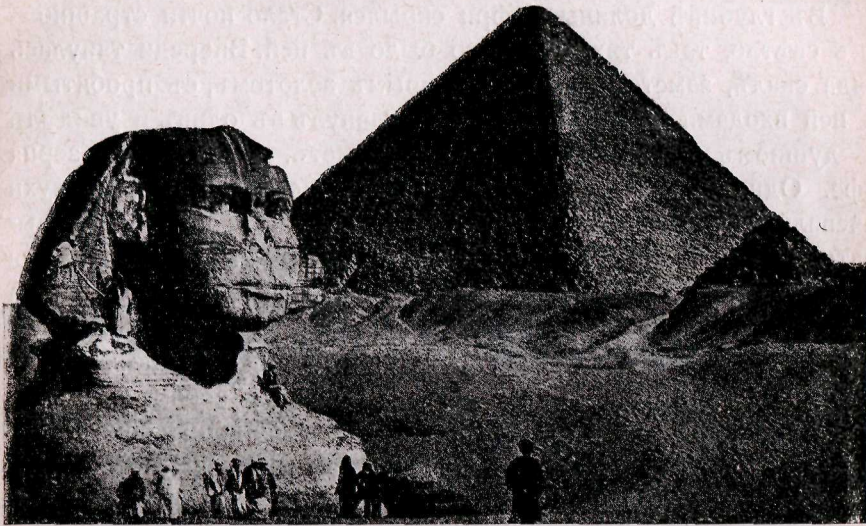
Вокругъ меня мертвое жаркое море дюнь и долинъ, полузасыпанныхъ скаль и могильниковъ. Все блеститъ, какъ атласъ, отдѣляясь на западъ отъ шелковистой лазури. Всюду гробовая тишина и бездна пламеннаго свѣта. Вотъ страшная извилистая полоса на пескѣ,—здѣсь притащила свой жгутъ змѣя, можетъ-быть, сама Фи, знаменитая въ священныхъ писаніяхъ Египта, вся желто-бурая, вся въ бурыхъ поперечныхъ лентахъ, съ маленькими вертикальными глазами и большими ноздрями, отъ всѣхъ гадовъ отличная рожками. Ноги мои вязнутъ, солнце жжетъ тѣло сквозь тонкую бѣлую одежду. Пробковый шлемъ внутри весь мокрый. Но я пьянъ отъ свѣта и почти не замѣчаю слѣда змѣи. Я иду и не спускаю глазъ съ Сфинкса.

Туловище его—часть скалистой горы. Оно высѣчено изъ ея гранита, гранитныя плечи и голова приставлены. Грудь обита, плоска, слоиста. Лапы обезображены. И весь онъ, грубый, дикій, сказочно-громадный, носитъ слѣды жуткой древности и той борьбы, что съ незапамятныхъ временъ суждена ему, какъ хранителю „Страны Солнца“ отъ Сета. Онъ весь въ трещинахъ и кажется покосившимся отъ песковъ, наискось засыпающихъ его.

Но какъ спокойно-спокойно глядитъ онъ на востокъ, на далекую солнечно-мглистую долину, на черную арабскую деревушку, пріютившуюся у самаго порога пустыни! Его женственная голова, его пятиаршинное безносое лицо вызываютъ въ моемъ сердцѣ почти такое же благовѣніе, какое было и въ сердцахъ подданныхъ Хуфу.

„Честь тебѣ, старецъ, многоликій владыка, испускающій лучи, разгоняющіе мракъ!“

И, спустившись къ лапамъ Сфинкса, я заглядываю въ полузасыпанную шахту между ними—храмъ изъ сіенита—и несмѣло поднимаю глаза на красноватый исполинскій ликъ...

Пирамида Хеопса и Сфинксъ.

Есть Свѣтъ Зодіака. Онъ встаетъ серебристымъ пирамидальнымъ сіяніемъ въ темномъ небѣ жаркихъ странъ долго спустя по закатѣ. Онъ еще не разгаданъ. Но божественная наука о небѣ называетъ его свѣченіемъ первобытнаго свѣтоноснаго вещества, изъ котораго склудилось солнце. Я еще помню отблескъ закатившагося Солнца Греціи. Теперь, возлѣ Сфинкса, въ катакомбахъ міра, зодіакальный свѣтъ первобытной вѣры встаетъ передо мною во всемъ своемъ страшномъ величіи...

VI.

Я обошелъ Великую пирамиду и съ запада. Я прошелъ между Хуфу и Хафри по широкой волнистой долинѣ. Хафри былъ близко-близко... Но показалась вдали кучка людей: три бедуина, два европейца въ кремовой фланели и розовое платье подъ бѣлымъ зонтикомъ, блестящимъ на солнцѣ. И по тому, какъ четки, но малы были ихъ фигурки среди песчаныхъ бугровъ, сразу стало видно, какъ обманчиво, какъ громадно пространство между мной и пирамидой, между небомъ и песками. И долго, долго шелъ я, спотыкаясь на блестящіе, черные камни, увязая въ шелковистыхъ разсыпчатыхъ наносахъ.

Въ глубинѣ долины Хафри скрылся. Стало почти страшно— такъ свѣтло, такъ тихо и жарко было въ ней. Впереди тянулася гряда скалъ, замеченная сверху сѣрымъ золотомъ, съ пробитыми въ ней входами въ могильники. Я заглянулъ въ одинъ и увидѣлъ въ душномъ полусвѣтѣ звѣриный пометъ, похожій на зерна кофе. Одна стѣна была закопчена дымомъ,—вѣрно, пастухи ночевали. Но здѣсь могли быть и гіены... И я поспѣшилъ vybrаться на солнце. Гиень не оказалось, зато мои руки и вся одежда мгновенно покрылись живой жгучей сѣткой блохъ... А когда я достигъ наконецъ Великой пирамиды, то увидѣлъ жалкую сцену: бедуины продѣлывали съ европейцами комедию ѣзды на верблюдѣ. Верблюдъ съ глухимъ внутреннимъ ревомъ и клокотаньемъ поднимался съ колѣнъ, и толстая женщина, бокомъ сидѣвшая на немъ, вытаращивъ глаза и исказивъ красное, потное лицо ужасомъ, отчаянно визжала и хваталась за черныя руки бедуиновъ.

Голось ея прозвучалъ въ знойномъ пространствѣ между небомъ и пустыней, какъ пискъ. Въ головѣ моей, одурманенной жарой и усталостью, тяжело отдавался стукъ сердца. Шлемъ былъ мокръ, руки горѣли отъ укусовъ. Но я былъ пьянъ, пьянъ всю дорогу до Каира. Жаркая сквозная тѣнь безконечной аллеи кружевомъ бѣжала по лошадямъ, по фескѣ извозчика, по моимъ колѣнямъ. Разливы спѣлыхъ песчаныхъ хлѣбовъ дремали полуденной рабочей дремотой. Полуденнымъ сномъ и солнцемъ былъ отягченъ зоологическій паркъ. Жутко и пышно было въ немъ въ этотъ часъ! Но я еще не насытился. Я остановилъ коляску и вошелъ.

Высоко возносились въ пламенный воздухъ, въ пыльно-серебристое небо пальмы, накалялись цвѣтники. На горячихъ дорожкахъ млѣли, цѣпенѣли огромныя бабочки сказочно-богатыхъ рисунковъ. Въ загонѣ подъ какими-то высокими зонтичными деревьями стоялъ покатый жирафъ, древне-египетскія изображенія котораго считались когда-то баснословной смѣсью всѣхъ животныхъ, и, поводя змѣиной шеей, тянулся рогатой головкой къ листьямъ макушекъ; и нельзя было понять, льются ли узоры свѣтотѣни, или это блеститъ и переливается его песочно-пантеровая шкура. Въ другихъ загонахъ, закрывъ ясные дѣвичьи глазки, истомленные душной тѣнью, лежали палевыя газели и антилопы. А дальше снова шли открытые солнцу пруды и поляны. Неподвижно, на одной ногѣ, какъ на блестящей трости, стояли въ теплой грязной водѣ прудовъ розовые фламинго, надутые пеликаны, хохлатыя тонкія цапли. Неподвижно, бронзово-зелеными маслянистыми бревнами, лежали среди плавучихъ острововъ допотопные хампсы Египта—свиноглазые крокодилы, до половины высунувшись на горячую илистую отмель. И безсильно, плоско растягивались на пескѣ и пестрыхъ камняхъ, за частой сѣткой клѣтокъ, плетевидныя гады, столь чтимые Востокомъ,—большеротыя, остроглазые съ треугольными самоцвѣтными головками. Иные сверкали всѣмъ великолѣпіемъ палитры въ свѣжихъ краскахъ, иные—іероглифами рисунковъ; точекъ, рѣшетокъ, полосъ. Медленно ползла сѣрая, въ черныхъ чешуйкахъ, „кошачья змѣя“, и, какъ всякій ползущій гадъ, казалась длинной, длинной. „Ночныя“ змѣи дремали. Онѣ такъ втирались въ песокъ и камни и такъ сливались съ ними, что лишь случайно наталкивался я на ихъ неподвижно-стеклянные глаза съ вертикально-хищными зрачками. Въ саду все клонилось отъ свѣта. Самоцвѣтными камнями сверкали, скользя, ящерицы. Искрились тысячи золотисто-купоросныхъ мухъ. Пряно пахли нагрѣтыя травы. Животной теплой вонью несло изъ загона, гдѣ бродили голенастые страусы, нося на своихъ лошадиныхъ ногахъ кургузья туловища въ атласно-бѣлоснѣжныхъ курчавыхъ перьяхъ и съ глупымъ удивленіемъ вытягивая лысыя головки на голыхъ шеяхъ. Хищно, восторженно и всегда неожиданно вскрикивали въ мертвой тишинѣ крѣпкоклювые, горбоносые попугаи,—радужные, рубиново-синіе, золотые и зеленые. И тогда садъ казался Эдемомъ, заповѣднымъ пріютомъ блаженства и незнанія. Но, снѣдаемый жаждой запретнаго, я ходилъ отъ рѣшетки къ рѣшеткѣ и заглядывалъ въ бездну. Ужась и отвращеніе вселяла

лѣнивая, широколобая, пучеглазая „капская гадюка“, лежащая подъ кустарниками толстымъ ярко-соломеннымъ жгутомъ въ темныхъ подковкахъ. Свившись въ палевою спираль, отливавшую голубымъ пепломъ, неподвижно смотрѣла въ пространство круглоглазая, съ яйцевидной головкой гайя, неотразимо смертоносная покровительница всего древняго Египта, — символъ величія и власти, уреусъ на митрахъ фараоновъ, жгутъ, обвивающій крылатую эмблему Гора, „ара“, сто кратъ изображенная надъ входами храмовъ...

А Каиръ встрѣтилъ меня закрытыми ставнями, сохнувшими отъ зноя деревьями, бѣлыми, пустыми улицами. Небо было тускло, дулъ жгучій пыльный вѣтеръ... То былъ вѣстникъ Сета, бога первобытнаго пламени. И дышалъ онъ надъ странюю могиль отъ первородныхъ чадъ ея, съ таинственнаго и грознаго юга, — оттуда, „гдѣ богъ въ своемъ лучезарномъ теченіи покрываетъ кожу людей мрачнымъ блескомъ сажи и, изсушая, курчавитъ ихъ волосы“.

І У Д Е Я.

И Господь поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей.

Иезекиль.

I.

Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейдѣ передъ палевой Яффой.

На палубѣ—гамъ и давка. Босые лодочники, въ фуфайкахъ и шароварахъ юбкой, съ буро-сизыми, облитыми потомъ лицами, съ выкаченными кровавыми бѣлками, въ фескахъ на затылокъ, орутъ и мечутъ въ барки все, что попадаетъ подъ руку. Градомъ летятъ туда чемоданы, срываются съ траповъ люди. Срываюсь и я. Барка полнымъ полна кричащими арабами, евреями и русскими.

Пароходъ, чернѣя среди зеркальнаго взморья, отдаляется, кажется маленькимъ. Мала и Яффа. До нея еще съ версту, но воздухъ такъ чистъ, а восточные контуры ея кубическихъ домиковъ, среди которыхъ то тамъ, то тутъ метелкой торчитъ пальма, такъ четки и просты! Уступами громоздится этотъ сплошь каменный городокъ на обрывистомъ побережьѣ. Отъ рейда его отдѣляетъ длинная гряда рифовъ. За ними, у береговыхъ отмелей, шелкомъ сияютъ обвисшіе паруса на высокихъ, тонкихъ мачтахъ лодокъ. Ихъ больше всего возлѣ сѣверной отмели, гдѣ когда-то былъ Водоемъ Луны, финикійская гавань. Съ сѣвера, къ Яффѣ подступаетъ золотисто-синяя отъ воздуха и солнца Саронская долина. Съ юга—желто-сѣрые филистимскіе пески. На востокъ—знойно-голубой миражъ Іудеи. Тамъ, за горами—Іерусалимъ.

Въ штиль рифы обнажаются—и барка спокойно проскальзываетъ между ихъ ржавыми, мокрыми и нестерпимо блестящими на солнцѣ глыбами. У пристани и въ сараѣ таможни—яблоку негдѣ упасть. По гладкимъ каменнымъ уступамъ, въ тѣни звонкихъ переулочковъ поднимаемся къ базару. О Стамбулѣ напоми-

наетъ въ первую минуту запахъ гніющихъ апельсиновъ и укропа, смѣшанный съ чадомъ восточной кухни. Но нѣтъ, даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ Стамбула нѣтъ плитъ, столь выбитыхъ и отшлифованныхъ копытами и туфлями, и такой толпы—такихъ грубыхъ одеждъ, такого жесткаго загара и такихъ гортанныхъ криковъ! Вотъ базаръ съ мокрымъ фонтаномъ, съ женщинами и водоносами подъ бурдюками и кувшинами, съ верблюдами и собаками, съ горами фруктовъ и зелени, съ кофейнями и лавчонками въ крытыхъ полутемныхъ рядахъ... Да, тутъ все проще, старѣе, восточнѣе. И небо надъ базаромъ ярче, и блеску больше, и зной не тотъ. А какіе дряхлые хананеи съ большими кроличьими глазами мѣняютъ въ сумракѣ рядовъ бешлыки на лепты и пѣстры на парички!

Совсѣмъ другой міръ—окраины Яффы. Тамъ не надышишься моремъ и садами, обступившими ее со всѣхъ сторонъ. Послѣ полудня снова толкаемся по базару. Передъ обѣдомъ отдыхаемъ на крышѣ отеля, затеряннаго среди этихъ садовъ. Въ качалкѣ сидитъ американецъ, пасторъ, съ которымъ мы,—я и еще одинъ русскій, стоящій теперь возлѣ периль, лицомъ къ морю,—сошлись на переходѣ отъ Портъ-Саида. Золотистый свѣтъ солнца уже склоняется къ сѣверу, за Саронскую долину. Огромная полоса густо-синяго моря—прямо за крышами, спускающимся къ прибрежью. Зной спадаетъ, и американецъ сидитъ съ открытой головой, читая Библию. Кто бы узналъ въ этомъ спокойномъ и веселомъ человѣкѣ пастора? Стройный, съ аккуратно причесанными на прямой рядъ черными волосами и бритый, онъ скорѣе похожъ на актера.

— Ну, что же?—говоритъ онъ поднимая голову отъ книги, когда я вхожу на крышу.—Довольны ли вы Яффой? Ужасно!—прибавляетъ онъ съ насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ.—Ужасно!

Но огонекъ этотъ быстро исчезаетъ. Рука пастора ложится на Библию.

— Но чувствуете ли вы,—говоритъ онъ, подумавъ,—что завтра мы увидимъ Голгоуе?

Въ садахъ вокругъ—пальмы, магноліи, олеандры, чащи померанцевъ, усѣянныхъ огненной розсыпью плодовъ. Запыленные ограды изъ кактусовъ въ желтомъ цвѣту дѣлятъ эти райскіе сады. Между оградами, по песчано-каменистымъ тропинкамъ, медленно струится и замираетъ меланхолическій звонъ бубенчи-

ковъ—тянется караванъ верблюдовъ. Гдѣ-то журчитъ по каналчикамъ вода—подъ однотонный скрипъ колесъ, качающихъ ее изъ цистернъ. Этотъ ветхозавѣтно-палестинскій скрипъ волнуетъ. Да и весь день чувствую я себя необычно. Но вопросъ пастора...

— Правовѣрный вопросъ!—непріязненно усмѣхаясь, говоритъ русскій. И быстро прибавляетъ:

— Я ничего не ощущаю, кромѣ пустоты въ душѣ. Весь день есть во мнѣ только какая-то враждебность къ вамъ, правовѣрнымъ. Чему-то не живому молитесь вы...

Да, ничего похожего на чувства правовѣрныхъ не испыталь и я, увидѣвъ Яффу нынче утромъ. Нѣтъ, была именно враждебность къ нимъ. Тысячи тысячъ плакали и цѣловали эти берега, „претерпѣвъ моря и страхи, войны и разбои, болѣсти и скудость“... Но и они, эти простые сердцемъ пилигримы, воспитанные правовѣрными, — думали ли они когда нибудь о простой, подлинной жизни, бывшей нѣкогда на этихъ берегахъ? Чувствовали ли они, что вѣдь, дѣйствительно, былъ, дѣйствительно, существовалъ когда то *живой* Иисусъ, худой, загорѣлый, съ блестящими черными глазами, съ темно-лиловыми, сухими руками и тонкими сожженными зноемъ ногами?

Только минутами, только забывая о *ихъ* Христѣ, мое сердце содрогалось отъ близости къ Тому, чье имя ожило, очеловѣчилось для меня при видѣ береговъ Его родины. Эти темныя лавчонки, гдѣ торгуютъ все однимъ и тѣмъ же—хлѣбомъ, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чесноку, шафраномъ, бобами; эти черные, курчаво-сѣдые старики-семиты съ обнаженными бурыми грудями, въ своихъ пѣгихъ хламидахъ и бедуинскихъ платкахъ; эти измаилитянки въ черно-синихъ рубахахъ, идущія гордой и легкой походкой съ огромными кувшинами на плечахъ; эти нищие, хромыя, слѣпые и увѣчные на каждомъ шагу—развѣ это не Палестина древнихъ варваровъ, Его дней?

Но пламя старой вѣры гаснетъ даже и въ сердцахъ правовѣрныхъ.

Въ полдень покидаемъ мы Яффу, направляясь по Саронской долины къ Іерусалиму. Пустынный это путь! Нарциссы долины, изъ-за легендарнаго плодородія которой было пролито столько крови, теперь начинаютъ выпаживать. Иудея опять понемногу заселяется своими прежними домохозяевами, страстно мечтающими о возвратѣ дней Давида. Но цвѣтовъ еще много, слишкомъ много!

Всюду макъ, макъ и макъ: щедро усѣялъ онъ эти пашни и нивы своими огненными лепестками!

Очаровательный вѣтеръ весенняго дня и приморской степи, солнечное тепло, сладкій аромать цвѣтущихъ оливокъ, хлѣбовъ и горячей земли вѣетъ въ окна коротенькаго поѣзда, разъ въ сутки пробѣгающаго по долинамъ и горамъ къ Іерусалиму. Миновавъ пески и окраины садовъ, онъ идетъ по волнистымъ полямъ, по оливковымъ рощамъ, среди ржавыхъ пашень и зеленыхъ посѣвовъ, то и дѣло встрѣчаетъ феллаховъ на ослахъ, вереницы верблюдовъ, медленно и важно качающихся бубенцами, стада черныхъ козь и сѣрыхъ овецъ, кучками толпящихся то тамъ, то здѣсь подъ охраной полудикихъ пастуховъ и собакъ, похожихъ на шакаловъ...

— Но, Боже, какая дикая земля, сколько на ней маку!— говоритъ мой спутникъ, южно-русскій еврей, старикъ съ большой сѣро-сизой бородой, въ черной шляпѣ.

А за Лидой и Рамлэ,—каменными кубами арабскихъ городовъ, ярко бѣлѣющихъ подъ ярко-синимъ небомъ среди финиковыхъ пальмъ и кипарисовъ,—почва становится еще суше, еще кремнистѣе и волнистѣй, а хлѣба еще слабѣе и жиже. Начинается безконечный подъемъ,—до самаго Іерусалима. Уже виденъ впереди сѣрый камень, синь впадинъ и ущелій, а сзади за волнистой зеленоватой степью—голубой туманъ моря. Поѣздъ медленно выбиваетъ тактъ короткими вздохами, свистки его дѣлаются гулки и звонки, путь—извилистѣе, воздухъ—жарче и суше, небо—еще синѣе: мы глядимъ на него уже изъ какой-то голой каменистой котловины. И вотъ котловины начинаютъ смѣняться котловинами, ущелья ущельями... Иногда они оживляются сожженной зноемъ зеленью деревьевъ, растущихъ на ихъ кремнистыхъ ложахъ, или пелазгическими останками хананейскихъ укрѣпленій на куполообразныхъ вершинахъ; иногда—овцами, разсыпанными по сухимъ обрывамъ, среди голышей въ лишаяхъ и колючкахъ; иногда—рядами каменныхъ оградокъ,—слѣдами террасъ, на которыхъ споконь вѣку разводили здѣсь сады и виноградники... Но гдѣ же тѣ бездны, которыми будто бы поражаютъ Іудейскія горы? Гдѣ высоты, что будто бы „еще дышать величіемъ Іеговы и ужасами смерти“?

Солнце скрылось, въ горахъ тѣнь. Мы уже въ самой сердцевины ихъ. Все поднимаясь и поднимаясь, проползаемъ мы кремнистыя долины, извивающейся гусеницей огибаемъ сѣро-желтыя

каменные ковриги, густо усыпанные круглыми голышами, и только изрѣдка замѣчаемъ на вершинахъ арабскія деревушки... Гдѣ же то, что исторгло столь гордое восклицаніе Давида: „Горы окрестъ Іерусалима!“

И спутникъ мой закрываетъ глаза, поднимаетъ брови, слабо и грустно улыбается:

— О, какія же это горы!

Мы хорошо знаемъ, что именно здѣсь, въ одной изъ этихъ глубокихъ котловинъ, „взялъ посохъ свой въ руку свою Давидъ и выбралъ пять гладкихъ камней изъ ручья“ и поразилъ Голиаѳа; что именно здѣсь воскликнулъ Навинъ: „Стой, солнце, надъ Гаваономъ и, луна, надъ долиной Аіолонскою!“ Но, увы, нужна пламенная вѣра и дѣтская наивность, чтобы смотрѣть глазами древнихъ пилигримовъ, до конца жизни содрагавшихся при воспоминаніи о высотахъ Іудейскихъ!

— Нужна великая вѣра!—грустно улыбаясь, говоритъ старикъ своимъ матовымъ южно-русскимъ голосомъ.—А гдѣ она? Гдѣ она?

Передъ вечеромъ поѣздъ выползаетъ наконецъ на темя горъ—и вдали, среди нагихъ разваловъ и впадинъ, изрѣзанныхъ бѣлыми лентами дорогъ, показываются черепичныя кровли новаго Іерусалима, окружившаго съ запада и сѣверо-запада зубчатую сарацинскую стѣну стараго, лежащаго на скрытомъ отъ насъ скатѣ къ востоку. Тутъ старикъ поднимается съ мѣста, становится лицомъ къ окну, закрываетъ глаза и быстро-быстро начинаетъ бормотать молитвы. Но голосъ его звучитъ такъ устало, такъ равнодушно! А вѣдь онъ какъ ребенокъ радовался въ Яффѣ, что сбылась его завѣтная мечта—побывать на закатѣ дней въ святой странѣ...

Мы уже на большой высотѣ, солнце стоитъ низко, поднялся вѣтеръ—и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при выходѣ изъ жаркаго вагона. Не дрожь ли горькаго разочарованія? Новый, но какой-то захолустный вокзалъ изъ сѣраго камня. Передъ вокзаломъ галдятъ оборванные извозчики—евреи и арабы. Дряхлый, гремящій всѣми винтами и гайками фаэтонъ, пара клячь въ дышлѣ... И въ то время, какъ сизый носильщикъ швыряетъ въ фаэтонъ наши чемоданы, старикъ вдругъ останавливается, по-дѣтски, ладонью наружу, закрываетъ глаза—и тихо плачетъ, покачивая шляпой.

II.

Вчера весь день бродилъ я по Іерусалиму, нынче объѣхалъ верхомъ вокругъ его стѣнъ и на закатѣ возвратился къ Западнымъ воротамъ.

Какъ груба и стара громада воротъ! Зубчатая сарацинская башня, въ упоръ освѣщенная низкимъ солнцемъ, точно вылита изъ потемнѣвшаго отъ времени желѣза. Небольшая площадь за воротами почти вся въ тѣни, падающей отъ нихъ и тяжелой цитадели Давида—высокаго каменнаго замка со рвами и бойницами, занятого турецкимъ гарнизономъ. Направо—нѣсколько европейскихъ домовъ, магазиновъ. Напротивъ—улица Давида: узкій, темный, крытый холстами и сводами ходъ между старыми-старыми мастерскими и лавками. Изъ него выныриваютъ навьюченные ослы, фески, женщины, съ головой завернутые въ покрывала, постукивающія деревянными скамеечками, замѣняющими здѣсь туфли... Вечерній свѣтъ, падающій между воротами и цитаделью на жерло этого хода, дѣлаетъ его совсѣмъ чернымъ. Какъ разъ возлѣ него—высокій, узкій домъ, нашъ отель. Спрыгнувъ съ лошади, я иду туда, гдѣ провожу всѣ гечера,—на крышу. Иду по внутреннимъ и наружнымъ лѣстницамъ, на одномъ поворотѣ приостанавливаюсь: направо, глубоко надо мной—громадный четырехугольный водоемъ пророка Іезекіи, полный темно-зеленой—теперь сверху лиловой—воды, среди стѣнъ, похожихъ на крѣпостныя, стѣнъ домовъ, слитыхъ воедино, съ рѣшетчатыми окошечками, пробитыми, какъ попало—и очень высоко и очень низко. И медленно, медленно спускается изъ одного такого окошечка кожанное ведро на веревкѣ..

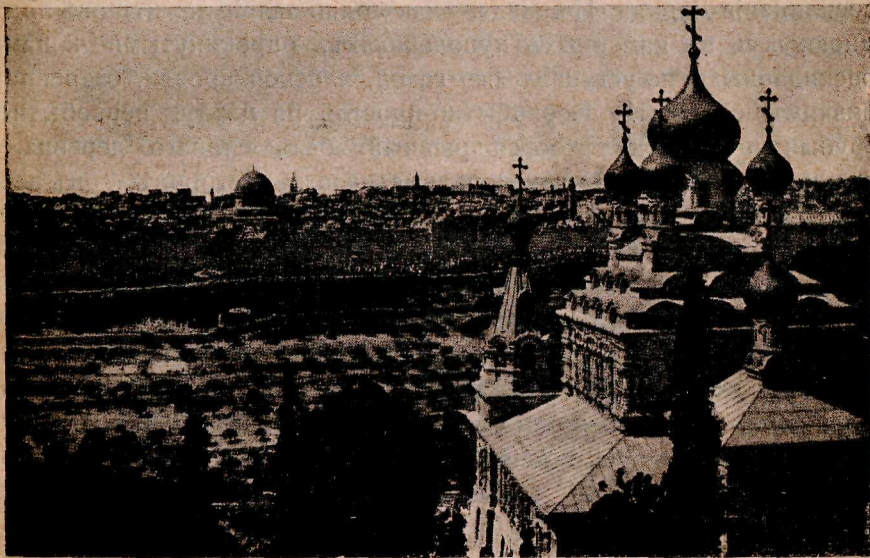
Солнце на закатѣ. Я выхожу на крышу, снимаю пробковый шлемъ,—и по головѣ моей дуетъ съ запада сильный прохладный вѣтеръ. Небо глубокое, блѣдно-синее, безъ единаго облачка. Я на темени Іудеи, среди волнистаго плоскогорья, лишь кое-гдѣ покрытаго скудной зеленью. Все—мягкаго, но очень опредѣленнаго сѣро-фіолетоваго тона. Застывшіе перевалы, впадины, глубокія долины, куполообразныя холмы... За мной, въ золотистомъ блескѣ заката—масленичныя рощи и раскиданныя по холмамъ зданія: католическіе пріюты, школы, госпитали, виллы. На сѣверѣ, на горизонтѣ—четкій известковый конусъ, гора Самуила. На югѣ, на скатахъ горъ—бѣлые поселки въ темно-зеленыхъ садахъ. Подо мною—скатъ на востокъ, а на немъ—сплошной, пло-

ской и голой кровлей желто-розоватаго цвѣта лежитъ каменная масса небольшого аравійскаго города, заключеннаго въ средне-вѣковыя стѣны и со всѣхъ сторонъ окруженнаго глубокими долинами, вѣрнѣе—оврагами. За восточнымъ оврагомъ, Кедронскимъ,—каменистая Элеонская гора, съ высокой колокольней на вершинѣ. За нею и той горой, что южнѣе,—горой Соблазна, волнистый сѣро-сизый скатъ къ долиинѣ Иордана и Мертваго моря, пустыня Иудейская. Море сказочно-яркой бирюзой налито въ южномъ концѣ долины. А за долиной и этой бирюзой—призрачная „стѣна міра“, стѣна сгустившагося нѣжно-фіолетоваго дыма: ровный и высокій хребетъ отъ вѣка таинственныхъ Моавитскихъ горъ.

„Иерусалимъ, устроенный какъ одно зданіе!“—вспоминаю я восклицаніе Давида. И правда,—какъ одно зданіе лежитъ онъ подь мною, весь въ каменныхъ купольчикахъ, опрокинутыми чашами раскиданныхъ по уступамъ его голой, плоской кровли, озаренной низкимъ солнцемъ. Первобытно-простой по цвѣту, первобытно-грубый по кладкѣ, тѣсно сплоченный, безъ единого дерева,—только одна старая высокая пальма на южной сторонѣ,—онъ весь заключенъ въ зубчатую толщу стѣнъ крестоносцевъ и кажется несокрушимымъ. Онъ, воспѣтый Давидомъ и Соломономъ, нѣкогда блиставшій золотомъ и мраморомъ, окруженный садами Пѣсни Пѣсней, нынѣ возвратился къ аравійской патриархальной нищетѣ. Стѣны и башни его—какъ гранитые dospѣхи, а онъ, уступами сходящій къ кремнистой ложбинѣ Кедрона, къ переполненной несмѣтными могилами Иосафатовой долиинѣ,—мѣсту Страшнаго Суда,—окруженный пустырями, нечистотами, падалью, кажется библейскимъ вретисцемъ, одѣвшимъ славный прахъ былого.

Надъ нимъ рѣдкіе минареты, двѣ-три католическихъ колокольни и рубчатый черно-синій куполь немного приземистой мечети Омара, занявшей мѣсто храма Соломона. Глубоко подо мной — древній водоемъ Іезекии, купальня Вирсави, плѣнившей красотою Давида. Когда же я поднимаю глаза, я вижу немного влѣво отъ себя, за водоемомъ, два тоже рубчатыхъ черно-синихъ купола. Это—главы тяжкихъ, вросшихъ въ землю храмовъ надъ Гробомъ и Голгофой, тѣсно сжатыхъ монастырскими пристройками, — греческими и латинскими, — и почти затерявшихся въ нихъ. Въ ясномъ воздухѣ необыкновенно близка кажется мечеть. А до купола Гроба просто хочется до-

тронуться. Тысячи черныхъ острокрылыхъ стрижей верезжать и носятся надъ этой каменной стариною. Солнце опускается, на покатую кровлю города падаетъ еле видный фіолетовый тонъ. Въ узкихъ, темныхъ норахъ и переходахъ, скрытыхъ этой кровлей, въ грязныхъ рядахъ сплошнаго базара замираетъ шумъ и говоръ торгова... Но, Боже мой!—неужели это правда, что вотъ именно здѣсь былъ распятъ Иисусъ? И неужели это надъ Его гробомъ блещетъ теперь въ полумракѣ византійскихъ сводовъ и подземелій языческое великолѣпіе несмѣтныхъ лампадъ, огромныхъ погребальныхъ свѣчей, золота и драгоценныхъ камней, стоитъ бальзамическій дымъ ладана, запахъ воска, кипариса, розовой воды—и надгробное рыданіе, длящееся уже двѣ тысячи лѣтъ?

Іерусалимъ. Видъ съ Масличной горы.

Это рыданіе надъ Христомъ каменно-золотыхъ, большеглазыхъ мозаикъ Византіи, надъ Христомъ коронованныхъ и окровавленныхъ распятій Рима!

Вотъ съ какой-то католической башни одинокій и звонкій колоколь бьетъ семь. Когда замираетъ его послѣдній звукъ въ чистомъ, вечернемъ воздухѣ, издалека - издалека раздается грустный сильный альтъ, призывающій къ смиренному прославленію Бога за мирно угасшій день. Вѣтеръ съ запада, холодный. Солнце

скрылось. На старый городъ и на всю Иудею пала легкая пепельная тѣнь. Но еще четко все, особенно холмъ Самуила на сѣверѣ. Моавитскія горы—какъ южное море въ туманѣ. Но уже блекнетъ сѣро-сиреневая пустыня Іоанна. Сухо-блѣдно-сине небо Пепель, павшій на городъ, становится розо-сизымъ. И все какъ пастель. Вѣтеръ колеблетъ султанъ пальмы...

Я оборачиваюсь—мутно-лиловыя легкія облака плывутъ по блѣдно-алому закату. Выше заката неба точно нѣтъ: есть только что-то бездонное, зеленоватое, прозрачное... Потомъ снова гляжу на востокъ,—и меня уже слѣпить печальная тѣма быстро набѣгающей ночи. Внизу стучать, поспѣшно закрывая лавки. Жизнь замираетъ, прячется въ свои норы. Сумрачны стали купола мечети и Гроба. Темнымъ, ветхозавѣтнымъ богомъ повѣяло въ оврагахъ и провалахъ вокругъ нищихъ останковъ великаго города... Или нѣтъ,—даже и ветхозавѣтнаго бога уже нѣтъ здѣсь. Есть только вѣянье смерти, завладѣвшей пустырями и царскими гробницами, подземными тайниками съ ихъ гулками сводами, рвами и оврагами, полными погребальныхъ пещеръ да костей всѣхъ племень и народовъ. Ветхозавѣтный богъ давно покинулъ и народъ свой и страну свою. Мѣсто могилы Іисуса задавлено чернокупольными храмами. И сама мечеть, великолѣпная мечеть Омара похожа теперь на черный шатеръ какого-то уже давно почившаго завоевателя. И мрачно висится возлѣ нея нѣсколько исполинскихъ кипарисовъ...

„Се оставляется вамъ домъ сей пусть...“

III.

На Сіонѣ, за гробницей Давида видѣлъ я провалившуюся могилу, всю заросшую макомъ. Его въ Иудеѣ больше, чѣмъ травы. И вся Иудея—какъ эта могила, такая старая, что давно-давно пора забыть о погребенныхъ въ ней.

Я былъ въ Виѳлеемѣ и Хевронѣ. Путь до Виѳлеема самый живой изъ всѣхъ Іудейскихъ путей. Спустиась въ долину Гигонкую, онъ направляется къ югу и начинаетъ подниматься сперва мимо горы Злого Совѣщанія, потомъ по широкой и волнистой равнинѣ Реваимовъ. На скатахъ горы были въ древности сплошные сады царей и царедворцевъ; сады, каналы и цистерны были и на равнинѣ. Веселы и теперь эти мѣста. И когда я ѣхалъ, въ жаркомъ блескѣ утренняго солнца и золотисто-синяго воздуха тонули горы и долины на востокъ, горячо было бѣлое шоссе,

ярко зеленѣли посѣвы по красноватымъ переваламъ, въ садахъ миссій ворковали дикіе голуби. И вспоминались сады и виноградники Соломона, опаленная солнцемъ дѣвочка, съ трепетомъ ожидавшая на виноградникахъ возлюбленнаго, прятавшаяся отъ прохожихъ подъ зелеными лозами, просвѣчивающими на солнцѣ, припадавшая къ горячему суглинку въ сквозной тѣни. Все цвѣло и благоухало вокругъ нея, распаленнымъ золотомъ млѣли въ знойной дали кровли дворцовъ и храма. И каждый день доносился оттуда къ этой босой дѣвочкѣ, какъ виноградъ наливавшейся виномъ жизни, голосъ милаго:

— Цвѣты показалиcя на землѣ; время пѣнія настало и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей... Встань, возлюбленная моя! Выйдемъ въ поле, побудемъ въ селахъ; поутру пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустились ли виноградныя лозы, расцвѣли ли гранатныя яблони!

Какъ голосъ Жениха Христа, обращенный къ Невѣстѣ-Церкви, понимала древняя церковь этотъ сладкій весенній зовъ: „Встань, возлюбленная моя!“ Но если такъ,—не ко всей ли землѣ обращенъ этотъ зовъ?

По пути въ Виѳлеемъ зеленѣли тѣ сады, гдѣ, по апокрифамъ. деревья опускали цвѣты долу, воды цистернъ выходили изъ краевъ и на всѣхъ вѣтвяхъ пѣли птицы, привѣтствуя проходящую съ Младенцемъ на рукахъ Марію... Когда же пойметъ земля всю мудрость тѣхъ весеннихъ легендъ, въ которыхъ сочетала она столько красоты и радости съ Его дѣтствомъ и юностью, сдѣлавъ Его самаго частью вселенской красоты? Виѳлеемъ—это сама жизнь, воздухъ, солнце, плодородіе; его тѣсно насыпанные по полямъ палевые кубы смотрятъ на востокъ, на солнечно-мглистыя дали Моавитскихъ горъ, отъ которыхъ нѣкогда пришла кроткая праматерь Давида, Руѡ... Черна отъ крови средневѣковая, да и новая лѣтопись Виѳлеема, несмѣтными костями отшельниковъ полны пещеры возлѣ него... И все же съ радостью вспоминаешь о немъ.

Но за Виѳлеемомъ—пустыня. Цѣлый день видишь только глинистыя ковриги горъ, усѣянныя круглыми голышами, и каменистыя широкія котловины между ними. Изрѣдка встрѣчаешь еле воздѣланные участки, тощіе посѣвы... А вѣдь эта ржавая земля, перемѣшанная со щебнемъ,—вѣдь это и есть Страна Обѣтованная, страна, что родитъ теперь больше всего опять-таки—маку! какъ будто фіолетово-красныя озера, стоятъ въ долинахъ среди горъ

усыпанныхъ голышами. Какъ будто сперва кровавый, а потомъ каменный ливень прошелъ по этой странѣ. И ни души кругомъ.

Водоемы Соломона! Я ждалъ ихъ съ волненіемъ—и вотъ увидѣлъ, наконецъ, пустынную долину. Возлѣ горъ налѣво—руины зубчатой крѣпости Саладина, а за ней, еще лѣвѣе, открылся входъ въ новую глухую и мертвую долину. Путь къ Хеврону—на югъ, а она, понижаясь, идетъ къ востоку. И уступами лежатъ въ ней три гигантскихъ квадратныхъ цистерны. Первая пуста: сухая каменная бездна. Во второй половинѣ покатаго дна чуть прикрыта бирюзовой водой. Въ третьей покрыто все дно. Густые, зеленые кудри дикаго плюща виснуть со стѣнъ. Сквозь нихъ шелковисто и дремотно шумятъ въ тишинѣ серебристые каскады. И заунывно-равнодушно наигрываетъ на плакучей свирѣли мимо проходящей пастухъ, зорко поглядывая на черныхъ козъ, разсыпанныхъ среди голышей по крутымъ обрывамъ горъ. Маленькое, совсѣмъ черное лицо, женственно обрамленное шерстянымъ платкомъ подъ двойнымъ шерстянымъ обручемъ. Маленькая вьющаяся бородка. Огненные глаза. Голыя, тонкія берца, грубые бедуинскіе башмаки. На гибкое, худое тѣло надѣта бѣлая рубаха до колѣнъ, подпоясанная платкомъ. На плечи накинута траурная шерстяная хламида—бѣлая въ черныхъ полосахъ. За плечами—кремневое ружье... Совсѣмъ, совсѣмъ не о Соломонѣ напоминаетъ этотъ потомокъ Измаила и Агари! Жизнь совершила огромный кругъ, создала на этой землѣ великія царства и, разрушивъ, истребивъ ихъ, вернулась къ первобытной нищетѣ и простотѣ...

Передъ вечеромъ видѣлъ я еще одинъ слѣдъ Іудей. Ъхали мы опять по долинѣ, и проводникъ указалъ мнѣ на пещеру у подошвы холма—на „пещеру Іереміа“. Я свернулъ къ ней. Вечеръ былъ мирный, съ нѣжно синѣющими далями,—лѣтній вечеръ на югѣ Россіи. Возлѣ пещеры цвѣлъ кустъ дикаго шиповника. Стрѣлой вылетѣлъ изъ нея шакалъ, мелькнулъ лисьимъ хвостомъ и, вскочивъ на пригорокъ, сѣлъ и наострилъ уши. На землѣ, при входѣ, закопченномъ дымомъ, валялись пестренькія крылышки съѣденной совки... И глубокая-глубокая тишина покоилась надъ безграничной пустыней вокругъ.

Подъ Хеврономъ холмы живописнѣе. Всѣ они опоясаны рядами террасъ, на которыхъ зеленѣютъ старые дубы, сѣрѣютъ старыя оливы, лежатъ толстыя лозы ползучаго ханаанскаго винограда. Но чувствуется одно: приближаясь къ первой столицѣ Іудейскаго царства, все болѣе и болѣе углубляешься въ страну

ветхозавѣтныхъ кочевниковъ. Повстрѣчался караванъ. Медленно двигались высокіе грязно-сѣрые дромадеры, важно выгнувъ свои тонкія шеи, откинувъ маленькія головки съ умными глазами и показывая большія продольныя ноздри. Сонно качались на нихъ черныя, безобразныя измаильтянки въ лохмотьяхъ, съ полуголыми дѣтьми у тощихъ грудей. Нѣсколько черныхъ, оборванныхъ разбойниковъ шло сзади... И опять шевельнулась мысль: при чемъ тутъ царство Іудейское?

А Хевронъ—это дикое мусульманское гнѣздо, сѣрый каменный поселокъ въ узкой Долинѣ Возлюбленнаго. Базарная улочка его стара и грязна несказанно. Пройдя ее, поворачиваешь, поднимаешься на взгорье. Тамъ, въ кварталѣ Святилища, стоитъ нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, гдѣ почіютъ Авраамъ и Сарра—прахъ, равно священный христіанамъ, мусульманамъ и іудеямъ. Но владыки здѣсь мусульмане. И ни христіанинъ, ни іудей не смѣютъ проникнуть даже за порогъ Святилища. Мальчишки швыряютъ камнями въ подходящихъ къ нему поклонниковъ, травятъ ихъ собаками.

Въ Греціи, Римѣ, Египтѣ историческая жизнь почти не прерывалась. Грозныя царства Ветхаго Завѣта, сотрясавшія землю своими походными колесницами, въ гимнахъ уподоблявшія своихъ вождей быкамъ и носорогамъ, ветхозавѣтно и гибли,—поражая народы мистическимъ ужасомъ, неотвратимостью рока, ненасытностью Іеговы. „И заростали дворцы ихъ колючими растеніями, крапивою и репейникомъ—твердыни ихъ; и были они жилищемъ шакаловъ, пристанищемъ страусовъ; и звѣри пустыни встрѣчались въ нихъ съ дикими кошками, и демоны перекликались другъ съ другомъ“. Но мѣшало ли это возникновенію среди развалинъ новыхъ царствъ?

Не то было въ Іудеѣ.

Въ мірѣ нѣтъ страны съ болѣе сложнымъ и кровавымъ прошлымъ, какъ нѣтъ книгъ ужаснѣе воплей пророковъ. Въ спискахъ древнихъ царствъ нѣтъ, кажется, царства, не предавашаго Іудею легендарнымъ бѣдствіямъ. Но въ Ветхомъ Завѣтѣ Іудея все же была частью историческаго міра. Въ Новомъ она стала уже пустошью, той великой пустошью, засѣянной костями, что могла сравниться съ полемъ мертвыхъ въ страшномъ снѣ Іезекіиля. Есть преданіе, что ея необозримыя развалины ужаснули самого Адриана. Потомъ развалины эти заросли сорными травами одичали, заглохли... „И пастухи со стадами своими приступили къ Сіону, раскинули палатки вокругъ него...“

Прослѣдить, что происходило въ растущей и ломающейся человѣческой душѣ, готовившейся къ воплощенію новаго бога,—виѣ человѣческихъ силъ. Невыразимое напряженіе силъ, бывшее передъ таинствомъ этихъ смертельныхъ родовъ. Ироду выпала тяжкая доля спасти міръ отъ его собственнаго чада, Іудеѣ—часъ послѣднихъ мученій. Въ агоніи она пыталась задушить Дитя и опять воспрянуть къ жизни. Тогда въ бѣшенствѣ кинулись добивать ее. Что Навуходоносоръ передъ Титомъ или Адріаномъ! Навуходоносоръ „пахалъ Сіонъ“. Титъ выше стѣнъ загрозилъ его трупами. Приближеніе его было приближеніемъ воинства Сатанаила. Тучи сгустились, спустились надъ храмомъ Соломона, и въ гробовомъ молчаніи сами собой распахнулись бронзовыя двери его, выпуская воинство Іеговы. „Мы уходимъ!“—сказалъ Іудеѣ невѣдомый голосъ. А при Адріанѣ внезапно распалась гробница Давида и „волки и гіены съ воемъ появились на улицахъ пустыннаго Іерусалима“. То былъ знакъ близкаго возмездія за послѣднее отчаянное возстаніе іудеевъ, перебившихъ на Кипрѣ около трехсотъ тысячъ язычниковъ, въ ветхозавѣтной ярости пожиравшихъ мясо убитыхъ, сдиравшихъ съ нихъ кожу на одежды... И чудовищно было это возмездіе!

Оно было исполненіемъ пророчествъ. Да замретъ въ Іудеѣ „голосъ торжества и голосъ веселія, голосъ жениха и голосъ невѣсты!“ Да не останется камня на камнѣ отъ великаго, стократно погибавшаго въ пламени Города Мира! Ибо на долгій, долгій срокъ земля его, вся пропитанная кровью, должна была „стать терномъ и волчцами“. Былъ и отдыхъ ей нуженъ!

Жить обычной жизнью послѣ всего того страшнаго, что совершилось, Палестина не могла. Снова и снова вторгались въ тишину ея завоеватели чуть не всѣхъ народовъ Востока и Запада. Но поле мертвыхъ такъ и оставалось полемъ мертвыхъ. Рать за ратью гибло на немъ и несмѣтное „воинство Христово“. Покорить Іисусу враговъ Его избіеніемъ ихъ, новыми опустошеніями и новыми кровопролитіями, стоять у гроба Его съ обнаженнымъ мечомъ—это было безуміемъ. Вернуть трижды мертвую страну къ жизни, исторгнуть ее изъ ея священнаго заустѣнія—кошунствомъ. Пусть исчезнетъ съ лица ея память о прошломъ. Пусть истлѣютъ несмѣтныя кости, покроются макомъ могилы. Пусть отдохнетъ она въ тысячелѣтнемъ забвеніи и возвратится ко днямъ патріарховъ...

И она возвратилась.

IV.

Утро въ Іерусалимѣ свѣжо и ясно, день зноенъ.

Открывъ глаза, почему-то съ особенной радостью увидалъ я нынче, изъ-подъ кисейнаго балдахина, полуоткрытое окно своей холодной каменной комнаты. На аршинъ отъ окна—высокая, желтоватая стѣна сосѣдняго дома. Ранній солнечный свѣтъ золотитъ ее, заглядываетъ ко мнѣ. Гдѣ-то внизу по-деревенски блещетъ коза, гдѣ-то вверху раздаются звонкіе голоса дѣтей, собирающихся въ школу. Вдали, на базарахъ, восторженно рыдаетъ осель.

Холодно и на крышѣ, но ослѣпительное солнце, только-что поднявшееся изъ-за Моавитскихъ горъ, надъ долинами, затопленными свѣтлымъ паромъ, уже пригрѣваетъ одежду, руки. Прянь утренній запахъ тлѣющаго на очагахъ кизяка—его горячаго дыма, выходящаго изъ трубъ прозрачнымъ, дрожащимъ. Въ тишинѣ слышенъ плескъ бурдюковъ, опускаемыхъ изъ оконъ въ зеленую воду водоема, еще полного густой тѣни; слышенъ зычный крикъ босыхъ зеленщиковъ и водоносовъ, бѣгущихъ по крытымъ улочкамъ базаровъ, говоръ и дробный стукъ копытъ на площади возлѣ цитадели. Весело верезжать и несутся несмѣтные стрижи надъ розово-желтой кровлей города, надъ ея опрокинутыми каменными и глиняными чашами и вокругъ чернаго купола Гроба. Жарко блещетъ полумѣсяцъ на великолѣпной мечети Омара, такой одинокой среди окрестной старины и бѣдности. Но небо еще свѣжо и ясно. Пальма на южной сторонѣ города и далекая гора Самуила на сѣверѣ подчеркиваютъ прозрачность воздуха.

Стукъ копытъ—это приводятъ лошадей для туристовъ и паломниковъ-европейцевъ. Европейцы живутъ по отелямъ, католическимъ и протестантскимъ миссіямъ, осматриваютъ святыни почтительно и спокойно. А говоръ—это говоръ русскихъ мужиковъ и польскихъ евреевъ, идущихъ плакать. Одни будутъ лить слезы у Гроба, другіе— у Стѣны Плача, уцѣлѣвшей отъ храма Іеговы. Русскіе живутъ въ скучныхъ казенныхъ корпусахъ Православнаго Общества за Западными воротами, убивая время ѣдой, перебранками, хожденіемъ ко Гробу, въ Виѳлеемъ, на Іордань—и просто по базарамъ: тамъ они приторговываются и къ луку, и къ картофелю, и къ четкамъ, и къ лубочнымъ аѳонскимъ картинамъ, безъ даже малѣйшаго намѣренія купить хоть на копейку. А евреи ютятся въ труппахъ южнаго квартала, бѣгаютъ по род-

нымъ и знакомымъ, съ жадностью ловятъ вѣсти о своихъ палестинскихъ колоніяхъ—и плачутъ у останковъ древняго Сіона, нарядившись въ бархатные халаты и польскія шапки изъ остистаго собачьяго мѣха, подъ которыми видны на затылкахъ ермолки а на вискахъ—огромные завитки.

Всѣ тѣ, что спѣшатъ къ мечети Омара, Стѣнѣ Плача или просто на базары, неминуюемо должны пройти по улицѣ Давида. Въ этомъ длинномъ каменномъ коридорѣ, уступами спускающемся подъ уклонъ, въ этихъ тѣсныхъ и пахучихъ рядахъ стараго Востока течетъ непрерывная рѣка—ословъ, патеровъ, имамовъ, верблюдовъ, женщинъ, турецкихъ солдатъ, бедуиновъ и паломниковъ всѣхъ исповѣданій. Своды, холсты и цыновки дѣлаютъ его тѣнистымъ, но въ промежутки между ними видно яркое небо, пыльно-золотистыми столбами прорѣзывается солнце, и даже въ тѣни чувствуешь, какъ быстро приближается жаркое палестинское утро. Вотъ серебромъ блеснули въ этой живой солнечной полосѣ двѣ бѣлыя женскія фигуры; вотъ, напомнивъ, Яффу, промелькнулъ въ ней старикъ, курчаво-сѣдой, черно-сизый, съ толстыми губами и блестящими глазами, съ голыми, тонкими берцами и раскрытой грудью, подъ чернымъ платкомъ и въ пастушеской пѣгой хламидѣ; вотъ ярко озаренный уголь какого-то вросшаго въ землю дома, сложеннаго изъ обломковъ дикаго камня и древне-еврейскаго, мрамора, съ травой на карнизѣ—надъ входомъ въ мясную лавку... Все сильнѣе и радостнѣе чувствуется близость къ какому-то далекому радостному утру въ дни молодости Иисуса...

Съ улицы Давида переулочки ведутъ и вправо и влѣво, среди лавокъ съ крестиками, образками, иконками. Наконецъ—калитка въ каменной оградѣ, а за ней—каменный дворъ, полный жаркаго солнца, подъ яркимъ голубымъ небомъ, стиснутый сросшимися стѣнами арабскихъ жилищъ, греческихъ и латинскихъ келій, минарета, католической колокольни и самаго храма. Мраморная паперть занята торговцами, разложившими на ней все тѣ же кипарисные и перламутровые крестики, четки и раковинки... И этотъ дворъ, храмъ—это-то и есть „Юдоль Мертвыхъ, плача и предградія“. Нѣкогда она лежала внѣ городскихъ стѣнъ, была пустошью, служила для свалки нечистотъ и мусора, для позорнѣйшей казни и сжиганія казненныхъ. Потомъ стала величайшей святыней міра—святыней, къ которой не разъ приходили „по колѣно въ крови, но съ пѣніемъ псалмовъ и съ вайями въ ру-

кахъ“. И владѣли ею то Римъ, поставившій надъ могилой Распя-
таго храмъ Венеры, то Византія, то Хозрой, то Омаръ, то Гот-
фридъ, то султаны Стамбула. Думалъ ли Онъ, говорившій съ
такой радостью о птицахъ небесныхъ и лиліяхъ полевыхъ, что
распнуть Его со злодѣями въ этой юдоли смерти, истребятъ ради
имени Его мириады душъ и воздвигнуть на мѣстѣ воскресенія
Его этотъ храмъ?

Фасадъ храма сѣръ и тяжелъ. Входы—въ большихъ глубо-
кихъ сводахъ, украшенныхъ обветшалыми барельефами. Одинъ
грубо заложенъ камнями. Другой широко зіяетъ темнотой, усѣян-
ной цвѣтными огоньками лампадъ. Два старинныхъ рѣшетчатыхъ
окна во второмъ ярусѣ слишкомъ малы, незамѣтны, по сравне-
нію съ фасадомъ. И фасадъ кажется частью слѣпой крѣпостной
стѣны... Толпой выходятъ изъ храма русскіе мужики и бабы,
оборачиваются, кланяются до земли и, встряхнувъ волосами, взды-
хая и вытирая лапами заплаканные глаза, идутъ шататься по
базарамъ... Злорадно верезжать и черными стрѣлами носятся
вокругъ горячо нагрѣтыхъ стѣнъ стрижи... Снисходительно-лас-
ково, притворно-сердито воркуютъ голуби, прижавшись на вы-
ступѣ карниза...

Но въ порталѣ на широкихъ нарахъ курятъ, пристально
глядя на шахматы, турецкіе солдаты. Дальше—сумракъ перваго
притвора и среди исполинскихъ погребальныхъ свѣчей, на низкомъ
помостѣ, подъ балдахиномъ, увѣшаннымъ дорогими разноцвѣт-
ными лампадами,—желто-розовая плита: Камень Помазанія. На-
лѣво—ротонда подъ колоссальнымъ несведеннымъ куполомъ,
дѣтски расписаннымъ облаками, лазурью, ангелами. Посреди—
часовня песочнаго мрамора, вся въ блестящихъ окладахъ и горя-
щихъ лампадахъ. У входа—разноцвѣтная свѣчи, перевитыя су-
сальнымъ золотомъ, выше роста человѣческаго... Вотъ онъ, этотъ
жуткій погребальный Вертепъ, такой тѣсный, что въ немъ трудно
вернуться, и настолько залитый свѣтомъ, что въ немъ слѣпнешь
и не сразу разглядишь у стѣны направо низкую лежаночку изъ
мрамора! А къ ней-то и текутъ со всего міра, ее-то и кропятъ
ежечасно розовой водой, надъ ней-то и пылаютъ пятьдесятъ
драгоценныхъ лампадъ и цѣлые костры восковыхъ свѣчей...

Послѣ жара и блеска Вертепа, сумрачно кажется въ ротондѣ.
Тутъ съ утра до вечера—сплошной крестный ходъ, давка, слезы,
рыданія, служба на всѣхъ языкахъ. Служать и въ греческомъ
соборѣ, рядомъ, и въ католическихъ придѣлахъ, и на Голгоѣ—

маленькомъ темномъ алтарѣ, куда поднимаются изъ преддверія ротонды по мраморной лѣстницѣ. Служать и въ дальнихъ подземныхъ храмахъ, гдѣ стоитъ вѣчная ночь, мракъ, озаренный лампадами, и холодокъ могилы... И всюду золото, иконостасы, драгоценные камни, образа всѣхъ временъ и всяческаго письма, ладанъ, Распятія, статуи Мадонны въ коронѣ, въ порфирѣ, съ сердцемъ, пронзеннымъ мечомъ... „На горѣ сей пьютъ радость, пьютъ вино!“

Но еще болѣе горькая радость—у Стѣны Плача, у останковъ святилища Іеговы.

Если не свернешь съ улицы Давида къ Голгоѣ и пройдеши немного ниже, невольно свернешь вправо, въ узенькіе и жаркіе трущобные ходы, что уступами приводятъ въ глухой длинный закоулокъ. Съ трехъ сторонъ замыкаютъ его стѣны каменныхъ домовъ и домишекъ. Съ четвертой,—если стать лицомъ къ востоку,—громадная крѣпостная стѣна: Стѣна Плача, остатокъ укрѣпленій вокругъ храма Соломона, а теперъ часть стѣнъ вокругъ мечети Омара.

По утрамъ здѣсь тѣнь. Зеленъ нѣсколькихъ акацій радуется глаза, отвыкшіе отъ зелени. Радостными синими глазами глядитъ сверху небо. Но подъ стѣной, подъ ея золотистыми камнями, отшлифованными мириадами устъ, стоитъ немолчный стонъ, дрожащій, гнусавый вой, жалобный ропотъ и говоръ. Онъ то замираетъ, то возрастаетъ; то сливается въ нестройный хоръ, то дѣлится на выкрики. Женщины, накрытыя шелковыми шальями, приклоняютъ къ стѣнѣ головы и бормочутъ ей свои жалобы покорно и несмѣло. Мужчины, прижавшись къ ней лѣвымъ плечомъ, держатъ въ лѣвой рукѣ старинные молитвенники, а правую простираютъ къ верхнимъ камнямъ. Они быстро-быстро читаютъ, выкрикиваютъ какія-то заклинанія и страстно молятъ, ищутъ кого-то въ небѣ. Они въ отчаяніи опускаютъ вѣки, поднимаютъ брови и, стоная, раскачиваются... И вдругъ оживаютъ, раскрываютъ заблестѣвшіе глаза... И въ то время, какъ одни хватаются за головы, топаютъ ногами и рыдаютъ, другіе жадно покрываютъ поцѣлуями стѣну, съ восторженными воплями подскакиваютъ и бьютъ въ ладоши...

Сколько здѣсь круглоликихъ, огнеглазыхъ юношей съ черносиними пейсами, въ одеждахъ испанскихъ евреевъ, и тонконогихъ, худосочныхъ старцевъ, точно сбѣжавшихъ изъ долины Іосафата! Лица ихъ блѣдны, какъ смерть, головы закинута, большія вы-

пухлыя вѣки сомкнуты, крутые, сѣрые пейсы и бѣлыя длинныя бороды трясутся. Страшно то, что эти библейскіе покойники наряжены—въ новыя мѣховыя шапки свѣрхъ ермолокъ и въ алые бархатныя халаты, которые, распахиваясь, открываютъ жидкія ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и погребальныхъ туфляхъ. Но еще страшнѣе, когда они, на вечернихъ литаніяхъ въ пятницу, соединяють свои дрожащіе голоса въ одинъ мучительный вопль, отвѣчая предстоящему.

— Ради чертоговъ покинутыхъ!—скорбнымъ теноромъ восклицаетъ предстоящій.

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!—жалобно, фальцетами вскрикиваютъ старики.

— Ради чертоговъ разрушенныхъ...

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!

— Ради стѣнъ ниспровергнутыхъ...

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!

— Молимъ Тебя, умилосердись надъ Сіономъ—запѣваетъ предстоящій.

— Собери часть Іерусалима!—подхватываютъ старики.

— Поспѣши, поспѣши, Искупитель!

— Возрадуй сердце Іерусалима!

— Да воцарится на Сіонѣ миръ и радость!

— И опять расцвѣтаетъ жезль Іессея!

Но уже никогда, никогда не расцвѣсти ему снова ветхозавѣтными цвѣтами! И какъ могла забыть земля о томъ незабвенномъ утрѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда вошелъ Отрокъ въ Назаретскую синагогу?

„Ему подали книгу пророка Исаи; и Онъ, раскрывъ ее, нашель мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдовать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу“...

V.

Мечеть Омара, такая сумрачная и тяжелая вечеромъ, неузнаваема утромъ. Она цвѣтетъ надъ нищей и нагой Іудеей во всемъ богатствѣ и великолѣпіи своихъ палевыхъ кафель, голубыхъ фаянсовъ, черно-синяго купола, мраморнаго двора, занявшаго почти двадцать десятинъ, и тысячелѣтнихъ кипарисовъ.

Даже изъ-за Мертваго моря, съ первыхъ уступовъ Моава видна она. Въ знойномъ просторѣ открываются огнемъ горящія на югѣ и теряющіяся въ блескѣ неба и солнца воды, поглотившія Содомъ и Гоморру: за ними—таинственная свѣтоносная Аравія. На сѣверѣ, въ глубинѣ безконечныхъ извилистыхъ долинъ исчезаетъ Иорданъ, пролагающій свой узкій путь среди сѣро-блестящихъ песковъ и тропическихъ кустарниковъ. Напротивъ, на западѣ, за низменностью этихъ долинъ, гдѣ Иорданъ сливается съ Мертвымъ моремъ,—Иерихонъ. Маленькимъ оазомъ темнѣетъ онъ въ пустынѣ, у слоистаго подножья Иудейскихъ горъ. Выше, среди ихъ голыхъ желто-сѣрыхъ переваловъ и впадинъ, какъ модель аравійской крѣпости, лежитъ Иерусалимъ—и тускло блестятъ надъ нимъ купола мечети и Гроба. И отъ Аравіи, изъ-за Иордана, съ морскихъ побережій—отовсюду стекаются къ стѣнамъ и святынямъ этой крѣпости пути поклонниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Мечеть—первая Кебла Ислама. Самъ пророкъ заповѣдалъ молиться, обратясь лицомъ къ камню Моріа, нынѣ покрытому ею,—Мекка позднѣе, уже послѣ его смерти, стала Кеблей. И „пилигримъ, вступившій за Священную Ограду и поклонившійся Камню, одинъ получаетъ награду, равную награждѣ тысячи мучениковъ, ибо здѣсь молитвы его такъ близки къ Богу, какъ если бы онъ молился на небѣ...“

Сожженный зноемъ Мертваго моря, возвратился я въ Иерусалимъ—и послѣднимъ даромъ его была красота „Несравненной“ мечети.

Черномазый арабъ-часовой, въ фескѣ и синей турецкой формѣ, съ карабиномъ на плечѣ, медленно бродилъ возлѣ старыхъ крѣпостныхъ воротъ, когда мы, спустясь по улицѣ Давида, несмѣло остановились возлѣ нихъ. Еще очень недавно великихъ трудовъ стоило не только войти, но даже заглянуть во дворъ Святилища, а сто лѣтъ тому назадъ за это платили жизнью. Теперь часовой только покосилъ своими голубоватыми бѣлками съ кровавыми жилками, только блеснулъ огненно-чернымъ зрачкомъ.

Близился полдень, страннымъ, металлическимъ свѣтомъ блистали въ пролеты длинной, отдѣльно стоящей прямо противъ воротъ колоннады грани огромнаго храма, вознесеннаго на длинную мраморную площадь-помость и казавшагося еще огромнѣе среди ослѣпительно-бѣлаго каменнаго двора. Два-три древнихъ кипариса сторожами стояли возлѣ самаго храма. Нѣсколько ветхозавѣтныхъ оливъ раскидывались тамъ и сямъ сво-

ими серебристо-пыльными купами надъ плитами, проросшими тонкою блѣдно-зеленой травой. Мавританскіе кіоски, фонтаны, вышки рѣзныхъ каедръ оживляли дворъ. Подъ одной изъ оливъ, прямо, по-женски, вытянувъ ноги, сидѣли двѣ благочестивыя мусульманки, закутанныя въ легкія блѣдно-розовыя покрывала. Голуби, трепеща и свистя крыльями, падали порою на горячія ступени помоста... Но казалось, что уже давно-давно не ступала въ этомъ свѣтломъ и тихомъ дворѣ нога человѣческая, — что въ какомъ-то заповѣдномъ царствѣ растутъ эти черныя картинныя деревья и блистаютъ чистотой эти каменные плиты, эти мертвенно-изящныя кіоски и эта длинная крытая колоннада, стоявшая передъ нами какъ бы триумфальнымъ порталомъ священной паперти-помоста. И мертвенно-четки были линіи, мертвенно-холодно сіяли вѣчно-свѣжія краски храма, возвышавшагося въ своемъ азіатскомъ великолѣпіи среди свѣта и зноя, подъ слегка аспиднымъ аравійскимъ небомъ.

Храмъ царитъ надо всѣмъ, что вокругъ него, и весь на фонѣ этого неба. Его длинный восьмиугольникъ, весь изъ золотистыхъ мраморовъ, и его нѣжно-лазурный барабанъ, поддерживающій куполь, все это немного приземисто по сравненію съ величиной темно-синяго свинцоваго полушарія, рубчатого сарацинскаго купола, увѣчаннаго необычно большимъ, трехаршиннымъ золотымъ серпомъ луны съ соединяющимся острыми концами. По-аравійски сумрачная вверху, по-дамасски блистающая инкрустациями снизу, мечеть рѣзко глядитъ въ пролеты колоннады, сквозной стѣной стоящей на верхней ступени широкой, пологой лѣстницы.

По ней и мы поднялись на помостъ. И тогда мечеть еще ослѣпительнѣе предстала передъ нами своей громадой въ чистомъ, жаркомъ воздухѣ. Почти правильная полусфера купола чуть-чуть заострена на вершинѣ, чуть-чуть вогнута у основанія — и кажется легче. Верхній карнизъ барабана и пространство между его окнами — все въ лазурныхъ и бѣлыхъ маіоликахъ, испещренныхъ золотою вязью кувическихъ надписей. Широкая, блистающая полировкой лента бѣлыхъ и лазурныхъ изразцовъ, тоже вся въ золотой вязи, идетъ и надъ большими полукруглыми окнами по стѣнѣ самаго восьмиугольника.

Худой живоглазый мулла быстро распахнулъ дверь, и, разутые, скользя по желтымъ камышевымъ циновкамъ, вступили мы въ прохладу и сумракъ, слабо озаренный голубымъ и розовымъ

свѣтомъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Стѣны и здѣсь выложены мраморами. Позолотой покрытъ покато-плоскій потолокъ, соединяющій ихъ съ барабаномъ подъ куполомъ. „Что это кажется страннымъ въ этой мечети?“—думалъ я, пока глаза мои привыкали къ ея полусвѣту. И наконецъ понялъ: ахъ, то, что нѣтъ въ ней обычнаго простора!

Простора нѣтъ потому, что стоитъ въ ней восьмиугольная колоннада: восемь широкихъ столповъ и шестнадцать колоннъ, соединенныхъ архитравомъ. Пролеты между ними—арками. Какъ старинная парча, покрываютъ эти столпы и архитравъ блеклая зелень, матовое серебро и золото мозаики, переносящей мысль къ Византіи. Византійскими капителями увѣнчаны и колонны.

Но мало того: за этой аркадой высится вторая—кругъ изъ четырехъ столповъ и двѣнадцати колоннъ, поддерживающій барабанъ съ куполомъ, кругъ яшмовыхъ и порфировыхъ колоннъ—наслѣдіе Соломона и Адриана. И уже совсѣмъ загромождаеть мечеть, совсѣмъ необычно то, что съ великимъ изумленіемъ видишь въ этомъ кругѣ, за этими колоннами, соединенными неvyšокой бронзовой рѣшеткой: подъ зеленымъ шелковымъ балдахинномъ, нарушая всякое человѣческое представленіе о всякой человѣческой постройкѣ, тяжело и грубо чернѣеть дикая морщинистая глыба гигантскаго камня! Куполь высланъ внутри той же матовой, зелено-золотой парчой мозаики. Сказочно-разноцвѣтное сіяніе льютъ, рубиновыя, сапфировыя, топазовыя стекла. Неясно блистаетъ весь храмъ мраморами и загорающимися гранями хрустала на несмѣтныхъ люстрахъ. Тонкимъ ароматомъ кипариса и розовой воды напоенъ прохладный сумракъ... Зачѣмъ же такъ первобытно вторглась въ этотъ божественный молитвенный чертогъ сама природа?

Талмудъ говоритъ: „Камень Морія, скала, на который первый человѣкъ принесъ первую жертву Богу, — средоточіе міра. Скалу Морія, что была покрыта нѣкогда храмомъ Соломона, а нынѣ хранима мечетью Омара, положилъ въ основаніе вселенной самъ Богъ. И было имя ея—Шатія, что значитъ—колеблющаяся.

Древнія книги и легенды Іудеи и Аравіи говорятъ: „Въ Іерусалимѣ Богъ сказалъ Скалѣ: ты основаніе, отъ коего началъ Я созданіе міра... *Отъ тебя воскреснутъ сыны человѣческіе изъ мертвыхъ*“. „Сойдя въ пещеру подъ Скалой, Медширъ-едъ-Данъ видѣлъ чудо чудесъ: колеблющаяся глыба камня, ни чѣмъ и ни кѣмъ не поддерживаемая, висѣла въ высотѣ, подобно парящему

орлу“. Магометъ—въ ночь своего путешествія изъ Медины въ Іерусалимъ—сталъ своей священной стопою на скалу Моріа, раскачивающуюся между небомъ и землею. Былъ взмахъ, почти достигшій вратъ рая,—и Скала издала крикъ радости. Но Пророкъ повелѣлъ ей молчать — и одинъ вошелъ во врата Рая. А Скала вновь пала къ землѣ—и вновь вознеслась—и въ движеніи своемъ пребываетъ и донинѣ: „не мѣшаясь съ прахомъ и не смѣя преступить неба“.

Каббалистическія книги говорятъ: „Адонаи-Господь воздвигъ въ Безднѣ камень, творя міръ, и начерталъ на камнѣ Имя Святое. Когда поднимаются воды Бездны до камня, онѣ убѣгаютъ вспять въ ужасѣ. Когда произносится ложное слово, камень погружается въ воды—и смываются буквы Святого Имени. Но Ангелъ Азаріэла, имѣющій семьдесятъ ключей къ таинству Святого Имени, снова пишетъ его на камнѣ, и оно снова гонитъ прочь воды.“

„Въ дни пророковъ Камень былъ внутри Святилища храма Соломона, и первосвященникъ ставилъ на немъ курящуюся кадильницу. На немъ же стоялъ и Ковчегъ Завѣта, урна съ манной и лежалъ вѣчно цвѣтушій жезлъ Аарона. Нынѣ Ковчегъ Завѣта скрытъ въ тайникахъ подъ камнемъ, гдѣ сохранялъ его отъ враговъ и самъ Соломонъ, которому камень давалъ неземную силу: съ него видѣлъ царь весь міръ отъ края и до края—и понималъ языкъ птицъ и звѣрей“.

Но вотъ, въ день паденія храма, въ девятое число мѣсяца Аба, Камень Жизни, вѣчно колеблющійся Камень Жизни, останавливается. Сила его изсякаетъ. Тайну тайнъ, неизреченныя письма, означающія Святое Имя, прочелъ Іисусъ. И къ Нему же перешла и сила Камня. „Іисусъ, воспринявшій силу его, творилъ чудеса этой силой“... Затѣмъ Римъ разрушаетъ храмъ—и Камень останавливается. Гдѣ же теперь силы Камня?

Для Іудеи Камень жизни замеръ, застылъ навѣки. За Іисусомъ, говоритъ Исламъ, сила Камня перешла къ Пророку. И правъ Исламъ: Пророкъ снова далъ движенію Камню, онъ вознесъ его къ небу. И сила этого движенія была необычна, жизнь жившихъ ею—юношески-пламенна, полна страстнаго служенія Богу. Но не долго сіяло и солнце Ислама во всей славѣ своей. Вотъ уже гаснетъ и его вѣра, и самъ онъ, самъ признаетъ нынѣ, что слабѣютъ размахи Камня, затопляютъ воды Бездны

Святое Имя, начертанное на немъ... Что же готовить міру будущее?

Взволнованный, смотришь на темную глыбу скалы среди мечети, и полнымъ великаго смысла начинаетъ казаться это сочетаніе земли и неба—храма и камня. И, покидая мечеть, думаешь: долженъ міръ снова возвратиться ко Христу,—къ тому Христу, что нѣкогда воспріялъ силу Камня и былъ истиннымъ сыномъ земли и духа. Развѣ Онъ, съ такою несказанной полнотою воплотившій въ Себѣ божественное Начало Жизни, говорившій: „Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“, не сочеталъ небснаго съ земнымъ, между тѣмъ какъ подъ стопой Пророка Камень Жизни не касался ни земли, ни неба?

VI.

Въ сумерки, проходя по базару въ Яффѣ, я нечаянно поднялъ глаза и увидѣлъ тонкій серпъ луны. Закрывались въ полумракѣ лавочки, проносили отъ фонтана послѣдніе кувшины. Собаки, горбясь и сливаясь съ темнотою внизу, подбирали остатки торгова. Неожиданно дошла откуда-то нѣжная сладость цвѣтушаго дерева. Я поднялъ глаза и увидѣлъ въ легкомъ и прозрачномъ небѣ вихоръ пальмы, а высоко-высоко надъ нимъ—острый, чистый, тонкій серпъ Астары.

На берегу, подъ городской стѣной, тянуло теплымъ вѣтромъ съ неоглядной мелкой зыби взморья. Чуть видныя, мягко и красиво намазанная сизой мутью облака терялись на закатѣ. Я легъ на теплый, гладкій камень, среди камней, взгроможденныхъ вдоль берега. „Сумерки, море, уголь ханаанско-аравійскихъ береговъ...“ —подумалъ я. Надъ стѣной, въ старомъ каменномъ домишкѣ зияетъ черная дыра окна безъ стеколъ, съ рѣшеткой. Слышно какъ тамъ въ каморкѣ, безъ огня, укладываются спать и, плача ссорятся дѣти... Да, совершила жизнь огромный кругъ! Всѣмъ существомъ пережилъ я за эти мѣсяцы долгую и страшную лѣтопись Востока... На юго-западѣ, надъ лиловой тьмой моря склоняется покраснѣвшій, меркнушій и теряющійся въ небѣ серпъ. И такъ пустынные сумерки надъ гаванью безслѣдно исчезнушаго съ лица земли Ханаана, такъ все просто и блѣдно вокругъ, точно я одинъ во всемъ мірѣ, у его безлюднаго начала...

Пароходъ пришелъ и отошелъ нынче съ европейской точностью. Опять замелькали вокругъ меня тропическіе шлемы, кодаки и бинокли, пледы и красные путеводители... Убирали трапы,

восточная галда смолкла. Жаркое солнце склонялось къ золотому морю. Рейдъ стоялъ какъ зеркало, рифы обнажились, отдыхали, бѣлая чайка, плававшія надъ кормой, казались огромными. Въ упоръ освѣщенная Яффа, громоздясь на холмѣ, переливалась зеркальнымъ отраженіемъ воды и вся была цвѣта банана. Задрожала, поварачиваясь; корма, забурлилъ винтъ—и Яффа тронулась. Но я не спускалъ съ нея глазъ до тѣхъ поръ, пока она, все отдаваясь, не слилась наконецъ съ песками на югѣ, фіолетовыми отъ голубой дымки воздуха и опускающагося солнца.

А потомъ я смотрѣлъ на Сарону и на песчанную береговую полосу, вдоль которой мы шли на сѣверъ. Все смутнѣй и меланхоличнѣй становилась равнина, все блѣднѣе и облачнѣе—горы. Солнце погасло, и вода у береговъ стала тяжелой, кубовой. Одинокимъ, затеряннымъ казалось, какое-то селенье, далеко-далеко блѣвшее въ сини равнины. Я смотрѣлъ и дивился ея безлюдности. Палестинское побережье лишено даже слѣдовъ древности. Ихъ стерли, въ борьбѣ съ язычествомъ, еще цари Іудеи. А время dokonчило эту работу. Вонъ тамъ, на чуть видной сѣверной окраинѣ, въ устьяхъ рѣкъ, бѣгущихъ отъ Кармила, лежала Кесарія. Нѣкогда это былъ славный на весь міръ портъ и городъ Ирода; теперь—пески, обломки камня и колючій кустарникъ... И такъ—по всему побережью.

Съ вечера было тепло и ясно. Палуба, испещренная легкими тѣнями снастей, чуть блестяла. Море чернѣло вокругъ. Въ вышинѣ, сквозь снасти, розовато сіялъ теплый золотой полумѣсяцъ. Но близился Ливанъ. На ночь я открылъ въ каютѣ иллюминаляторъ—и въ два часа проснулся: стало прохладно, по темной каютѣ ходилъ сильный, влажный вѣтеръ. Я заглянулъ за бортъ—и тамъ была сѣровая темь. Пахло моремъ. Ливанъ дышалъ мглюю. Во мглѣ, какъ на краю земли, висѣли два мутныхъ маячныхъ огня. Дальній былъ красноватый. Я подумалъ: это—Тиръ или Сидонъ... И мнѣ стало жутко.

За Кесаріей—слѣды Египта и Финикіи. Въ дни служенія Астартѣ на мѣстѣ Кесаріи былъ какой-то большой хананейскій городъ, упоминаемый въ надгробномъ заклѣтїи царя Эмунацара. Ранѣе, въ дни поклоненія „Богу всепожирающаго времени“, крокодилу,—египетскій Крокодилопосъ. И въ пескахъ, затянувшихъ останки этихъ городовъ, говорятъ, и теперь еще находятъ разбитые сіениты, мраморы, первобытныя мозаики, камни цистернъ, погребальные колодцы крокодиловъ.

Въ полночь мы прошли и Кармилъ, горный мысъ Ваала-Громовержца. Съ Кармила іудейскіе пророки метали самыя ярыя проклятія язычеству. На Кармилъ въ одной изъ пещеръ троглодитовъ жилъ Илія, лютѣйшій врагъ Ваала. Но жизнь на языческой горѣ, бывшей ипостасью Ваала, не прошла для Иліи даромъ. Тысячи преданій слили его образъ съ образомъ космическаго бога: Илія былъ питаемъ вранами, повелѣвалъ громами и бурями, низводилъ огонь и дождь съ неба, превращалъ въ камни растенія, заживо, какъ истый сынъ Солнца, вознесся къ нему на пламенной колесницѣ. И все это сдѣлалъ Кармилъ, одно имя котораго влекло поклонниковъ со всего міра, Кармилъ, на которомъ не было даже капищъ,—только каменные жертвенники,—Кармилъ, у подошвы котораго Лемехъ убилъ одичавшаго Каина, принявъ его за звѣря! Необозримое море, съ трехъ сторонъ лежащее подъ Кармиломъ, бушуетъ почти круглый годъ. И богослуженія въ монастырѣ кармелитовъ, стоящемъ теперь на Кармилѣ, принимаютъ порой жуткое величіе древнихъ языческихъ богослуженій. „Море заглушало голоса поющихъ и органъ,—говорить одинъ паломникъ.—Надъ горою стоялъ непрерывающійся гулъ—гласъ Божій, потрясающій пустыню и приводящій въ содроганіе горы...“

Качало у Кармила и нынче. Засыпая, я чувствовалъ, какъ темная каюта опускается и поднимается, слышалъ скрипъ переборокъ... Теперь было тихо. Кармилъ былъ теперь далеко. Ровно, съ однообразнымъ плескомъ, бѣжала вода вдоль бортовъ погруженнаго въ сонъ и тьму парохода. Но шли мы уже мимо блудилищныхъ „гrotовъ Астарты“ и погребальныхъ спэосовъ, мимо необитаемой, каменисто-песчаной полосы подъ волнистыми отрогами и скатами Ливана,—можетъ-быть, мимо самаго Шеола этого сплошнаго некрополя между Тиромъ и Сидономъ,—единственнаго наслѣдія славныхъ городовъ, нынѣ уступившихъ мѣсто маленькимъ арабскимъ селеніямъ. И помню,—лежа въ темнотѣ, я думалъ: съ какой первобытной дерзостью сочетали древніе поселенцы этихъ береговъ оргіи жизни — и смерть! Когда-то отъ Тира до самаго Сидона „можно было пройти подъ землею—по гробовымъ пещерамъ и колодцамъ“. На скатахъ надъ ними открыто лежали огромные саркофаги, вырубленные прямо въ скалахъ. Но какъ смѣло и вольно мѣшались съ ними гроты Астарты! Ея поклонники и поклонницы чертили мистическій знакъ Треугольника даже на стѣнахъ спэосовъ. А Тиръ? Развѣ думалъ

онъ о смерти, — онъ, „Сынъ Солнца и Моря“, „рожденный въ вѣкахъ баснословныхъ“, превзошедшій всѣ народы жаждой жизни, „алкавшей земель міра“, доходившій въ своей алчбѣ отъ тропическаго Офира до полярнаго Острова Мрака? Развѣ не былъ смѣль онъ, чье имя было такъ первобытно-просто—Скала—и чьи помосты были, по слову пророковъ, изъ сенарскихъ кипарисовъ, мачты—изъ кедровъ Ливана, весла—изъ дубовъ виссанскихъ, паруса—изъ узорныхъ полотень Египта? Къ Тиру обращался самъ Господь-Адонай, называя его „печатью совершенства, полнотой мудрости и вѣнцомъ красоты“...

И все же побѣдила смерть. „Тиръ, умолкшій среди моря! Кую мзду приобрѣлъ ты отъ него? Сія глаголетъ Адонай-Господь: се Азь на тея, Суръ, и приведу на тя языки многи, яко же восходитъ море волнами своими“... Ужасныя слова! Но есть еще ужаснѣе: „Вотъ я приведу на тебя, Тиръ, лютѣйшихъ изъ народовъ, и они обнажатъ мечи свои противъ красы твоей мудрости. Сдѣлаю тебя городомъ опустѣлымъ, подобно городамъ необитаемымъ, когда подниму на тебя пучину... Низведу тебя съ отходящими въ могилу къ народу, давно бывшему и помѣщу тебя въ преисподнихъ земли... Ужасомъ сдѣлаю тебя... Ибо вознеслось сердце твое и сказало: азь есмь Богъ!“

„Азь есмь Богъ“... Библейскіе пророки поставили передъ человѣчествомъ роковой вопросъ: богъ ли человѣкъ? Они первые повѣяли на міръ холодомъ безнадежности, до потрясающей высоты вознесли проклятія слишкомъ забывшейся жизни. И по слову ихъ и вышло: тиро-сидонскій берегъ, столь щедро оплодотворенный Богиней Жизни, далъ начало образу Шеола—преисподней. Его погребальныя камеры и колодцы, перемѣшанные съ гротами страсти, получили страшныя названія „сѣтей смерти“, „колодцевъ гибели“. И страхъ уже властно простеръ надъ страну Солнца свои темныя крылья: онъ пришелъ сюда изъ Египта, вѣрившаго въ безсмертіе, но все же отдавашаго слишкомъ много силъ на борьбу со смертью. Онъ принесъ сюда тайны бальзамированія и жуткіе человѣкоподобные саркофаги... А связь человѣка съ космосомъ уже слабѣла. Начинались тѣ великія истребленія царства царствомъ, та оргія смерти, на которыя такими ошеломляющими пророчествами откликнулась Іудея. И тогда уже громко, языкомъ пророковъ заговорилъ страхъ въ Финикии. Это вѣдь онъ диктовалъ заклятіе царя Эзмунацара, мольбу его скорби

и беззащитности,—надпись, высѣченную на его огромномъ гробѣ
чернаго гранита:

„Въ мѣсяцъ дождей, въ годъ четырнадцатый царствованія...
Пораженъ, плѣненъ я, наслѣдникъ дней героевъ, сошелъ въ адъ,
сынъ бога смерти... Заклятiе мое передъ всѣмъ царствомъ и
всѣмъ человѣчествомъ: да не вскрываетъ никто входа моего, не
сдвигаетъ саркофага гробницы моей, не оскорбляетъ меня внесе-
нiемъ другого гроба!“

Богъ ли человѣкъ? Или „сынъ бога смерти“?

На это отвѣтилъ *Сынъ Божій*.

ПУСТЫНЯ ДЬВОЛА.

I.

„Гласъ вопіющаго въ пустынь: приготовьте путь Господу прямыми сдѣлайте стези Ему“...

Глядя съ крышъ Іерусалима на каменистыя окрестности,— чаще всего на востокъ, на пустыню Іудейскую, — каждый разъ вспоминаю я эти слова, — прологъ величайшей изъ земныхъ трагедій. Какъ волнуеть онъ здѣсь, весь созданный изъ противоположностей!

Дьяволъ, Азazelъ, имя и образъ котораго такъ и остались тайной, былъ издревле владыкой пустыни. Это онъ обиталъ въ ея знойномъ сѣро-каменномъ морѣ, нѣкогда взбудораженномъ подземными силами и навсегда застывшемъ. Это ему каждый годъ—въ десятый день седьмого мѣсяца — посылали левиты и первосвященники Козла Отпущенія—отъ лица всего Израиля, за всѣ грѣхи народа. И не странно ли, что именно оттуда прозвучали первые призывы Предтечи?

Послѣ бури и молній, Богъ пришелъ въ пещеру Іліи въ сладостномъ вѣяньи вѣтра. Сладостнымъ вѣтромъ было и пришествіе въ міръ Іисуса. Но лежала „сѣкира при корнѣ дерева“. Жуткими пророчествами возвѣстилъ Предтеча о Грядущемъ за нимъ.

Не было тогда города, равнаго богатствомъ и красой Іерусалиму. Изъ Яффы были видны его зданія, блиставшія золотомъ и мраморомъ: „Іоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ“.

Въ тишинѣ зеленыхъ долинъ, въ мирныхъ людныхъ селеніяхъ протекла молодость Іисуса. Но въ первые же дни служенія Своего долженъ былъ Онъ отдать дань пустынь. Онъ крестится— и уже готовъ раскрыть уста, дабы благовѣствовать міру величайшую радость. Но „Духъ ведетъ Его въ пустыню“. Трагедія, въ которой будетъ столько красоты и нѣжности, все же остается

трагедіей. И Азазель не может не участвовать въ ея прологѣ. Онъ знаетъ, что завершится она во имя Азазела. Онъ какъ бы символъ тѣхъ ветхозавѣтныхъ, Богомъ проклятыхъ мѣсть, гдѣ скрылся Каинъ, жаждущій крови брата своего. „И былъ Иисусъ тамъ сорокъ дней, искушаемый сатаною, и былъ со звѣрjami“...

Пустыня видна съ крышъ Іерусалима. Пустыней называется только тотъ скатъ, та дикая и отъ вѣка безплодная вулканическая страна, чтò за Элеономъ и горой Соблазна. Но развѣ власть Азазела не простирается и на тропически-знойный долъ Іордана,—эту глубочайшую въ мірѣ измененность, съ ея смертоносными лихорадками и воистину мертвыми водами, одно дыханіе которыхъ убиваетъ все живое? Мы слишкомъ давно лишены вѣры, съ которой слѣдилъ Израиль за жертвой, уводимой, во искупленіе грѣховъ его, въ пустыню. Для насъ эта пустыня только растрескавшіеся отъ жгучаго солнца бугры и перевалы, усыянные колючками и голышами, волны и впадины давно затихшихъ землетрясеній. Давно смолкъ грозный голосъ Предтечи. Смолкъ и кроткій голосъ Того, у Кого онъ былъ „недостойнъ, наклонившись, развязать ремень обуви“. Въ забвеніи почіетъ святая земля, возвратившаяся къ первобытной нищетѣ и безлюдности. Но незабвенна ея лѣтопись. И великой меланхоліи исполнены ея дремотныя дали.

Небо надъ ней нѣжное, блѣдно-голубое. Небо и солнце затуманены нынче дыханіемъ полдня, сухого, горячаго и душнаго. Жаромъ вѣетъ отъ стараго каменнаго города, его узкихъ и грязныхъ базарныхъ ходовъ подъ сплошную кровлей сизо-песочнаго цвѣта. Одинокая пальма, возвышающаяся на южной окраинѣ, опустила свое неподвижное опахало. Мягко, мутно-сине темнѣютъ куполы Гроба Господня и мечети Омара. Тысячи черныхъ стрижей кружатъ, сверлятъ полдневную тишину скрипучимъ врезжаніемъ. И море пепельно-сиреневыхъ холмовъ, простирающееся окрестъ, дремлетъ, теряется въ мгlistой суши...

Поблѣднѣла даже сказочно-яркая бирюза у подошвы Моава.

II.

Но послѣ полдня тянетъ легкій вѣтеръ, и небо, воздухъ, солнце—все становится ярче, яснѣе.

За изсохшимъ руслomъ Кедрона дорога поднимается, мимо погребальной пещеры Богоматери, Геосиманскаго сада и гробницъ

Авессалома и Иосафата, по каменистымъ склонамъ Элеона, среди несмѣтныхъ плитъ еврейскаго некрополя, стоящихъ какъ раскрытыя книги, испещренныя крупными письменами.

Есть ли въ мірѣ другая земля, гдѣ бы сочеталось столько дорогихъ для человѣческаго сердца воспоминаній?

Гробъ Маріамы! У стѣнъ сада, столь любимаго Сыномъ, въ ложѣ кремнистой долины, подъ сводами древняго полуподземнаго храма, въ тѣмѣ котораго блещутъ огни, оклады и самоцвѣты, почіеть Она, простая женщина изъ Назарета, вѣнчанная высшею славой—земной и небесной.

А русло Кедрона? Это доль Иосафата, мѣсто грядущаго Страшнаго Суда, великая житница Смерти. Нѣтъ правовѣрнаго іудея и мусульманина, который не полагалъ бы несказанной радостью быть погребеннымъ въ этой юдоли и не вѣрилъ бы, что и всѣхъ лишенныхъ этой радости созоветъ въ нее Господь въ день Суда Своего. Онъ вѣдь сказалъ устами Іоила: „Я соберу всѣ народы и приведу ихъ въ долину Иосафатову“...

Знойно, но солнце уже клонится къ западу, за Іерусалимъ. Отъ его восточной стѣны пала тѣнь. Зато ослѣпительно-золотисты скаты Элеона, дорога, извилисто прорѣзанная по нимъ, плиты и гробницы. Золотиста лазурь надъ Кедрономъ и горой, золотисто-песочнаго цвѣта ястреба, рѣющіе надъ нами, трепещущіе своими острыми крыльями. Любятъ они эти скаты, любятъ сушь пустыни, въ которую медленно вступаемъ мы, огибая среди запыленныхъ оливъ Элеонъ.

За Элеономъ —Виоанія. Это уже преддверіе пустыни. Нѣсколько старыхъ верблюдовъ въ грязно-рыжей сухой шерсти загораживаютъ дорогу на поворотѣ, грубымъ видомъ своимъ говоря о патриархальныхъ скитаньяхъ въ камняхъ и пескахъ. Но кругомъ еще мирно и весело. Чистъ и силенъ предвечерній свѣтъ, дали ясны, небо бездонно, склоны и холмы въ садахъ и виноградникахъ. Даже тошіе посѣвы зрѣютъ кое-гдѣ на глинистой почвѣ между ними. И Абудись, чтò направо, и Виоанія, чтò налево, — нѣсколько кубовъ изъ сѣраго булыжника, окруженныхъ смоковницами, огромными кактусами, запыленными терновниками; въ крутыхъ, кривыхъ и узкихъ проходахъ между ними всюду соръ и тряпки, полуголья, черныя дѣти, слѣпые и убогіе. Это древнѣйшіе пріюты нищихъ и разбойниковъ, много разъ претерпѣвшіе за свои разбои разрушеніе. Но какъ должны радовать послѣ пустыни ихъ сады и люди!

И живымъ кажется образъ Иисуса. Сколько разъ подходилъ Онъ сюда, похудѣвшій, поблѣднѣвшій за дорогу въ пустынь, но всегда прекрасный, счастливый, привѣтливый! Здѣсь жили друзья Его. О древности могилы Лазаря говорятъ тѣ камни времени Ирода, изъ которыхъ сложенъ входъ въ могильную пещеру, куда спускаются узкой, холодною шахтой, со свѣчой въ рукѣ. Подлиннѣй же всего древность того пути, что приводитъ въ Виѳанію изъ страны Азазела глубокой, извилистой и страшной въ своей мертвенности ложиной Эль-Хотъ. Этотъ путь неизмѣненъ отъ вѣка. Восходя отъ іорданской низменности къ Іерусалиму, его нельзя миновать. Иныхъ сносныхъ путей въ пустынь Іудейской нѣтъ, не было, да и не могло быть, ибо только на этомъ пути есть источникъ, — Источникъ Апостоловъ, — безъ котораго немыслимы переходы по ней.

Отъ Виѳаніи начинается спускъ, неуклонное паденіе. И страна, лежащая окрестъ, сперва поражаетъ своей красотой, волнуется радостью, обманываетъ, какъ Искушитель.

На одномъ изъ скатовъ за Виѳаніей мы останавливаемся, очарованные. Воздухъ такъ прозраченъ, точно его совсѣмъ нѣтъ. И пустыня, каменнымъ волнистымъ моремъ падающая къ Іордану, кажется такъ мала! Она сизо-коричнево-сѣрая, но столько въ ней прелестнѣйшихъ оттѣнковъ — пепельныхъ, опаловыхъ, лазурныхъ, фіолетовыхъ! Какъ серебристо-голубой туманъ — далекая долина Іордана. Южное устье ея налито такимъ густымъ и яркимъ аквамаринномъ, который кажется неестественнымъ на землѣ. А Моавитскія горы похожи теперь на великую грозовую тучу противъ солнца, заступившую весь востокъ и ни съ чѣмъ несравнимую по нѣжности и воздушности. Но минута — и это видѣніе исчезаетъ надолго, надолго...

Мы теперь въ странѣ, лишенной всякаго очарованія, — если не считать рѣдкихъ пятенъ огненно-краснаго мака, кое-гдѣ оживляющаго ее. Рѣзкими, крутыми изломами вьется и падаетъ дорога съ возвышенности на возвышенность. Быстро замыкается горизонтъ скалистыми и глинистыми ковригами, раздѣленными такими же логами и оврагами... Мы уже давно въ глубокомъ извилистомъ ложѣ потока, изсохшаго въ незапамятное время, и известковая дорога, пробитая здѣсь тоже съ незапамятнаго времени, поминутно переходитъ съ одного бока на другой. Золотисто-блѣдно отъ духоты и зноя небо, ни единого кустика и ни единого живого существа, кромѣ ящерицъ, не замѣчаетъ глазъ и не слы-

шить ухо, и гробовая тишина стоит надъ этой страной, столь бесплодной, что даже древнѣйшихъ кочевниковъ ужасала она, навѣки связанная съ образомъ незримо Обитающаго въ ней. Не даромъ бедуины еще и до сихъ поръ складываютъ вдоль Вади-эль-Хотъ пирамидки изъ щебня, въ знакъ заклятія темныхъ силъ пустыни. И у меня уже не остается никакого сомнѣнiя въ правотѣ тѣхъ, что называютъ этотъ путь именно тѣмъ, по которому, до самой таинственной „средины“ его, провожали левиты жертву Азазелу.. Какой же ужасъ долженъ былъ охватывать проходящихъ здѣсь при видѣ Иоанна, рѣшившагося раздѣлить его обитель! Какъ шарахались они въ сторону, когда внезапно, во весь свой ростъ, съ громовыми глаголами, появлялся онъ передъ ними изъ-за камней, въ одеждѣ изъ верблюжьяго волоса! И что должно было испытать сердце Иисуса, обреченнаго провести здѣсь столько ночей—въ темнотѣ, съ ея призраками, съ лихорадочно-знойнымъ вѣтромъ отъ Мертваго моря!

III.

Въ глубокой котловинѣ, изъ которой видны только жесткiя очертанiя окрестныхъ бугровъ да вечернее небо, бѣлѣетъ ханъ,—ничто въ родѣ каменнаго сарая,—и жарко блеститъ при низкомъ солнцѣ вода возлѣ него. Это мѣсто, гдѣ не разъ отдыхалъ Иисусъ. Это источникъ Апостоловъ, или по-древнему,—источникъ Солнца, ибо не могли не посвятить древнiе эту „жизнь пустыни“ богу жизни. Три бедуина, безъ плащей, съ черными палками въ серебрянныхъ обручахъ, стоятъ возлѣ худыхъ осликовъ и поджарыхъ потныхъ лошадей подъ сѣдлами, съ жадностью пьющихъ. Два сидятъ на порогѣ хана и курятъ, пристально глядя на насъ черными византiйскими глазами. Эти глаза ровно ничего не выражаютъ, но кто знаетъ, что на умѣ у этихъ измаилитянъ?

Тѣ, что у источника,—народъ оборванный и невзрачный. Сидящiе на порогѣ—дѣло иное. И особенно одинъ изъ нихъ. Онъ неподвижнымъ взглядомъ слѣдитъ за нами, пока мы поимъ лошадей. Потомъ, ни на iоту не измѣняя лица, кидаетъ своему спутнику какую-то короткую гортанную фразу, совершенно не шевеля губами и такъ безстрастно, точно это не онъ говоритъ, а кто-то внутри его. И поднимается во весь свой громадный ростъ. Ноги его, обутыя въ стоптанные сафьяновые сапоги, очень длинны и слегка кривы, голова мала, откинута назадъ. Онъ на

рѣдкость худъ, но одежды и оружія на немъ—не считаешь. По плечамъ висятъ концы бѣлаго шерстяного платка, накинутаго на голову и рѣзко оттѣняющаго черноту глазъ, сизый загаръ маленькаго, жесткаго лица, блестящую смоль рѣдкой, жесткой бородки. Тонкая, какъ у муміи, шея обмотана шелковымъ лиловымъ платкомъ. На тѣлѣ—бѣлая рубаха до колѣнъ, поверхъ рубахи—палевый шерстяной халатъ въ синеватыхъ полоскахъ, поверхъ халата—кубовая кофта на ватѣ; и все это—подъ широкой и длинной хламидой изъ черно-синей шерсти. Онъ идетъ, волоча тяжелую кривую саблю въ серебряныхъ ножнахъ, поправляя одной рукой заткнутые за широкой поясъ изъ шали кремневые пистолеты и кинжалы, а другой—карабинъ за плечами...

— Откуда?

— Изъ Газы.

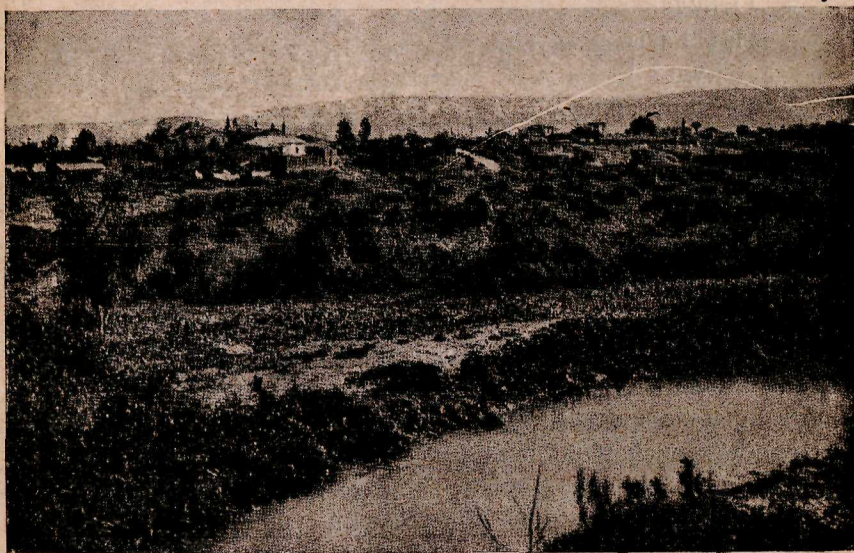
— А куда?

— Въ Іерусалимъ.

Но почему же, сѣвши на свою рѣзвую, злую и поджарую лошаденку, онъ поворачиваетъ за нами? Мы ѣдемъ на изволокъ рысю,—онъ не отстаеъ. Мы прибавляемъ рыси, прибавляетъ и онъ, расширяя ничего не выражающіе глаза и блестя зубами въ отвѣтъ на наши удивленные взгляды... И вдругъ, поравнявшись со мной, суетъ мнѣ въ руки мѣдный латинскій образокъ. Онъ кричитъ, что это—золото, и проситъ за него десять франковъ. Соглашается, впрочемъ, и на два. А получивъ ихъ, круто поворачиваетъ и исчезаетъ за холмами и буграми, по которымъ уже синѣютъ вечернія тѣни.

Вечернее низкое солнце все рѣже блещетъ на перевалахъ. Временами, изъ боковыхъ овраговъ и ущелій, изъ-за скалъ и известковыхъ бугровъ, дуетъ вѣтеръ,—порывистый, какъ дыханіе горячечнаго. И только топотъ копытъ раздается въ гробовой тишинѣ окрестъ, въ скатахъ вдоль извилистаго дна Вади-эль-Хотъ. „Отсюда начинается дебрь самая дикая,—говоритъ одинъ старинный паломникъ.—Это дорога есть древняя, проложенная самою природою. Іосифъ Флавій упоминаетъ о дикости ея. Невступно черезъ два часа отъ Іерусалима мы поднимались на гору, на вершинѣ которой видны остатки хана или гостиницы Благого Самарянина. Это мѣсто называлось издревле Адомимъ, или Кровавое, по причинѣ частыхъ разбоевъ, здѣсь происходившихъ“... И глубокая тоска охватываетъ душу на этой горѣ, возлѣ пустого хана, при гаснущемъ солнцѣ. Вотъ она, эта „средина“ пути, Бетъ-

Гадгурт, гдѣ бросали на произволь судьбы жертву Азазелу, — известковый переваль, поразившій нѣкогда воображеніе самого Іисуса и создавшій такую трогательную притчу! Чувство, съ которымъ глядишь на пустыню съ крышъ Іерусалима, величіе, которымъ звучитъ прологъ евангельской лѣтописи, исчезаетъ въ пустынь. Она вѣдь только камениста и мертва. Но и въ этомъ есть что-то мистическое, невыразимо тоскливое, азазеловское, ветхозавѣтное. Почему „тѣ, коихъ не стоилъ весь міръ, блуждали по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли“? Почему человѣческая душа вѣрять въ легенду, что на этой „сре-

І е р и х о н ь .

динѣ пути“, который считался путемъ въ преисподнюю плакалъ самъ Прародитель, лишенный Эдема?

Чѣмъ дальше отъ Гадрура, тѣмъ все круче падаетъ въ провалы и ущелья известковая дорога, а съ переваловъ уже видно, что окрестные бугры измѣнили свой видъ и составъ, — стали конусообразными, похожими напотухшіе вулканы, однообразнаго, верблюжьяго цвѣта. Уже нѣсколько разъ открывалась передъ вами и долина Іордана, поражая обманчивой близостью своего пустыннаго, сѣро-блестящаго отъ соли пространства, по которому вдоль узкой рѣки, вьется лента необыкновенно темной зелени.

Пространство за Иорданомъ, горы, кажушіяся теперь еще болѣе похожими на тучи, и синее устье моря ярко озарены низкимъ солнцемъ. Но уже почти до самой середины долины достигаетъ тѣнь отъ Іудейской пустыни, обрывающейся надъ Іерихономъ высокими, скалистыми стѣнами. Тѣнь и вокругъ насъ,—на всѣхъ буграхъ и во всѣхъ котловинахъ.

Многихъ обгоняемъ мы теперь, столь же дикихъ и нищихъ, какъ въ дни доисторическіе. Вотъ опять идутъ верблюды и за ними—идумейцы, въ уголь сожженные вѣтрами и голодомъ, въ однихъ кубовыхъ линючихъ балахонахъ, ихъ полуголыя дѣти, облѣзлыя собаки и съ отрочества состарившіяся жены, съ лѣтниво-скорбными, темными, какъ древне-аравійскія преданія, глазами, съ нитями разноцвѣтнаго бисера подъ ними—отъ переносицы къ ушамъ. Вотъ черный и губастый, какъ готтентотъ, старикъ въ одной грязной рубахѣ, раскрытой на груди. Онъ сидитъ на осликѣ, гонитъ его, волоча по землѣ свои черныя босыя лапы. Вотъ верховой турецкій солдатъ, съ карабиномъ наперевѣсъ, зорко оглядывающій окрестныя ущелья и овраги... Всѣ спѣшатъ въ Іерихонъ—единственное человѣческое жильѣ, единственный оазисъ во всей Иорданской долинѣ. И, какъ только стемнѣетъ, ни души не останется на этой страшной древней дорогѣ. Здѣсь самъ Азazelъ вселяется въ человѣка. Онъ искушаетъ быть сильнымъ, безпощаднымъ—и сладострастнымъ, какъ ночи Содомы и Гоморры...

IV.

Ночи здѣсь сказочно-прекрасны. Онѣ околдовываютъ трижды мертвую страну лихорадочными сновидѣніями, воскрешающими содомскую прелесть ея давно минувшей жизни.

Въ сумерки, на послѣднемъ, самомъ крутомъ спускѣ въ долину, влѣво отъ дороги, внезапно открылась глубокая, каменистая трещина—ущелье Кельта—и проводила насъ до самой долины. Смутно бѣлѣла дорога, шумѣлъ потокъ на днѣ уже совсѣмъ темнаго ущелья, и печально краснѣло нѣсколько огоньковъ въ скалистой стѣнѣ за нимъ: тамъ древнѣйшіе притоны аскетовъ, тысячами погребавшихъ себя заживо въ криптахъ, которыми сплошь изрыты скалы Кельта. А когда мы спустились въ долину и повернули влѣво, къ Іерихону, чернымъ и тяжкимъ обрывомъ, уходящимъ въ небо, всталъ передъ нами кряжъ горы Сорокадневной. И огонекъ лампадки, чуть замѣтной точкой крас-

нѣвшій и на этомъ обрывѣ, опять напомнилъ о той страшной борьбѣ, которую впервые воздвигли здѣсь люди противъ дьявола.

Теперь крипты безлюдны. Огонекъ одиноко глядитъ изъ черноты кряжа на песчаную низменность, тускло мерцающую подъ нимъ до самыхъ Моавитскихъ горъ. И вся эта низменность, страна, что нѣкогда „орошалась, какъ садъ Господень“ и на весь мѣръ славилась легендарнымъ плодородіемъ, красой и грѣховностью Пятиградія, дворцами и твердынями трижды возрождавшагося изъ развалинъ Іерихона, поражаетъ теперь тѣмъ запустѣніемъ, „гдѣ лишь жупель и соль, гдѣ никакой злакъ не прозябаетъ, гдѣ ни голосъ человѣческой ни бѣгъ животнаго не нарушаетъ безмолвія“.

Сады Іерихона дышали въ дни его славы благовоніями бальзамическихъ растений, индійскихъ цвѣтовъ и травъ. „Пальмы и мимозы, сахарный тростникъ и рисъ, индиго и хлопокъ произрастали въ долинѣ Іордана“. Объ этомъ свидѣтельствуется даже и тотъ оазисъ, что уцѣлѣлъ на мѣстахъ исчезнувшаго съ лица земли іорданскаго рая, даже имя того селенья, что наслѣдовало Іерихону: Риха—благовоніе. Но оазисъ этотъ, тропически-пышно зеленѣющій у подножія горы Сорокадневной, близъ источника Пророка Елисѣя, такъ малъ въ окрестной пустынѣ, а селенье все состоитъ изъ двухъ-трехъ каменныхъ домовъ, нѣсколькихъ глиняныхъ арабскихъ хижинъ и бедуинскихъ шатровъ!

Въ сумерки долина была молчалива, задумчива. Я сидѣлъ за Рихой, на одномъ изъ жесткихъ аспидныхъ холмовъ, что волнами идутъ къ горѣ,—на могилахъ Іерихона, кое-гдѣ покрытыхъ колючей травкой, до черноты сожженной. Далекія Моавитскія горы,—край таинственной могилы Моисея,—были предо мной, а западъ заступали черные обрывы горъ Іудеи, возносившихъ въ блѣдно-прозрачное, зеленоватое небо свой высшій гребень, мѣсто Искушенія. Оттуда тянуло теплымъ, сладостнымъ вѣтромъ. Въ небѣ таяло и блѣднѣло легкое мутно-фіолетовое облако. И того же тона были и горы за пепельно-туманной долиной, за ея меланхолическимъ просторомъ. И туманной бирюзой мерцало на югѣ устье моря, что терялось среди смыкавшихся тамъ горъ...

Но вотъ наступила и длится ночь. Она коротка, очень коротка, но кажется безконечной. Еще въ сумерки все уснуло, затихло, и погасли рѣдкіе огоньки въ Рихѣ,—остался только одинъ, что виситъ на срединѣ обрыва, на горѣ Сорокадневной. Еще въ сумерки зачался таинственно-звонящій, горячечный шо-

потъ цикадъ, незримыми мириадами наполняющихъ душную чашу оазиса, и приторно-сладко запахла его эвкалипты и мимозы, загорѣвшіеся мириадами свѣтящихъ мухъ. Теперь этотъ звонкій шопотъ наполнилъ весь оазисъ. Онъ растеть — и вотъ уже стоитъ надъ нимъ немолкнущимъ хрустальнымъ бредомъ, сливаясь съ отдаленно-смутнымъ гуломъ, съ дрожащимъ стономъ всей долины — съ сладострастно-сомнабулическимъ ропотомъ жабъ, околдовывающимъ, до галлюцинаціи рѣзdraжающимъ чувства. Стѣны отеля, его каменный дворъ, — все мертвенно-блѣдно и необыкновенно четко въ серебристомъ свѣтѣ этихъ тропическихъ звѣздъ, огромными самоцвѣтами повисшихъ въ необъятномъ пространствѣ неба. Оно необъятно отъ необыкновенной прозрачности воздуха, — звѣзды именно висятъ въ немъ, а на землѣ далеко-далеко виденъ каждый кустъ, каждый камень. И мнѣ страшно глядѣть на мою бѣлую одежду, какъ бы фосфорящуюся отъ звѣзднаго блеска. Я самъ себѣ кажусь призракомъ, ибо я весь въ какомъ-то знойномъ, хрустально-звонящемъ полуснѣ, который наводитъ на меня Дьяволъ Содомы и Гоморры.

Я лунатикомъ брожу по саду и по двору отеля и ясно сознаю, что никогда еще не было столь обострено мое зрѣніе, обоняніе, осязаніе, слухъ. Все сливается въ блескъ и тишину, Но — странно! — мнѣ кажется, что я вижу каждую отдѣльную искру, слышу каждый отдѣльный звукъ. Я вынимаю часы. Понимаю, что уже два, что самоцвѣты, плывущіе въ бездонномъ пространствѣ съ востока, становятся все крупнѣе и лучистѣе, что мои ноги подламываются отъ смертельной усталости. Но развѣ у меня есть власть надъ собой?

Садъ кружится въ беззвучномъ круженьи зелено-лиловыхъ мухъ, ихъ скользящихъ огненныхъ вихрей. Какъ райское дерево, трепещетъ и переливается искрами сикоморъ во дворѣ. Съ верху до низу горятъ и блещутъ ими кустарники, сахарный тростникъ и прозрачные шатры мимозъ. А мимозы цвѣтутъ и дурманятъ сладкимъ ароматомъ...

Много разъ я пытался заснуть, входилъ въ домъ, въ свою темную, горячую комнату, ложился подъ душный кисейный балдахинъ, на постель, но и здѣсь эти ароматы, эти скользящія искры, этотъ дрожащій хрустальный бредъ и ропотъ, которымъ околдованъ весь міръ. Сердце тоже дрожитъ и мутитъ голову, тѣло, поминутно палимое жалами москитовъ, покрывается горячечнымъ потомъ. И такъ звонко кричитъ жаба въ бассейнѣ среди двора,

и такъ отдается ея однообразно вибрирующій призывъ въ каменномъ домѣ съ раскрытыми окнами, что я опять шарю въ темнотѣ, нахожу одежду, спѣшу накинуть ее—и съ болѣзненной жадностью и радостью ловлю свѣжій воздухъ на порогъ крыльца...

Крыльцо бѣлѣетъ еще ярче, фигура спящаго на немъ слуги-араба стала еще чернѣе. Раздвоившійся Млечный Путь, густымъ, но прозрачно-фосфорическимъ дымомъ протянувшійся съ сѣвера на югъ, почти отъ горизонта до горизонта, совершенно отдѣлился отъ неба, повисъ на самой срединѣ пространства между нимъ и землею. Кажется, близокъ разсвѣтъ! Кажется, стихаетъ, замираетъ бредъ и ропотъ вокругъ. Сперва по камнямъ, а потомъ по теплomu песку я спѣшу за селеніе—взглянуть на долину, на Моавъ, на востокъ. Но на востокѣ только позднія, крупныя звѣзды. Блѣдный, серебристый свѣтъ стоитъ надъ далекимъ мертвенно-блѣднымъ моремъ. Блѣдные пески долины мерцаютъ, какъ пустыня, покрытая манной. Блѣдныя, чуть видныя полосы тумана тянутся по далекимъ извивамъ и топямъ Иордана,—и уже чувствуется влажность въ горячемъ воздухѣ. Блѣднымъ дымомъ спустилось и легло облако у подножія горы Сорокадневной, чернѣющей среди звѣздъ своей вершиной...

„Отойди отъ меня, Сатана“.

МЕРТВОЕ МОРЕ.

Только на разсвѣтѣ тянетъ въ окна легкая прохлада вмѣстѣ съ ароматомъ эвкалипта.

Ночью, при звѣздахъ, старыя деревья во дворѣ отеля казались сказочно высоки и вѣтвисты. Теперь они принимаютъ обычные очертанія. Смолкли жабы, замеръ звонъ цикады въ кустарникахъ, погасли огненные мухи. Мы выходимъ за ворота, садимся на лошадей; все молчитъ и въ тѣхъ немногихъ хижинахъ, что зовутся Іерихономъ или Рихой; всюду сонъ, одинъ сверчокъ трюкаетъ въ каменной оградѣ, отъ которой еще дышитъ тепло ночи. Но за мечетью уже слышенъ говоръ.

Ея бѣлый, невысокій минаретъ стоитъ при дорогѣ, на самой окраинѣ Рихи. Подъ нимъ часто ночуютъ бедуины. Ночеваль небольшой караванъ и нынче. Мы проѣзжаемъ мимо него; понукаемые жоками, глухо урчатъ верблюды, поднимаясь съ теплага песка. Надъ мечетью, въ свѣтлѣющей вышинѣ, крупной слезой виситъ Венера. На востокъ, надъ синеватымъ Моавитскимъ краемъ, небо шафранное. Но еще по-ночному тлѣетъ костеръ тора, летучія мыши рѣютъ вокругъ мечети.

За задами Рихи, на западѣ,—обрывы Іудеи. Отчетливо сложатся сѣро-фіолетовые уступы горы Искушенія. Но внизу еще тѣнь, и, вѣрно, мыши принимаютъ ее за сумерки, когда и создалъ ихъ Христосъ. Онъ сорокъ дней и ночей провелъ въ пещерѣ надъ Іерихономъ, на обрывѣ, закрывающемъ западъ,—Онъ не зналъ, когда садится солнце и когда надлежитъ совершать молитву. И вотъ однажды поднялся Онъ на вершину и, какъ только скрылось солнце, начерталъ на пыли то легкое, таинственное созданіе, что такъ любитъ сумракъ. Онъ вдохнулъ въ него жизнь и сказалъ: „Каждый вечеръ на закатѣ солнца вылетай изъ рассѣлинъ горы, гдѣ отнынѣ будетъ твое жилище, дабы зналъ Я часъ молитвы...“ Я поднимаю голову, вспомнивъ эту дамасскую легенду, и не узнаю окрестности: мы проѣхали версту, не больше, а уже день, совсѣмъ день.

Все живое смолкло. Бесплоднымъ и безлюднымъ доломъ тянется съ сѣвера на югъ, отъ самага моря Тиверіадскаго, известково-песчаная пустыня, которую почти напрямикъ пересѣкаетъ путь отъ Рихи къ Іордану. Тѣ, что пытались изслѣдовать ее, видѣли по рѣкѣ всего два-три селенія,—даже каменистый Моавъ, до-черна спаленный солнцемъ, люднѣе іорданскихъ береговъ. То же и здѣсь: на всемъ огромномъ пространствѣ, окружающемъ насъ, лишь одно живое мѣсто—оазисъ Рихи. Оглядываясь, видишь бѣлыя пятна хижинъ среди темной зелени, пріютившейся подъ горнымъ обрывомъ. Тамъ, въ садахъ, еще растеть деревцо небдъ, приносящее акриды, растеть бальзамическій цаккумъ, сизый тернъ, изъ котораго сплели вѣнецъ Іисусу, а весной цвѣтеть много дикихъ индійскихъ цвѣтовъ. Но какъ повѣрить, что это тамъ былъ неприступный Іерихонъ ханаанскій, „божественный городъ садовъ, башенъ“ Ірода, что вотъ этой долиной искушалъ Іисуса дьяволъ?

Мертвенно-тихо. Впереди пепельно-сѣрая дюны, кое-гдѣ жесткій, осыпанный солью кустарникъ. Небо здѣсь такъ просто, какъ нигдѣ: нигдѣ нѣтъ долины, столь глубокой, какъ эта, и нигдѣ не кроется такъ долго за горными вершинами солнце, какъ за ровной стѣной Моава. Чуть не въ самомъ зенитѣ таетъ алая звѣзда Венеры. Но и до нея уже достигаетъ свѣтъ, охватившій полвселенной,—сухой, золотисто-шафранный свѣтъ, на которомъ такъ нѣжно-сиренева заступившая весь востокъ горная громада. Одно Мертвое море прячется отъ свѣта. Вонъ оно—у самага подножія ея, за тѣмъ голымъ побережьемъ, что бѣлѣеть вдали, вправо. Ясно виденъ и обманчиво близокъ кажется сѣверный заливъ. Но синѣеть онъ тускло, свинцово...

„Символь страшной страны сей—Море Асфальтическое“,—говорили когда-то. Страхъ внушаетъ она пилигриммамъ и донинѣ, трижды проклятая и трижды благословенная. Мало совершившихъ путь по всей извилистой стремнинѣ Іордана съ его зноемъ и лихорадками. Но еще меньше тѣхъ, что пускались въ заповѣдныя асфальтическія воды. Легче,—говорять они,—пройти всѣ океаны земные, чѣмъ это крохотное море, черные прибрежные утесы котораго неприступно круты, пугаютъ глазъ челоуѣкоподобными очертаніями и такъ смолисты, что могутъ быть зажжены, какъ факелы, море, дно котораго столько разъ трескалось отъ землетрясеній и выкидывало на поверхность тѣ таинственныя вещества, что служили египтянамъ для сохраненія мертвыхъ отъ

тлѣна, море, жгуче-соленыя, горькія волны котораго тяжки, какъ чугунъ, и въ бурю, „покрытыя кипящимъ разсоломъ“, потрясають берега своимъ гуломъ, между тѣмъ какъ пламенный вѣтеръ до самаго Іерусалима мчитъ столбы песку и соли... Длится и все свѣтлѣе становится золотисто-шафранное аравійское утро. Толкутъ и толкутъ копыта твердую растрескавшуюся дорогу. Но ни единая птица не взвивалась еще съ радостной утренней пѣсней надъ долиной. И, вѣрно, ни единой живой души и не встрѣтимъ мы, кромѣ развѣ жадно-трусливой души кочевника или гіены. Впереди, среди пустыни цвѣта немзы,—лента при-іорданской зелени, чащи ивъ, тамариковъ, камышей. Теперь, поздней весной, нѣтъ даже пилигримовъ,

Такъ богата и прекрасна была нѣкогда долина, что дьяволъ издревле избралъ ее мѣстомъ грѣха, искушеній. Это онъ опьянилъ сладостью страсти и порока Пятиградіе, переполнившее чашу терпѣнія Предвѣчнаго. Это онъ внушилъ дочерямъ Лота жажду кровосмѣшенія, дабы отъ родного отца зачала старшая изъ нихъ Моава. „Дождемъ пролилъ Господь огонь и сѣру, ниспровергъ города сіи и всю окрестность ихъ и всѣхъ жителей, и всѣ произрастанія земли“. Но легендой патріарховъ стали дни гнѣва, и снова зацвѣлъ „садъ Предвѣчнаго“, снова возродился столь прекраснымъ, что заповѣданъ былъ любимѣйшему изъ чадъ Божіихъ... Солнце встало надъ Моавомъ, затопило его блескомъ и уже палитъ долину. Какія-то большія металлически-сѣрыя мухи липнуть къ жаркимъ гривамъ лошадей, скорпіонъ шуршитъ, бѣжитъ укрыться въ легкой, голубой тѣни [подъ застывшей песчаной волной. Больно смотрѣть изъ-подъ шлема на дорогу, но тянетъ взглянуть въ блескъ Моава, тянетъ найти ту вершину, съ которой показалъ Господь Моисею всю радость земли Обѣтованной. „Взойди на гору сію, на гору Нево, что въ землѣ Моавитской, противъ Іерихона, и посмотри на землю Ханаанскую и умри на горѣ, на которую ты взойдешь, и приложишь къ народу твоему...“

Среди тропическихъ садовъ тонулъ въ эти дни Іерихонъ. Стѣны его были неприступны. Но не даромъ повѣствуетъ Библия, что *блудница* дала пріютъ первымъ израильтянамъ, проникшимъ въ Іерихонъ. И страшнымъ заклятіемъ заклиалъ Навинъ Израиля, овладѣвъ странюю и до тла уничтоживъ красу Іерихона: „Проклятъ передъ Господомъ тотъ, кто возставитъ и построитъ городъ сей Іерихонъ!“ Но развѣ не слѣды

Навина—тѣ гилгалы, что разсѣяны въ долину Іерихонской, тѣ огромные диски изъ камня, первобытные кровавые жертвенники Ваала-Солнца, что благоговѣно полагалъ въ круги самъ народъ израильскій?..—На тропическіе шлемы мы накидываемъ бедуинскіе платки. Лошади пошли шагомъ, неустанно мотая головами, отбиваясь отъ мухъ. Онѣ машутъ кистями и разноцвѣтными бусами, которыми украшаютъ здѣсь уздечки. Шеи ихъ стали мокры, темны и тонки. Въ легкой и все же душной тѣни платка дышишь какъ бы жаромъ раскаленного костра. Близокъ Іорданъ,—уже тянетъ запахомъ рѣчной воды, запахомъ горячаго ила... Теперь и отъ великой рѣки остался только узкій и мутный потокъ, отъ первобытно-густыхъ зарослей на берегахъ ея—кайма ивъ, камышей и кустарниковъ, опутанныхъ ліанами.

Масара, то мѣсто Іордана, гдѣ отдыхаютъ пилигриммы, преданія называютъ мѣстомъ крещенія Іисуса. „Въ тѣ дни пришелъ Іисусъ изъ Назарета Галилейскаго...“ Въ тѣ дни долина пережила третій и послѣдній расцвѣтъ. Тщетно было зачатіе Навина,—выросъ новый, второй Іерихонъ. И дьяволъ искушалъ прелестью Іерихона самого крестившагося Сына Божія. „Возведь Его на высокую гору, дьяволъ показалъ Ему всѣ царства вселенной во мгновение времени. И сказалъ Ему: Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ, *ибо она предана мнѣ*“... Сѣро-песчаный берегъ обрываетъ и крутъ. Густая, желтоватая вода, крутятся, бѣжитъ подъ вѣтвями ивъ, подъ корнями, покрытыми наносною травой, иломъ. Лошади тянутся къ водѣ, вязнутъ по колѣна и долго, жадно пьютъ. Мертвая тишина кругомъ и сквозная горячая тѣнь надъ головою. Мысли безпорядчны, смутны, но стремятся все къ одному—связать то простое, что передъ глазами, съ страшнымъ прошлымъ этой пустыни. Хочешь представить себѣ то, что доступно только Богу,—жизнь тѣхъ легендарныхъ ханаанскихъ городовъ, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь названія. Думаешь о знойно-мглистомъ Моавѣ и опять слышишь слова Второзаконія: „И полуденную страну, и равнину долины Іерихона, городъ Пальмъ, до Сигора увидалъ Моисей... И умеръ тамъ въ землѣ Моавитской, по слову Господню, и погребенъ въ лѣ Моавитской, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня...“ Думаешь объ іерихонскихъ бальзамахъ Клеопатры, о термахъ Ирода и опять возвращаешься къ величайшей изъ всѣхъ легендъ земныхъ, къ искушенію Іисуса отъ дьявола... И теряешься въ образахъ временъ Рима, Византіи, Омаровъ...

Великими крестовыми битвами во имя и славу Того, Кто отвергъ здѣсь славу всѣхъ земныхъ царствъ, обрывается лѣтопись этой страны. За ними—вѣка молчанія, никому невѣдомыхъ и несчетныхъ подвиговъ отшельничества, погребенія себя заживо въ могильникахъ навѣки забвенной Іудеи. Въ молчаніи, вдали отъ жизни всего міра, множатся, какъ соты ось, крипты въ каменныхъ обрывахъ Іудейскихъ и Аравійскихъ горъ: на прибрежныхъ скалахъ страшнаго Асфальтического моря и въ огненныхъ ущельяхъ созидаются дикія обитатели. Но ураганами проносятся набѣги отъ Дамаска, отъ Багдада, отъ Геджаса, и вотъ, пустѣютъ и крипты, переполненные костями избѣженныхъ иноковъ, гложутъ разоренныя обитатели... И опять, опять воцаряется онъ, древній богъ пустыни!

Полдень проводимъ у самаго моря. Жутко звучить на его нагомъ, ослѣпительно - бѣломъ побережьѣ это слово—полдень. При-іорданскіе камыши и кустарники не смѣютъ дойти сюда вмѣстѣ съ Іорданомъ: далеко вокругъ песчано-каменисто и покрыто солью, селитрой то мѣсто, гдѣ сливается рѣка съ маслянистой, жгуче-горькой и тускло-зеленоватой водой асфальтической. На коралловыя похожи тѣ, какъ бы окаменѣвшія, вѣтви, что приносятъ сюда теченіе рѣки и что снова, уже мертвыми, выкидываетъ море. Въ мглисто-знойной дали теряется оно на югѣ. Въ знойной голубой мглѣ тонуть горные склоны. А за ними—заповѣдная страна, жизнь дикая, древне-аравійская, видѣнія дней Авраама, Агари, Измаила. Тамъ, въ капищѣ Эль-Латъ, племя Тарикъ еще донынѣ поклоняется гилгалу Солнца — полубога, полудьявола.

ХРАМЪ СОЛНЦА.

Такъ говоритъ Господь: сокрушу
затворы Дамаска и истреблю жителей
долины Авень.

Кн. прор. Амоса.

I.

Рано утромъ покинулъ я Бейрутъ. Поѣздъ вышелъ изъ порта къ востоку,—Бейрутъ глядитъ на сѣверъ,—свернулъ, огибая городъ, на югъ, среди сплошныхъ садовъ и виллъ,—и черезъ часъ былъ уже подъ Хадеттомъ. За Хадеттомъ онъ перемѣнилъ темпъ на торопливый, горный: стуча, раскачиваясь, онъ сталъ извиваться—опять на востокъ—все выше и выше, по красноватымъ предгорьямъ. Изъ-за цвѣтущихъ садовъ, покрывающихъ ихъ, изъ-за гранатовъ, шелковицъ, кипарисовъ, розъ и глициній нѣсколько разъ мелькнуло туманно-синее море. Слушая разноязычный говоръ, гулъ колесъ и грохотъ энергично работающаго паровика, я выглянулъ въ окно, дохнулъ посвѣжившимъ воздухомъ: въ необъятное пространство за нами все ниже и ниже падала далекая бейрутская долина, ставшая маленькой, плоской, кучки бѣлыхъ и оранжевыхъ точекъ—крышъ, темно-зеленыхъ пятен садовъ, кирпичныхъ отмели бухты и необозримая синь моря. Скоро все это скрылось—и снова развернулось еще шире... Все мельче, тѣснѣй становились точки, все игрушечнѣй—бухта, и все величавѣй, страшнѣй—море. Море росло, поднималось синей туманностью къ свѣтлому небу. А небо было не-сказанно огромно.

Подъ Джамхуромъ паровикъ сталъ на подъемъ въ котловинѣ, повернувшись къ Бейруту,—и за горами направо я вдругъ близко-близко увидалъ голую, серебряную съ чернью громаду Саннина. Пахло снѣгомъ, но сѣрая каменная стѣна маленькой станціи вся была въ цвѣтущей, ярко-пунцовой герани. Потомъ паровикъ звонко, по-горному крикнулъ—и опять застучалъ

короткимъ дыханіемъ въ кручу. И опять открылась головокружительная панорама съ далекимъ Бейрутомъ на днѣ. Зыбко зіяли глубокія ущелья съ одной стороны, торжественно возросталь Саннинъ съ другой... А за Арайей подъемъ, возвращаясь на западъ, пошелъ еще круче. Стало просторно и голо, прохладно и облачно. Дымомъ сползали облака по скатамъ. Миновавши Алэй, мы опять повернули къ востоку. Былъ тоннель. Налѣво открылась долина Хамана, за ней—горы въ сплошныхъ темно-зеленыхъ борахъ... За Софаромъ море скрылось, чтобы уже не показываться больше. Опять окунулись мы во тьму, дымъ и грохотъ, а когда выскочили,—о, какъ дико и вольно стало кругомъ! Изъ-за голыхъ вершинъ глянулъ Джебель-Кенэзэ, весь въ яркихъ серебряныхъ лентахъ. Онъ такъ четко сіялъ въ этой ясной, прохладной пустынѣ, что становилось легко и радостно при одномъ взглядѣ на него. Приближался переваль, паровикъ выбивался изъ силъ, одолѣвая послѣдній подъемъ. Изъ оконъ вагоновъ высывались фески, дымъ падалъ и стлался по придорожнымъ скаламъ... Въ одиннадцать мы пришли на Бейдаръ, къ перевалу.

Было тихо, свѣжо. Пять тысячъ футовъ не Богъ вѣсть какая высота, но волновала мысль, что ты на Ливанѣ. А впереди—долина Солнца, долина Авенъ, Келесирія. Тронувшись, мы пошли съ головокружительной быстротой. Съ грохотомъ нырнулъ поѣздъ въ длинный-длинный и могильно-темный тоннель. А когда этотъ грохотъ оборвался, мы ослѣпли отъ свѣта и не сразу поняли, что это, какъ море, сіяетъ впереди. Впереди же была—Келесирія!

Въ глубокой дали раскрылась она, ровная, пустая, котловиной среди горъ, смутно видныхъ въ солнечномъ туманѣ. Противъ лѣваго окна, надъ скатами, сіяла все та же голая громада въ бѣлыхъ лентахъ. На скатахъ лежалъ таюшій снѣгъ. А дорога все падала, и все ближе становилась огромная изумрудная долина въ фіолетовыхъ пятнахъ пашень. И еще огромнѣе былъ далекій валъ горъ за нею. Вотъ сосѣдъ трогаетъ меня сизой рукой за рукавъ и, блеснувъ зубами, говоритъ:

— Джебель-Шейхъ!

И, взглянувъ, я вдругъ вижу за долиной, въ солнечномъ туманѣ, величаво выдѣляющуюся изъ-за валовъ Антиливана куполообразную гору. Она вся въ полосахъ снѣга, идущихъ сверху внизъ, — какъ талесъ. Гермонъ, Великій Шейхъ! Надъ нимъ, почти на немъ—купы свѣтлыхъ, легкихъ облаковъ...

На Мерейатѣ стало совсѣмъ тепло. Лѣтній вѣтеръ, бѣлыя акаціи въ цвѣту... Но по горѣhalb все еще былъ снѣгъ—на изумительно-яркомъ полѣ синевы. За Мерейатомъ, послѣ очень крутого спуска, открылась Штора, большая и дикая на видъ арабская деревня съ плоскими глиняными кровлями. За Шторой, послѣ полудня, мы были уже въ долину. Пошли сады, въ нихъ—тополя, шелковицы. Сквозь сады замелькали синія и красныя одежды сирійцевъ, пахавшихъ на волахъ ржавую глину въ виноградникахъ... Близился Райякъ, гдѣ нужно было покинуть дамасскій путь и свернуть на сѣверъ.

Близились мѣста Эдема, Баальбекъ.

II.

Край баснословныхъ племенъ, родина Адама, святилище Солнца! Эта низменность, — въ ней около полутораста верстъ, — съ незапамятныхъ временъ называется Бека—страна, долина. Баальбекъ есть такимъ образомъ „долина Ваала-Солнца“. Слово Сирія—санскритское—значитъ опять-таки—солнце. Но мало того: эта долина, средоточіе солнечныхъ служеній, связана еще съ именемъ Рая, близость котораго къ Баальбеку была неоспорима въ древности.

Я глядѣлъ въ окна почти пустого вагона. Прохладный, сѣроватый день. Дорога отъ Райяка ровно и почти незамѣтно для глазъ идетъ на подъемъ, все къ сѣверу. Кругомъ — слегка волнистая пустыня, море тощихъ посѣвовъ, сквозитъ ржаво-красноватая почва, — именно та, изъ которой и былъ созданъ Адамъ! — и кое-гдѣ — дико цвѣтушіе кустарники. Въ открытое окно слѣва дуетъ свѣжій степной вѣтеръ, за долиной видны холмы предгорій и безъ конца тянется горбатый валъ Ливана—дикихъ тоновъ, весь въ бѣлыхъ лентахъ. И такая же гряда идетъ и справа—Антиливанъ. Я глядѣлъ — и вдругъ опять вспомнилъ талесъ, платъ, который накидываютъ на голову во время молитвы еврей,—слабое подобіе древнѣйшей кочевой одежды. Такъ вотъ откуда, подумалъ я, всѣ эти пѣгія хламиды, раскиданныя по Востоку, и даже полосатая черезполосица мраморовъ въ мечетяхъ! Все отсюда, изъ исполинскаго развала этихъ ни на что не похожихъ горъ.

Онѣ не кажутся высоки,—сама долина на четыре тысячи футовъ выше моря. Издалека не поражаютъ онѣ и очертаніями.

Но даже Кавказъ ничто передъ этими синеватыми валами и пѣгими горбами, точно перенесенными съ другой, болѣе старой планеты. Да съ другой планеты и всѣ памятники ихъ. Вонъ чуть сѣрѣетъ на Ливанѣ мѣстечко Керакъ съ высѣченной въ скалахъ стофуговой гробницей Ноя. Вонъ тамъ, на Антиливанѣ, есть селенье Неби-Шить, гдѣ чтутъ могилу Сива. А впереди—Баальбекъ, руины храма, превышающаго и древностью и размѣрами все сдѣланное рукою человѣка. Камни его возили на мастодонтахъ; въ святилищахъ его сливались въ служеніе единому Солнцу служенія Арамеи и Египта, Ассиріи и Финикіи, Греціи и Рима. Баальбеку уступали не только всѣ финикійскіе, но даже египетскіе храмы. Тамъ ликъ Солнца дробился: тамъ были боги, нисходившіе до людскихъ распрей, воплощавшіеся въ царяхъ и вождахъ; здѣсь былъ Богъ... А за Баальбекомъ, къ сѣверу, долина еще пустынный. На ней смѣшались и слились со скалами предгорій камни несмѣтныхъ городовъ и храмовъ, самое имя которыхъ исчезло безслѣдно, навѣки. Земля тамъ—одна изъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ—запущена, одичала. И высится на ней Гермиль, памятникъ Рая,—каменный кубъ на помостѣ чернаго базальта, украшенный барельфными луками, стрѣлами и фигурами тигра, кабана и слона,—охоты тѣхъ дней, когда Ливанъ, утопавшій въ исполинскихъ кедровыхъ лѣсахъ и великомъ обиліи водъ, былъ еще подлиннымъ Раемъ...

Въ открытое окно дулъ сильный вѣтеръ. Съ сѣвера изъ-за горъ, шла неохватная градовая туча, уже покрывшая и замутившая вершины туманомъ. Я подумалъ: тамъ Кедрь... Слѣдуетъ ли говорить нѣкоторые, искать на Ливанѣ отдѣльныхъ мѣстъ, связанныхъ преданьемъ съ Эдемомъ? Не Эдемъ ли весь Ливанъ? Вѣдь, кромѣ Гермиля, есть и было еще нѣсколько селеній, носящихъ это имя: на примѣръ, древне-сирійское на Антиливанѣ,—Гедимъ; Эдемъ близъ Дамаска. Болѣе же всего соперничаетъ съ Эдемомъ Гермиля Эдемъ близъ Кедровъ, часахъ въ десяти отъ Баальбека, на сѣверо-западѣ. Взбираются къ этому Эдему по ужасающимъ кручамъ Ливана, чтобы достигнуть подошвы высочайшихъ, вѣчно снѣжныхъ вершинъ. И видны оттуда цѣлыя страны—кряжи, долины, воды, лѣса и селенія необозримая пустыня Келесиріи, рѣки и царственныя руины Баальбека на ней, мутная синева Антиливана на востокѣ, бездна Средиземнаго моря, сливающаяся съ горизонтомъ, на западѣ... И вотъ одно изъ этихъ-то селеній и есть Эдемъ, а нѣсколько хвойныхъ рощ—остатки

кедровъ ливанскихъ, тѣхъ, которые Библия называла заоблачными, тѣнь ихъ—тѣнью, покрывшей всѣ земныя царства, бальзамъ—божественнымъ, на тысячи лѣтъ сохраняющимъ трупы отъ тлѣнія, древесину—не боящейся вѣчности... Теперь они гибнутъ, вырождаются. Но одна изъ пяти роцъ, уцѣлѣвшихъ близъ Эдема, еще и донинѣ почитается священной...

Я смотрѣлъ въ окна... Что такое теперь Баальбекъ? Даже происхожденіе его никому неизвѣстно. Извѣстно только, что упоминается онъ въ египетскихъ и ассирійскихъ надписяхъ, что былъ онъ колоніей Рима, которому и принадлежитъ построеніе—въ честь боговъ солнечныхъ—двухъ всемірно-славныхъ баальбекскихъ храмовъ—Великаго и Малаго. Брала и разрушала его арабы и монголы, а ихъ разрушеніямъ помогло нѣсколько страшныхъ землетрясеній, и вотъ, на мѣстѣ огромнаго города, остался бѣдный городокъ съ пятью тысячами разноплеменнаго сирійскаго люда и развалинами акрополя, въ которомъ отъ Великаго храма уцѣлѣло всего шесть колоннъ... Вдругъ вагонъ ярко озарился солнцемъ. И внезапно увидѣлъ я вдали нѣчто поражающее: густой зеленый оазисъ садовъ и тополей, тянувшихся среди долины и окружавшихъ желто-бѣлыя руины какой-то крѣпости, такой огромной, что сады казались подъ ней кустарниками, а высоко надъ ними—шесть какъ бы повисшихъ въ воздухѣ мраморныхъ колоссовъ.

Солнце изъ грозовыхъ тучъ озаряло ихъ и сады сильно и рѣзко. Темный-сизый фонъ неба еще болѣе усиливалъ яркость зелени и допотопныхъ стволовъ коллонады. И въ пролеты ея ветхозавѣтно глядѣлъ пѣгій горный талесъ. Бѣлымъ огнемъ горѣли широкія снѣжныя полосы этого талеса. И загорѣлись еще болѣе, когда мы приблизились къ Баальбеку. Но вдругъ померкли, воздухъ потемнѣлъ—и буря, докатившись съ Ливана, смерчемъ закрутила пыль надъ плоскокрышимъ городкомъ, бѣлѣвшимъ за руинами, тучей помчала ее надъ садами и сквозь колонны... Едва успѣлъ я вскочить въ холодный и пустой отель на каменистомъ холмѣ вблизи ихъ, какъ все смѣшалось въ лютomъ ливнѣ съ градомъ. Градъ съ трескомъ сѣкъ помутившіяся окна, міриадами летѣлъ и прыгалъ по землѣ. Вааль изъ-за облачной высоты величаво кидалъ въ мрачно окликавшіяся горы гуль и грохотъ, отъ которыхъ въ страхѣ метались фіолетовыя молніи...

Но когда, черезъ часъ, вышелъ я на балконъ, золотымъ блескомъ ослѣпила меня дождевая вода на балконѣ. Буря про-

неслась, и на землѣ воцарились безмятежный миръ и ясность, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, что такъ любятъ ласточки. Воздухъ былъ чистъ и тепелъ, талесы далекихъ куполообразныхъ вершинъ четки и близки, мокрые сады противъ балкона райски-свѣжи, густы и зелены. А надъ садами и надъ крѣпостными руинами, тонущими въ нихъ, стройно и державно возносились шесть желтоватыхъ колоссовъ Великаго храма. Съ балкона я глядѣлъ на предвечернее солнце, на Ливанъ, на сѣверо-западъ. На западъ на полверсты, тянулись по долинѣ руины. Тополя и фруктовыя деревья шли вдоль южной стѣны ихъ, подымавшейся надъ зеленью каменными зубьями, грубыми брешами. И мнѣ виденъ былъ весь акрополь, заключающій въ себѣ на восточномъ краю входъ, Пропилеи, на западномъ—Великій храмъ, а на срединѣ—Гексагонъ и Жертвенный дворъ. Малый храмъ построенъ отдѣльно, внѣ этой стѣны. Его циклопическій периптеръ сохранился на диво. Но здѣсь онъ терялся: все подавляли колонны Великаго храма. Раздѣленные далью пролетовъ, онѣ стояли фронтомъ къ югу. Верхъ одной изъ нихъ—крайней справа—былъ почти свободенъ отъ архитрава... Скоро она рухнетъ, подумалъ я, и рухнетъ ужасно! Вѣдь въ одномъ фундаментѣ акрополя аршинъ пятнадцать высоты, но колонны стоятъ не на немъ: для Великаго храма былъ воздвигнутъ еще другой фундаментъ, высотой почти равный первому. А въ самыхъ колоннахъ росту аршинъ сорокъ! Нѣкогда перистиль храма,—окружавшая его колоннада,—состояла изъ пятидесяти четырехъ такихъ колонъ. Теперь ихъ только шесть,—третья часть южной части перистиля, удержавшаяся на стѣнѣ второго фундамента. И какъ одиноки онѣ! Воздухъ долины становился голубымъ, валъ Ливана синимъ. Далеко на сѣверо-западѣ начинали желтѣть ленты одного изъ высочайшихъ горбовъ, все яснѣе выдѣлявшихся на небѣ. Между небомъ и землей былъ несказанный просторъ... Но величье этихъ колоннъ, одинокихъ „наслѣдниковъ дней героевъ“, было ни съ чѣмъ несравнимо.

III.

Солнце склонялось; въ мокрыхъ зеленыхъ садахъ, казавшихся еще свѣжѣе отъ шума горной мутно-зеленой рѣчки, въ садовой глуши вокругъ акрополя, была тѣнь. Маленькими казались тополя, стоявшіе вдоль стѣны его, вдоль фундамента... Привратникъ пропустилъ меня за желѣзную рѣшетку къ Пропилеямъ.

Нѣкогда къ нимъ, во всю ихъ длину, вела мраморная лѣстница; сарацины до послѣдней плиты разрушили ее, превращая акрополь въ крѣпость, и теперь поднимаются узенькой, новой. Нѣкогда и Пропилеи были стройнымъ, величавымъ зданіемъ. Двѣнадцать сіенитовыхъ колоннъ образовывали фасъ. За нимъ былъ порталъ въ три пролета. По бокамъ стояли павильоны-экзедры, воздвигнутые изъ огромныхъ камней со всей роскошью и силой древняго зодчества и ваянія, съ двумя ярусами нишъ—для статуй боговъ. Теперь отъ колоннъ остались только пьедесталы, порталъ являетъ видъ проломовъ въ крѣпостной стѣнѣ, проходъ къ нему заваленъ каменными глыбами и разбитыми капителями, полуразрушенныя экзедры зіяютъ. Отъ южной мало-мальски уцѣлѣла южная стѣна. Сѣверная раскрыта и почти лишена стѣны восточной. Высокій входъ ея—въ коринѣскихъ пилястрахъ, выщербленныхъ и выглаженныхъ временемъ. Сарацины превратили павильоны въ башни, увеличили высоту ихъ надстройками,—и дикій камень надстроекъ рѣзко отдѣляется отъ древняго, похожаго на мраморъ... Тѣнь была въ этихъ раскрытыхъ развалинахъ. Глубоко и густо синѣло надъ ними вечернее небо. Зеленая верхушка тополя тянулась снизу, заглядывая въ брешь. И мертвая тишина стояла вокругъ.

За стѣной Пропилей—Гексагонъ, первый дворъ. Огромный шестиугольникъ его замкнутъ шестиугольникомъ стѣнъ и сплошныхъ экзедръ, опять-таки почти до тла разрушенныхъ. Мраморный скользкій шестиугольникъ въ три ступени идетъ вокругъ площади двора, на разстояніи шаговъ двадцати отъ экзедръ. На немъ возвышалась шестиугольная колоннада, связанная съ экзедрами сводомъ. Въ тѣни этой галлерей толпились ожидавшіе входа во дворъ Жертвенный... Отъ колоннъ не осталось теперь ни единой. Пустой дворъ окружаютъ громады руинъ. Сарацины пробили въ нихъ бойницы, понадѣлали много грубыхъ амбразуръ. Землетрясенія и осады почти ничего не оставили и отъ этой работы. Чувствуешь лишь дикость древней цитадели, слѣды свирѣпыхъ древнихъ битвъ и—тяжесть, величіе Рима.

А за Гексагономъ—дворъ Жертвенный, дворъ, повторяющій первый, но лишь въ иной, квадратной формѣ и чуть не втрое превосходящій его по размѣрамъ. Мало оставило время и отъ второго тройного портала, — проходовъ изъ Гексагона на Площадь Всесоженія; вмѣсто портала зіяетъ теперь пустота среди остововъ крайнихъ экзедръ, что похожи на остовы какихъ-то допо-

топныхъ жилищъ, на сквозныя пещеры. И когда я, оглянувъ Гексагонъ, кинулъ взглядъ далѣе,—необозримый каменный хаосъ, хаосъ цѣлаго города, ниспровергнутаго землетрясеніемъ, открылся предо мною. Не на Гексагонъ и Пропилеи, а вѣдь именно сюда, гдѣ послѣдовательно возрастали и размѣры и святость Храма Солнца, направлены были силы подземныя, ужасы осадъ и варварство самыхъ низкихъ варваровъ—византійскихъ императоровъ. Но великое осталось великимъ. Чуть не на полверсты тянулся среди этого хаоса отшлифованный мириадами ногъ, мѣстами зіяющій провалами, мѣстами заросшій колючками проходъ. Шесть колоссовъ, стоящихъ почти на самомъ концѣ его, на остаткахъ фундамента, глядѣли на югъ и сливались въ одинъ, занимая полнеба. Ихъ стволы, обожженные зноемъ и вѣтромъ, были красноваты. Горизонтъ за ними замыкался зубцами и проломами Стѣны Циклоповъ. Небо блѣднѣло, низко спустившееся солнце все слегка золотило... Я сѣлъ среди двора на камень.

Было тихо-тихо. Безъ конца лежали и стояли вокругъ меня обломки сіенитовыхъ туловищъ,—точно какія-то страшныя каменные существа. Позади и вправо широко раскрывали свои каменные утробы искаженныя и разрушенныя экзедры; только двѣ три изъ нихъ напоминали о прежнемъ великолѣпнн раковинообразныхъ нишъ, пилястровъ и горельефовъ. А налѣво громоздились камни, шли какіе-то рвы и провалы—и тяжело, и вмѣстѣ съ тѣмъ легко, стройно и громадно высился храмъ Малый, чудомъ сохранившій весь свой, какъ бы литой изъ желтоватаго мрамора корпусъ и цѣлыхъ девять колоннъ какъ разъ на томъ флангѣ который былъ виденъ мнѣ. Я глядѣлъ на нихъ и долго не могъ понять, что это такъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ *тѣхъ* шести колоннъ. Малый храмъ, это рѣдкій образецъ эллинской красоты и несокрушимой римской мощи, былъ немного меньше Великаго. Нѣтъ при немъ ни Пропилей, ни Гексагона, ни двора всесоженія, но фундаментъ его почти равенъ тому, исчезнувшему фундаменту, на которомъ стояло святилище Солнца. Почти равны и перестили ихъ... Въ чемъ же тогда дѣло? Только въ томъ, что колонны храма Солнца вверху не суживаются. Но какъ далеко уносить это въ глубину вѣковъ!

Можно представить себѣ красоту Малаго храма, Пропилей, Гексагона, двора Жертвеннаго—въ тѣ дни, когда только-что отлилось въ совершенныя формы и сочеталось въ Баальбекѣ „самое прекрасное на землѣ съ самымъ величественнымъ“. Этотъ

хаотическій просторъ, нынѣ подобный страшнымъ картинамъ Исаи, лоснился тогда мозаичными настилками. Стѣны и экзедры, гдѣ помѣщалось болѣе трехсотъ нишъ для всѣхъ боговъ Олимпа, стройно замыкали его съ трехъ сторонъ, на четвертой, западной, шла лѣстница къ высоко вознесенному portalу Великаго храма. Квадратъ изъ огромныхъ сіенитовыхъ колоннъ — темно-розовыхъ, гладко шлифованныхъ египетскихъ монолитовъ — охватывала средину двора, и галереи между ними и экзедрами всегда были полны свѣта, тѣни, бѣлыхъ хитоновъ. Нельзя было найти мѣста, не блиставшаго мраморомъ статуй, пилястрами, фронтонами и причудливой лѣпкой карнизовъ, капителей, — этихъ окаменѣвшихъ листьевъ, узоровъ и цвѣтовъ. Ярко млѣла синя неба надъ квадратомъ двора. Дымъ непрерывныхъ сожженій и языки прозрачно-золотого пламени поднимались съ гигантскаго жертвенника, съ раскаленной мѣдной настилки его — съ алтаря возлѣ мраморныхъ ступеней, тремя переходами поднимавшихся къ чудовищному периптеру Великаго святилища... Но легко сказать: чудовищному! Какъ представить себѣ его?

Та часть основного фундамента, на которой стоялъ фундаментъ святилища, равна только половинѣ двора Жертвеннаго. Но древніе не даромъ называли святилище „первобытнымъ“: дѣло было не въ ширинѣ и длинѣ, а въ высотѣ и размѣрахъ строительнаго камня. И уже одно то, что периптеръ святилища былъ вознесенъ еще и на другой громадный фундаментъ съ подземельями внутри, свидѣтельствуетъ о томъ, что самостоятельность Рима здѣсь кончается. Кѣмъ былъ сложенъ основной фундаментъ? Какими-то древне-арамейскими племенами — изъ самыхъ большихъ монолитовъ, „какіе когда-либо поднималъ человѣкъ“, и въ тѣ дни, когда легенды о титанахъ еще дышали жизнью. Неизвѣстно, кѣмъ построено и самое святилище Солнца: Римъ только реставрировалъ его. Но и реставрировалъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ преданій о великихъ капищахъ, о столпотвореніяхъ, объ уступчатыхъ зиккуратахъ, этихъ „башняхъ до небесъ“, и посвятилъ его Солнцу-Ваалу, сочетавшему здѣсь свое имя съ именемъ Юпитера. И святилищемъ Ваала, прежде всего Ваала и было и осталось святилище Великаго храма, уступами вознесенное къ небу и охваченное колоссами, имѣвшими и внизу и вверху одну толщину — какъ капище первобытное. А сказочнымъ монолитамъ, изъ которыхъ сложенъ основной фундаментъ, его подземелья и Стѣны Циклоповъ, Римъ могъ только благоговѣнно дивиться:

тайна передвиженія и кладки этихъ монолитовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ по тридцати аршинъ въ длину, даже для него была непостижима.

Солнце сѣло, и, какъ всегда на Востокѣ, стало на минуту особенно свѣтло. И въ этомъ странномъ свѣтѣ безъ солнца, въ пространствѣ, какъ бы лишенномъ воздуха, рѣзко обожженные красноватымъ загаромъ колонны вдругъ пріобрѣли ужасающую выпуклость, тяжесть и высоту. Я пробрался къ нимъ по глыбамъ камня, по оврагамъ и возвышенностямъ, по остаткамъ мраморныхъ ступеней и тысячелѣтнему мусору, зашелъ подъ фундаментъ, на которомъ стоятъ колонны, и, закинувъ голову, глянулъ вверхъ... Дивно было сочетаніе бездоннаго блѣдно-голубого неба и оранжево-красноватаго тона этихъ поднебесныхъ стволовъ! Но они уже меркли. Быстро падалъ сумракъ. Спотыкаясь, я сбѣжалъ въ ровъ, въ уголъ образованный Циклопическими стѣнами. Ихъ теперь двѣ: западная и сѣверная. Обѣ искажены вверху надстройками и проломами. Но искаженія только усугубляютъ ихъ допотопный видъ. Изъ темнаго оврага выбрался я по каменисто-мусорнымъ холмамъ, поднимающимся къ пролому въ углу стѣнъ, на свѣтъ заката и сталъ въ проломѣ. Подо мной былъ обрывъ, вдали—темное море долины, а за нимъ—валы Ливана и далекія, чуть краснѣющія въ сумракѣ ленты его горбовъ. Подо мной была стѣна, сложенная сынами Солнца—стѣна, камни которой останутся здѣсь недвижимыми до конца міра.

М а г д а л а .

ГЕННИСАРЕТЬ.

Въ Виюлеемѣ, въ подземномъ придѣлѣ храма Рождества, блещетъ среди мраморнаго пола, неровнаго отъ времени, большая серебряная звѣзда. И вокругъ нея—крупныя латинскія литеры, твердая и краткая надпись:

Nic de Virgine Maria Iesus Christus natus est.

Въ придѣлѣ, какъ и подобаетъ пещерѣ, бѣдно. Но огнями, серебромъ, самоцвѣтами переливаются надъ звѣздою неугасимыя лампы. Тамъ, наверху—жаркое и веселое солнечное утро, пестрота и крикъ восточнаго базара. Здѣсь—холодъ, сумракъ, благоговѣйное молчаніе. И кто бы ни вошелъ сюда, что бы ни исповѣдалъ онъ,—затихая сдерживая дыханіе, не сводя глазъ съ этой средневѣковой надписи, преклоняетъ онъ колѣни:

Nic de Virgine Maria Iesus Christus natus est.

Есть древніе пергаменты, называемые палимпсестами,—хартіи, письма которыхъ полустерты или покрыты чѣмъ либо, чтобы на мѣстѣ ихъ можно было начертать новыя. Въ Виюлеемѣ чувствуешь, прозрѣваешь то драгоценное, первое, что сохранилось на его священномъ палимпсестѣ. Въ царскія одѣянія облекли Рожденнаго здѣсь; царямъ, путеводимымъ Звѣздою, повелѣли

принести Ему, лежащему въ ясляхъ, вѣнцы свои, злато, ливанъ, смирну, и легендами, прекраснѣе которыхъ нѣтъ на землѣ, расцвѣтили сладчайшую изъ земныхъ поэмъ—поэму Его рожденія. На торжественныхъ церковныхъ языкахъ разсказана она. Но, когда благоговѣнно склоняешься надъ нею въ Виолеемѣ, проступаетъ живая трепетная красота подлиннаго, красота простыхъ, первыхъ письменъ.

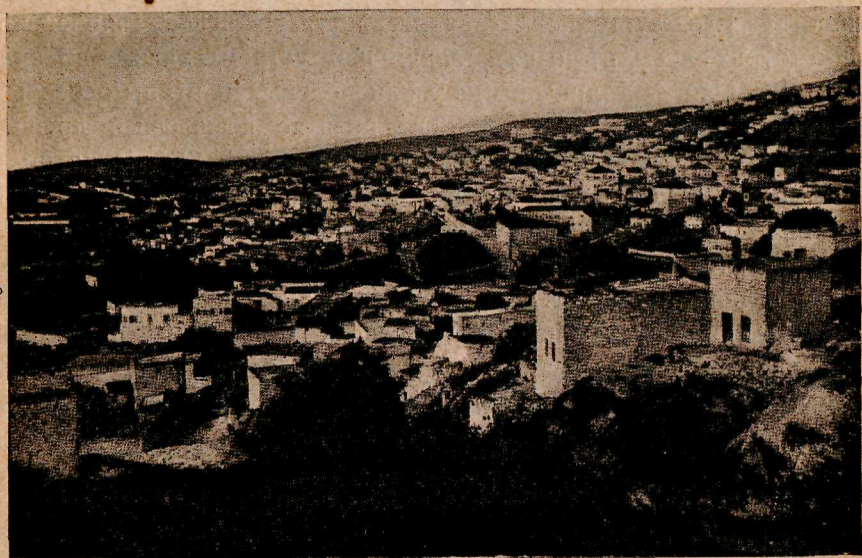
Назаретъ—дѣтство Его. Тамъ, въ тишинѣ и безвѣстности, протекло оно, такое человѣческое, такое земное. Тамъ огорчали и радовали Его игры со сверстниками, тамъ ласковая рука Матери чинила Его дѣтскую рубашечку, тамъ таинственно нисходила въ Его душу недѣтская мудрость, и ясное галилейское небо отражалось въ очахъ, задумчиво устремленныхъ въ синь зеленыхъ долинъ Эздрелона, на лиліи полевые и птицы небесныя. Вѣтхіе пергаменты Назарета остались во всей своей древней простотѣ. Но скудны и чуть видны письмена, уцѣлѣвшія на нихъ! И великую грусть и нѣжность оставляетъ въ сердцѣ Назаретъ. Помню темныя весеннія сумерки, черныхъ козъ, бѣгущихъ по каменистымъ улочкамъ, тотъ первобытно-грубый каменный водоемъ, къ которому когда-то приходила Она, помню Ея жилище: маленькое, тѣсное, пещерное, полное вечерней тьмы, пустующее уже двѣ тысячи лѣтъ... Какъ полевой цвѣтокъ, мало кому вѣдомый, выросшій изъ случайно занесеннаго вѣтромъ сѣмени въ углу покинутаго дома, расцвѣла и здѣсь легенда, можетъ-быть, самая прекрасная, самая трогательная: безъ огня, по бѣдности родителей, засыпалъ божественный Младенецъ; Мать сидѣла у Его постельки, тихо заговаривая, убаюкивая Его, а чтобы не было скучно и жутко Ему въ наступающей ночи, свѣтящіяся мушки по очереди прилетали радовать Его своимъ зеленымъ огонькомъ...

А страна Геннисаретская, гдѣ прошла вся молодость Его, всѣ годы благовѣствованія, всѣ тѣ дни, незабвенные до скончанія вѣка, для нихъ же и былъ Онъ въ мірѣ,—она и совсѣмъ не сохранила зримыхъ слѣдовъ Его. Но нѣтъ страны прелестнѣе, и нигдѣ такъ не чувствуется Онъ!

Какъ надъ всей Святой Землей, почіеть и надъ нею великое запустѣніе. Многолюдные города и селенія, все многообразіе древней галилейской жизни, а среди этого многолюдства—Онъ, юный, неустанный, вдохновенный, окруженный Любимыми,—вотъ что оставляютъ въ воображеніи Евангелія, исторія. Но надо

видѣть страну Геннисаретскую: теперь она, молчаливая, пустынная, дѣлитъ участь всей Палестины.

Въ ясный вечеръ, при заходящемъ солнцѣ, съ юга подошли мы къ Геннисарету по Иорданской долинѣ. Все дико, голо, просто вокругъ: и въ долинѣ, и по каменистымъ предгоріямъ, обступившимъ ее,—меланхолическимъ, сѣро-коричневымъ, въ золотисторыжихъ пятнахъ по склонамъ, гдѣ отъ солнца выгорѣли травы. Тропинка вьется среди желтаго, уже созрѣвшаго и подсохшаго ячменя. За нимъ—прибрежная деревушка, глиняная, безъ единаго дерева, кажушаяся необитаемой. Пройдя по сѣрымъ пескамъ,

Н а з а р е т ъ .

на которыхъ стоитъ она, увидѣли мы водную равнину прелестнаго зеленоватаго тона, теряющуюся среди горъ, въ дали, замкнутой неясной громадой пѣгаго Гермона. Вправо—бѣдный истокъ Иордана. И галилейски радуется глазъ розовыми цвѣтами дикаго олеандра низменность у мелкихъ водъ его...

Солнце было за горами. Свѣтъ его гаснетъ здѣсь быстро, а какъ только онъ гаснетъ, съ горъ срывается недолгій, но сильный вѣтеръ. И темнѣющее озеро уже шумѣло отъ крупной зыби. Четыре гребца нашихъ поспѣшили кинуть весла, вздернуть парусъ и привалиться къ бортамъ, затянувъ вполголоса что-то

тоскливо-беззаботное. Вѣтеръ ударилъ въ парусъ, крѣпко накренилъ,—и мы понеслись въ сумракъ, на дальніе огоньки Тиверіады, разсыпанные подъ черной горою, стучая днищемъ по волнамъ, черпая воду, то и дѣло окатываясь съ ногъ до головы брызгами. Я крикнулъ, чтобы ослабили парусъ: эти полуголые, худые, загорѣлые галилеяне, въ своихъ войлочныхъ круглыхъ колпачкахъ, прикрывающихъ только макушку, крикнули что-то въ отвѣтъ, блестя зубами и бѣлками, и продолжали пѣсни... „Становилось темно, а Іисусъ не приходилъ къ нимъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и море волновалось“... Да, да, это было здѣсь! Онъ дышалъ этимъ мягкимъ, сильнымъ благовоннымъ вѣтромъ!—Черезъ часъ мы были уже въ Тиверіадѣ, маленькой, тѣсной и грязной, гдѣ лишь одинъ сносный пріютъ—старый латинскій монастырь на самомъ берегу.

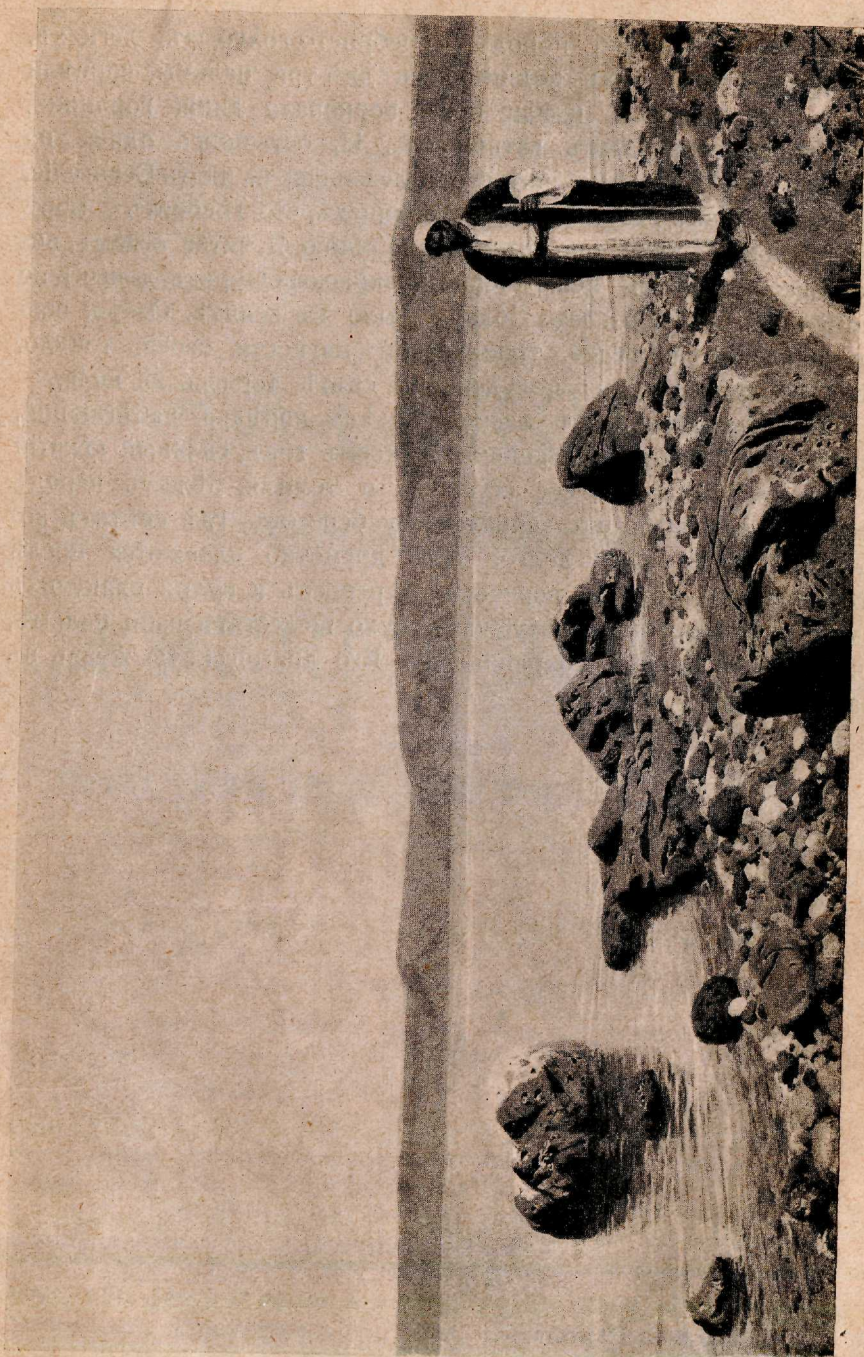
Отъ Тиверіады кесарей ничего не осталось. Французъ-настоятель, пригласившій насъ передъ сномъ выйти на кровлю, съ которой далеко было видно успокоенное въ лунномъ свѣтѣ озеро, жаловался: они изнемогаютъ отъ скуки и тропическаго зноя въ этомъ навозномъ мѣстечкѣ; вокругъ нихъ—пустыня; отъ Магалды ссталось только названіе; отъ Капернаума—груды камней, гдѣ итальянцы-монахи ведутъ раскопки; въ Табхѣ пять человѣкъ братіи... „Это близъ Капернаума, на сѣверномъ берегу?“—Да, да,—разсѣянно сказалъ настоятель, играя четками, мотая ногой въ лиловомъ чулкѣ, въ башмакѣ съ серебрянной пряжкой, и глядя на туманныя предгорія Галаринскія, за озеро. Луна сіяла—высоко-высоко. Все озеро было въ свѣтломъ, тончайшемъ пару. Знойно звенѣли внизу цикады—на пыльных кустарникахъ, на столѣтнихъ придорожныхъ кактусахъ. Тиверіада спала. И вся ея мертвая страна покоилась въ мертвой тишинѣ.

Мнѣ долго не давалъ уснуть козленокъ, жалобно плакавшій гдѣ-то по сосѣдству. Въ маленькое окошечко, пробитое въ каменной стѣнѣ почти подъ потолкомъ—какъ въ тюрьмѣ—бѣлѣло сквозь желѣзную рѣшетку лунное небо. Въ полутемной жаркой кельѣ беззвучно плавали москиты. Блохи же Тиверіады упоминаются даже въ путеводителяхъ... Но я поминутно говорилъ себѣ: я въ Тиверіадѣ! Эта ночь была одной изъ счастливейшихъ во всей моей жизни.

Раннимъ утромъ мы поплыли въ Капернаумъ. Озеро недолго дышало утренней свѣжестью. Вотъ уже растянули бѣлый парусиновый навѣсъ надъ лодкой,—и онъ озаряетъ лица. Солнце все

ослѣпительнѣе и жарче. Озеро штильѣтъ. Желто-рыжіе верхи предгорій Гадаринскихъ дѣлають водныя зеркала у береговъ золотыми. И въ золотѣ отражаются сѣро-лиловые склоны ихъ. Вода подъ лодкой—зеленая, прозрачная, какъ слеза, кажется бездонной. Гребцы, одинъ юноша, другой старикъ, совсѣмъ Петръ Апостоль, работаютъ дружно и легко, и отъ поворачивающихся въ водѣ весель извиваются, уходятъ въ глубину какъ бы толстыя зеленыя змѣи съ серебрянными блестящими брюхами. Потъ уже градомъ льетъ съ красныхъ лицъ гребцовъ. Они—рыбаки, въ лодкѣ лежатъ ихъ сѣти... „Проходя же близъ моря Галилейскаго, Онъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ, и Андрея, брата его, закидывающихъ сѣти въ море“... Развѣ не могъ призвать Онъ и этихъ? Они еще нѣсколько разъ налегають на весла—и поднимають ихъ: лодка, чуть журча, добѣгаетъ до берега. Мы выходимъ и оглядываемся. На берегу, среди колючихъ кустарниковъ и розовыхъ цвѣтовъ олеандра,—груды бѣлыхъ камней, колоннъ: это и есть развалины знаменитой синагоги Капернаума, куда столько разъ, въ такіе же знойные дни, входилъ Онъ, тѣснимый народомъ, искавшимъ коснуться Его. Тишина, солнце, блескъ воды. Сухо, жарко, радостно. И вотъ Онъ, съ раскрытой головою, въ бѣлой одеждѣ, идетъ по берегу... Здѣсь, на этомъ благословенномъ озерѣ, все такъ просто,—такъ легко чувствовать близость Его! Симонъ и Петръ не удивились Его словамъ: „Они тотчасъ, оставивъ лодку и отца своего, послѣдовали за Нимъ...“

Табха между Капернаумомъ и Магдалой. Мы опять поплыли мимо невысокихъ холмовъ въ тѣхъ же бурыхъ, выгорѣвшихъ травахъ. Возлѣ Табхи единственное живое мѣсто этой пустыни: въ озеро впадаетъ источникъ, дающій о себѣ знать нѣсколькими эвкалиптами и посѣвами въ долинкѣ межъ холмами. Подъ эвкалиптами черный мальчикъ пасетъ десятокъ черныхъ вислоухихъ козь съ колокольчиками на шеѣ. Это—стадо братіи. А пріютъ ея—на холмѣ, рядомъ: нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, дватри зданія изъ дикаго камня за высокими стѣнами. Настоятель здѣсь старикъ-нѣмецъ, чистота и порядокъ у него нѣмецкіе. Встрѣтилъ онъ насъ, сожженныхъ зноемъ, сдержанно, но привѣтливо, комнаты далъ въ нижнемъ этажѣ, самыя прохладныя, выходящія на большую каменную террасу, въ садикъ по скату холма, усыпанный гравіемъ, испещренный легкой тѣнью свѣтлой, сквозной зелени перечныхъ деревьевъ, нѣжнѣйшихъ мимозъ,

Генисаретское озеро,

нѣжнѣйшихъ хвойныхъ породъ—серебристо-голубыхъ, легкихъ, какъ пухъ. Среди нихъ поднимались двѣ-три пальмы, чернѣли молоденькіе кипарисы, цвѣли розы, ворковали дикія горлинки, наслаждаясь солнечнымъ затишьемъ... И, оставшись одинъ на террасѣ, я взялъ съ каменнаго стола лежавшее на немъ Евангеліе, развернутое какъ разъ на тѣхъ страницахъ, что говорятъ о морѣ Галилейскомъ. Теперь оно было предо мною. Я, читая о немъ, видѣлъ и его, и свѣтлый, неизреченно-прекрасный Образъ, доннынѣ не покинувшій его береговъ. Солнце было въ зенитѣ. Озеро, воздушно-зеленое, во всей тропической мягкости своей, тонуло, млѣло въ серебристомъ полуденномъ свѣтѣ, теряясь на югъ...

Какъ сладокъ, какъ ласковъ здѣсь изрѣдка набѣгающій, теплый отъ дыханія затуманненныхъ зноемъ горъ, сильный южный вѣтеръ, какъ широко, все сгущаясь и темнѣя, бѣжитъ передъ нимъ лиловая зыбь по зеркаламъ у береговъ, гдѣ свѣтитъ золото предгорій, какъ долго, какъ дремотно кланяются послѣ него кипарисы, вѣточки перечныхъ деревьевъ и кудри плакучихъ мимозъ въ золотомъ цвѣту, какъ сухо шелестятъ вайи пальмъ, напоминая о Египтѣ, сохранившемъ Его драгоцѣнную жизнь въ младенчествѣ!

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

„ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Петроградъ, Поварской пер. д. 2, кв. 9 и 10.

Выписывающіе изданія книгоиздательства „Жизнь и Знаніе“ не менѣе, чѣмъ на два рубля, непосредственно изъ нашего магазина, — (Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10) — за пересылку не платятъ. Упаковка за счетъ заказчика.

Подробные каталоги высылаются бесплатно.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“

С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227—42.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВСКОРЪ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

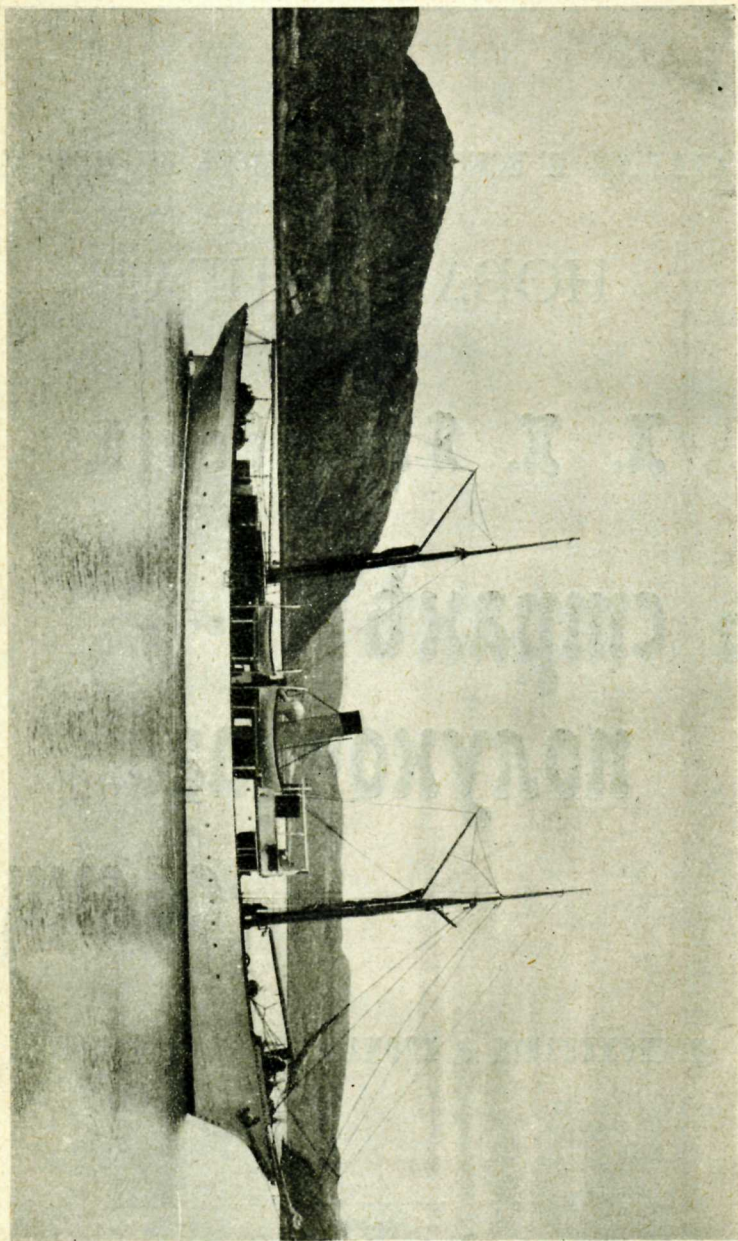
К. П. Ягодовскій.

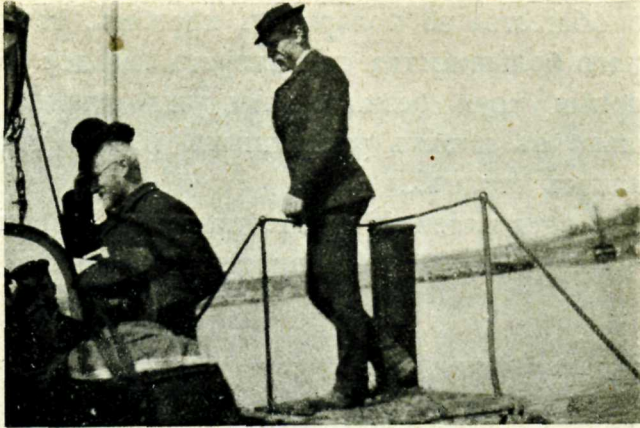
**Въ страхѣ
полуночнаго
солнца.**

(ВОСПОМИНАНІЯ О МУРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ).

«Андрей Первозванный».

Нансенъ входитъ по трапу на нашъ пароходъ.

Мы очень плохо знаемъ свою родину и особенно нѣкоторые ея уголки. Къ такимъ именно уголкамъ относится

Самоѣды.

крайней сѣверъ Россіи... Уже Архангельскъ рисуется намъ какимъ-то «гиблымъ мѣстомъ», а Мурманское побережье или Новая Земля для многихъ мало чѣмъ отличаются отъ сѣвернаго полюса...

Намъ трудно себѣ представить кипучую жизнь чело-
вѣческаго общества за полярнымъ кругомъ, точно также
у громаднаго большинства существуетъ твердое убѣжденіе,
что полярныя моря безжизненны, что жизнь ключемъ
бьетъ только въ моряхъ умѣренныхъ и, главнымъ обра-
зомъ, южныхъ странъ...

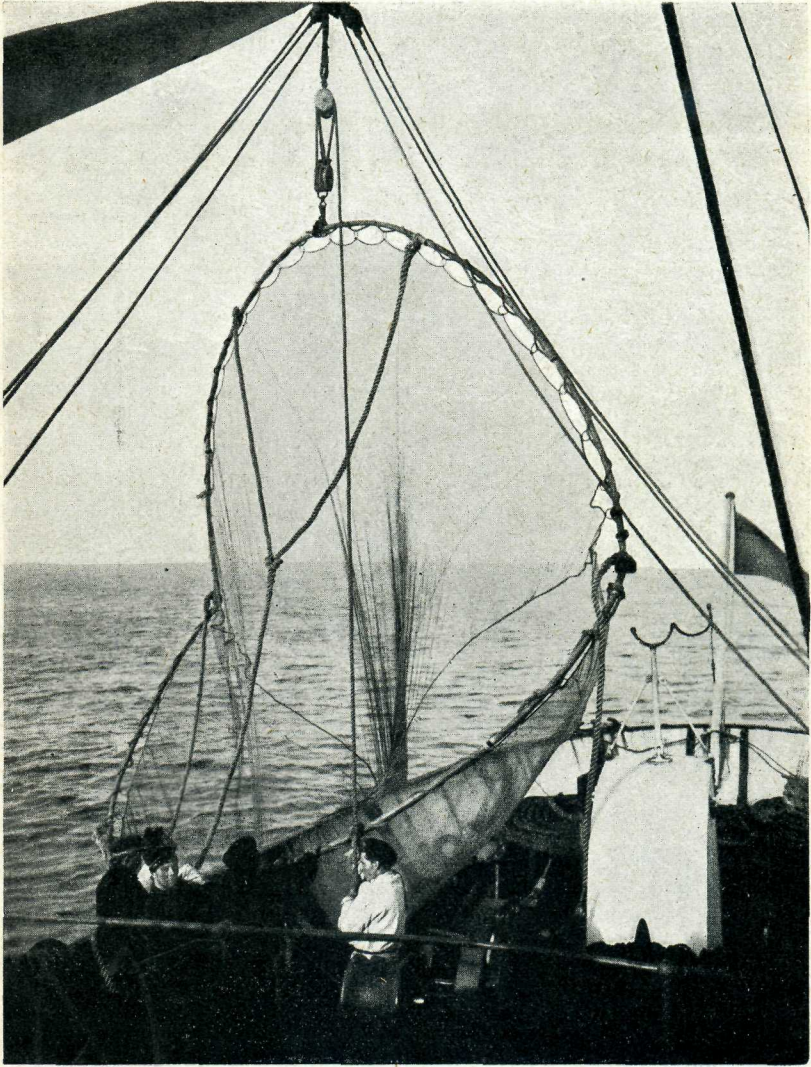
Автору предлагаемой книги, пришлось три лѣта про-
вести на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи, въ каче-

Обдирка моржа.

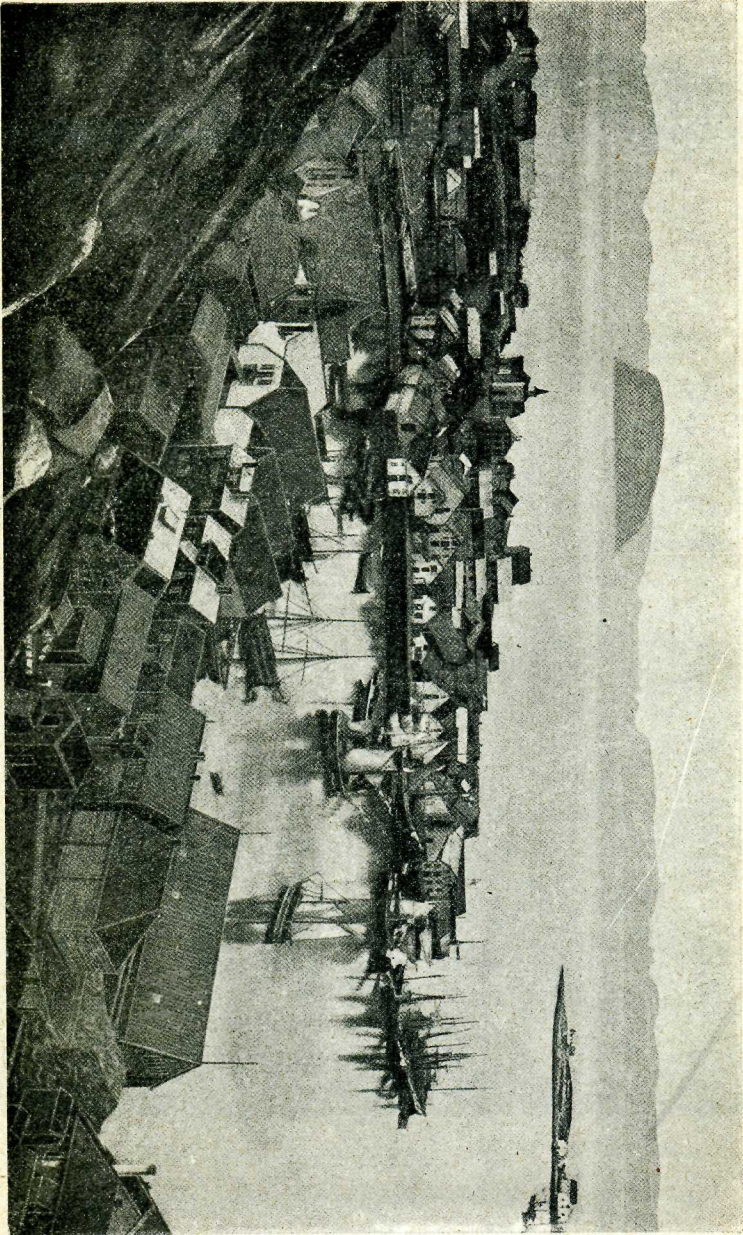
ствѣ участника Мурманской научно-промысловой экспе-
диции. Природа нашего сѣвера, жизнь на сушѣ и въ водѣ,
быть мѣстныхъ жителей, борьба ихъ съ суровыми усло-
віями жизни, рыбныя и звѣриныя промыслы, работы
экспедиции и нѣкоторые добытые ею результаты—вотъ
главные вопросы, характеризующіе содержаніе книги.

На этомъ фонѣ авторъ знакомитъ читателя также и
съ методологіей океанографическихъ изслѣдованій. Въ

Большая сѣтка.

Панорамы г.Томь.

настоящее время чуть не въ самыхъ младшихъ классахъ школы дѣти слышатъ, что въ такомъ-то океанѣ, на такой-то глубинѣ наблюдаются тѣ или иныя физико-географическія условія, живутъ такія-то животныя, но какъ люди узнали это, какъ проникли они въ тайны океаническихъ глубинъ,—объ этомъ имъ, вѣроятно, за очень рѣдкимъ исключеніемъ, нигдѣ не сообщаютъ. А между тѣмъ въ возрастѣ 12—15 лѣтъ эти именно вопросы особенно интересуютъ нашихъ дѣтей! Придавая громадное значеніе подобнаго рода знаніямъ, авторъ знакомитъ своихъ читателей съ главнѣйшими приѣмами опредѣленія глубины, грунта, глубинныхъ температуръ, добыванія пробъ воды для анализовъ, а также съ современными способами добыванія животныхъ съ различныхъ глубинъ океана.

Содержаніе книги составляется изъ слѣдующихъ главъ: Счастливый день.—Сборы.—Отъѣздъ въ Либаву.—«Андрей Первозванный».—Море.—Копенгагенъ.—Христіанія.—Отъ Христіаніи до Трондъема.—Отъ Трондъема до Екатерининской гавани.—Екатерининская гавань.—Въ Териберкѣ.—Ловъ наживки.—На шнякѣ.—Работы ботовъ.—Жизнь въ Териберкѣ.—На «Поморѣ».—До Гаврилова.—Въ Гавриловѣ.—Акулы.—На «Андрѣ Первозванномъ».—Киты.—На берегу.—Маленькій рейсъ.—На островѣ Кильдинѣ.—Во льдахъ.—На Новой Землѣ.—Чешская губа.—Звѣриный промыселъ.—Возвращеніе.—Мурманъ зимою.

Въ книгѣ около 200 иллюстрацій съ фотографіей, сдѣланныхъ во время экспедиціи, нѣсколько отдѣльныхъ таблицъ, отпечатанныхъ въ 2 краски и 3 карты.

Книга печатается въ форматѣ этого циркуляра, на такой же бумагѣ и этимъ же шрифтомъ.

Цѣна въ художественной обложкѣ, отпечатанной въ нѣсколько красокъ—**3 р.**, въ папкѣ—**3 р. 35 к.**, въ переплетѣ—**3 р. 75 к.**

*Выписывающіе экземпляръ изъ главнаго нашего Склада,—
Петербургъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19,—за пересылку не платятъ.*

